

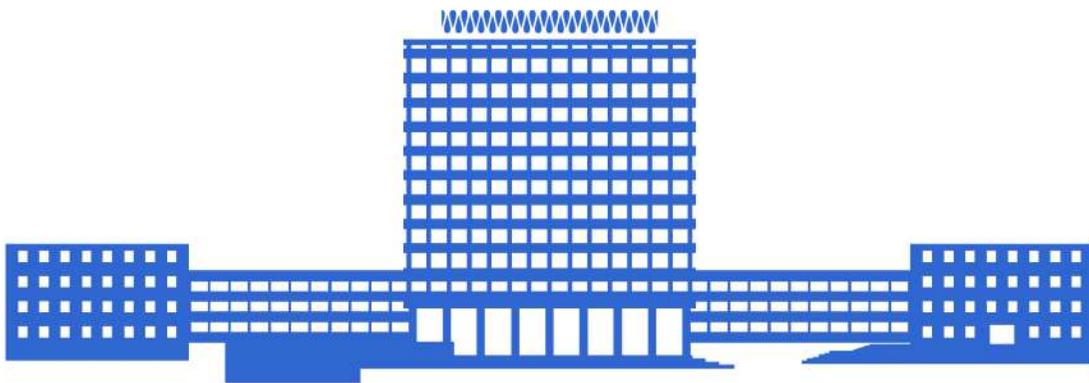
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 13 Выпуск 3 (37) 2017

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал /
отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2017. – Т. 13. – Вып. 3 (37). –
168 с.

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 8 от 21 ноября 2017 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 13 Выпуск 3 (37) 2017

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2017

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 13 Issue 3 (37) 2017

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 13, Вып. 3 (37), 2017

Германские языки

<i>Громова Н. В.</i> Национально-культурная специфика субстандартной лексики: основные подходы к дефиниции и лексикографическому описанию в отечественном и зарубежном языкознании.....	5
<i>Дроздов А. В.</i> Семантические пути развития заимствований в мезолекте карибского варианта английского языка.....	15
<i>Керова Л. В.</i> Тематические группы апеллятивов, лежащие в основе личных имен, как отражение антропонимической картины мира в английском и немецком языках.....	28
<i>Кишко С. Н.</i> Положительно-оценочные высказывания в свете актуализации коммуникативно-прагматической категории модерации.....	45
<i>Скляр Н. В.</i> Концептосфера автобиографии С. Цвейга «Вчерашний мир» как трансляция авторского мировоззрения.....	53
<i>Сысоева Е. С., Чечина И. В.</i> Особенности репрезентации гендера в ономастических исследованиях.....	64
<i>Ткаченко С. Г.</i> Культурные коды в английских фразеологических единицах с градуальной семантикой.....	74

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Басыров Ш. Р., Сапронова Л. А.</i> Лексико-фразеологическая концептуализация понятия <i>sin / грех</i> в английской и русской языковых картинах мира.....	87
<i>Ветрова Э. С.</i> Речевые модели пожеланий добра в лезгинской и украинской лингвокультурах.....	100
<i>Воробьёва О. С.</i> Механизм формирования семантики английских фразовых и русских приставочных глаголов.....	113
<i>Filatova E. V.</i> Morphological Nature of Syntagmas and Frequency of their Usage in the English Speech.....	125

Методика преподавания иностранного языка

<i>Агаркова А. А., Ширина О. А.</i> Цели и задачи изучения латинского языка в системе высшего медицинского образования.....	135
---	-----

Портрет учёного

<i>Сысоева Е. С., Трофимова Е. В.</i> Ольга Бессонова: человек слова и дела.....	149
--	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 13, Issue 3 (37), 2017

Studies in Germanic Languages

<i>Gromova N. V.</i> National-Cultural Specificity of the Substandard Vocabulary: Main Approaches to the Definition and Lexicographic Description in Russian and Foreign Linguistics.....	5
<i>Droz dov A. V.</i> Semantic Development of Borrowings in the Caribbean English Mesolect....	15
<i>Kerova L. V.</i> Thematic Groups of Appellatives Forming Personal Names as a Reflexion of English and German Anthroponymic Models of the World.....	28
<i>Kishko S. N.</i> Speech Acts of Positive Evaluation from the Viewpoint of the Communicative-Pragmatic Category of Moderation.....	45
<i>Sklyar N. V.</i> Sphere of Concepts of Stefan Zweig's Autobiography «The World of Yesterday» Rendering the Author's World Outlook.....	53
<i>Sysoieva Ye. S., Chechina I. V.</i> Peculiarities of Gender Representation in the Onomastics Studies.....	64
<i>Tkachenko S. G.</i> Cultural Codes in the English Phraseological Units of Gradual Semantics..	74

Typological and Contrastive Studies

<i>Basyrov Sh. R., Sapronova L. A.</i> Lexical and Phraseological Conceptualization of the Notion “Sin” in the English and Russian Linguistic World-Images.....	87
<i>Vetrova E. S.</i> Good Wishes' Speech Patterns in the Lezghin and Ukrainian Linguocultures.....	100
<i>Vorobyova O. S.</i> Mechanism of Forming the Semantics of English Phrasal and Russian Prefixal Verbs.....	113
<i>Filatova E. V.</i> Morphological Nature of Syntagmas and Frequency of their Usage in the English Speech.....	125

Methods of Language Teaching

<i>Agarkova A. A., Shirina O. A.</i> Purposes and Objectives of Studying Latin in the System of Higher Medical Education.....	135
---	-----

Scholar's Portrait

<i>Sysoieva Ye. S., Trofimova Ye. V.</i> Olga Byessonova: Woman of Word and Deed.....	149
---	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811; 161.1

© 2017 Н. В. Громова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕФИНИЦИИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В статье рассматривается актуальная проблема взаимоотношения языка и культуры, исследованием которой занимается молодая наука лингвокультурология. Мнения лингвистов и культурологов сходятся в том, что язык выполняет функции транслятора культурной информации. Особое внимание уделяется субстандартным лексемам, которые наравне с литературными словами также являются культурно значимыми и имеют национально-культурную специфику.

Ключевые слова: язык и культура, лингвокультурология, литературная лексика, субстандартная лексика, культурная коннотация, культурный компонент, менталитет, лексикографические источники.

© 2017 N. V. Gromova

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF THE SUBSTANDARD VOCABULARY: MAIN APPROACHES TO THE DEFINITION AND LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION IN RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTICS

The article deals with the topical problem of the relationship between language and culture. Linguists and scholars in cultural studies agree that language reflects peculiar cultural information. Special attention is given to the substandard vocabulary that along with literary words are also culturally important and possess national-cultural specific features.

Keywords: language and culture, cultural linguistics, literary vocabulary, substandard vocabulary, cultural connotations, cultural component, mentality, lexicographic sources.

«Нынче Папа Зю посетил мавзолей, долго распинался насчёт актуальности идей Ленина» – такой фразой начиналась статья в одной из столичных газет. Не сразу догадаешься, о ком идет речь. Оказывается, *Папа Зю* – это ироничное прозвище лидера КПРФ Г. А. Зюганова. Такое определение находим в Электронном словаре современной лексики, жаргона и сленга «Словоново». Допустимо ли, что нелитературная лексика, которая объединяет жаргонные слова, сленг, арго и другие субстандартные лексические группы, присутствует в публицистических текстах? Еще в середине XX века российский и советский лингвист Л. В. Щерба утверждал, что «... литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьёт и кипит главным образом

в разговорном языке отдельных человеческих группировок» [Щерба, 1957: 126]. На первостепенность разговорной формы речи указывали и зарубежные лингвисты. Швейцарский филолог, один из основателей Женевской лингвистической школы, Ш. Балли отмечал, что «разговорный язык является единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи» [Балли, 1961: 24]. Изменения, произошедшие в современном мире за последние несколько десятилетий, связанные с развитием национального самосознания, возникновением новых потребностей и интересов развивающегося общества, с одной стороны, и живой язык обычных носителей языка, в том числе и «язык улицы», его непосредственность и творческий характер, с другой стороны, заставили лингвистов повернуться лицом к говорящей личности и заняться «народной» лингвистикой, то есть исследованием и анализом того, как говорят на улице, на рынке, в быту, без всяких ограничений и препятствий.

Язык существует в постоянной коммуникативной динамике. Его отличает постоянные изменения, которые отчетливо проявляются на лексико-семантическом уровне: старые слова утрачивают свою актуальность, новые слова закрепляются в речи носителей языка, уже хорошо известные приобретают новые значения. Благодаря этому язык выполняет одну из своих основных функций – быть средством общения, адекватно обслуживать потребности коммуникантов в передаче, обработке и хранении информации. Этот процесс в одинаковой степени релевантен как для литературного стандарта, так и для нестандартного национального языка, как для языка, так и для подязыков.

Язык – явление социальное. Им нельзя овладеть вне социального взаимодействия, т.е. без общения с другими людьми. Наличие теснейшей связи и взаимозависимости между языком и его носителями очевидно и не вызывает сомнений. Язык – средство общения между людьми, и он неразрывно связан с жизнью и развитием того речевого коллектива, который им пользуется как средством общения. По мнению А. Вежбицкой антропоцентрическую ориентацию естественного языка нужно указывать как одну из самых характерных признаков. Она отмечает тесную связь языка с человеком, с социумом, его способность отражать важное для пользующегося им человека [Вежбицкая, 1996: 30].

Язык – наиболее глубокая всеопределяющая структура во всякой национальной культуре. В. фон Гумбольдт утверждал, что «... язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом», это его внутренняя поэтическая энергия. Язык выступает как универсальное хранилище национального самосознания. Немецкий языковед попытался в своих трудах систематизировать взгляды на проблему соотношения

языка и культуры. Основными положениями его концепции можно указать следующие: 1) материальная и духовная культура материализуются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ); 3) ВФ языка – это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Концепция В. Гумбольдта получила своеобразную интерпретацию в работе А. А. Потебни «Мысль и язык», в работах Ш. Балли, Ж. Вандриеза, И. А. Бодуэна де Куртэне, Р. О. Якобсона и других исследователей.

Исследовательский интерес к проблеме связи языка и культуры, а также культурологический бум последнего десятилетия XX столетия послужили толчком к возникновению направления, чаще всего называемого лингвокультурологическим и являющегося составной частью антропологической лингвистики, которая, будучи обширным полем исследования, реализуется в нескольких направлениях, постепенно приобретающих форму научных дисциплин.

Лингвокультурология – новое, молодое направление исследований. В. И. Шаховский определяет ее как «новую парадигму научного знания» [Шаховский, 1999: 57]. Первые попытки теоретического обоснования этого явления были предприняты в работах Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, В. Н. Телии, М. М. Маковского, В. Г. Костомарова, Т. З. Черданцевой, А. Вежбицкой, В. В. Воробьева, В. А. Масловой и других лингвистов.

Лингвокультурологию причисляют к научным дисциплинам синтезирующего типа, поскольку она находится в кругу таких смежных наук, как социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, страноведение, культурология. Тот факт, что язык выполняет функции транслятора культурной информации, а культура предстает средством сохранения исторической памяти народа, предопределил актуальность исследования взаимосвязи языка и культуры. Объектом её исследования является взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе их функционирования. Говоря о связи языка и культуры, лингвокультурологи имеют в виду прежде всего влияние культуры на язык и всё внимание уделяется языку как аккумулятору культурных смыслов, хотя союз *и* в формулировке проблемы «Язык И культура» предполагает взаимовлияние – «участие языка в созидании духовной культуры и участие духовной культуры в формировании языка» [Постовалова, 1987: 51].

Известный культуролог А. С. Кармин так объясняет соотношение понятий культуры и языка: «Культура живет и развивается в «языковой оболочке», но не «оболочка» обуславливает содержание культуры, а, наоборот, содержание культуры диктует характер

и состояние этой «оболочки». Язык обслуживает культуру, а не определяет ее ... Но сам язык развивается в зависимости от культуры» [Кармин, 1997: 86–87].

По убеждению Ю. Д. Дешериева структурные элементы языка не находят отражения во всех сферах культуры, в то время как все проявления культуры, ее содержательные и структурные элементы, выделяемые общественным сознанием, должны всеобъемлюще обнаруживаться в языке. В этом ученый усматривает один из наиболее характерных признаков языка, отличающих его от культуры вообще. Это обстоятельство создает определенные взаимозависимые отношения между языком и культурой в процессе их развития и взаимодействия [Дешериев, 1980: 9].

Естественный язык является частью национальной культуры. Субстандартная лексика, наряду с литературной лексикой, коллоквиализмами, просторечием и т.д., является интегральной частью лексико-семантической системы языка. Дело в том, что проблема взаимодействия и взаимовлияния литературного языка и культуры привлекала внимание многих исследователей, чего нельзя сказать о нестандартном языке. Можно отметить лишь работу советского и российского лингвиста и культуролога В. И. Жельвиса, который провел первое в России монументальное исследование инвективной лексики, сделав акцент и на ее лингвокультурологической составляющей [Жельвис, 2001: 115]. В нашей статье мы особо отметим отражение культуры в нестандартной лексике и нестандартной лексике в культуре.

Нелитературная лексика, или субстандартный вокабуляр, к которым причисляются профессионализмы, вульгаризмы, жаргонизмы и сленг, является неотъемлемой частью любого развитого естественного языка и возникает как неизбежное следствие кодификации национального языка. Субстандарт – интегральная составляющая, неотъемлемый компонент языка, как наиболее динамичный пласт лексико-семантической системы очень быстро обновляется, поэтому он представляет в концентрированном виде базовые концепты, своего рода лингвистический полигон, на котором проверяются многие новые элементы языка и затем частично усваиваются стандартным, литературным языком. Сленг показывает тенденции возможного развития языка в будущем.

Общий сленг неправильно считать исключительно языком социальных низов, это компонент разговорного языка представителей различного общественного статуса, уровня образования, профессий. Ресурсами субстандарта активно пользуются средства массовой информации, создатели художественных текстов.

Лингвисты отмечают эфемерность, недолговечность, мимолетность сленга. Действительно, часть сленговых единиц входит и выходит из языка гораздо быстрее стандартных. Как в письменном литературном, так и в бесписьменном (нестандартном) языке далеко не все, происходящее в реальном мире, находит свое отражение, и если это не имеет существенного значения для носителей языка, то такие лексические единицы могут выйти из употребления очень быстро. Наблюдения показали, что в языке почти ничего не исчезает бесследно, а лишь на время переходит в другие регистры – в сленг, жаргон, коллоквиализмы, социальные диалекты.

Слова обладают культуруносными возможностями, способными реализовать культурную информацию. По утверждению В. Н. Телии, понятие культурной коннотации является базовым для лингвокультурологии, поскольку она исследует «воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса» [Телия, 1996: 216]. До 1966 года не фигурировало упоминания культурного компонента лексического значения слова. Одним из первых, кто отметил культурный компонент значения слова, был Н. Г. Комлев. Он подчеркнул, что лексическому понятию сопутствует некий культурный компонент – зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума [Комлев, 1966: 43–50, 1969: 116–119]. В современном языкознании под культурным компонентом лексического значения слова понимается сопутствующая предметно-логическому значению и входящая в смысловую структуру культурная коннотация лингвистической единицы. Незнание культурной коннотации лексики напрямую связано с недостаточным пониманием культуры соответствующего народа.

Субстандартные лексемы также являются культурно значимыми и имеют национально-культурную специфику. Лексикографические источники последних лет представляют собой словарные статьи, содержащие замечания и комментарии культурных коннотаций лексических значений отдельных слов. Например, в «Словаре субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Зоонимы», составленном Г. В. Рябичкиной и Е. В. Метельской, встречаем следующие примеры:

Лягушатник, – француз, житель Франции. Чаще «лягушатники» – шутовое или пренебрежительное прозвище французов из-за их кулинарных пристрастий, т.е. употребления в пищу лягушачьего мяса. *Завтра наши с лягушатниками играют.*

Комментарий относительно любви французов к лягушачьему мясу помогает проследить культурную составляющую в значении лексики «Лягушатник».

В разделе «English-Russian Vocabulary» находим такой пример:

Chicken (цыплёнок), – n. 1. Army jarg. Полковник, оскорбительная кличка командира, полковника (в армии). (В армии США знак различия, соответствующий званию «полковник»- орлы на погонах военнослужащих). Замечание в скобках компенсирует незнание информации о культуре (в армейской среде) другой страны.

В языке, как в зеркале, отражается окружающий мир. За каждым словом стоит предмет или явление реального мира. Слово может содержать в себе многое: географию, климат, историю, условия жизни. Исследовать разговорную речь невозможно, не принимая во внимание исторические, общественно-политические, научные, культурные и другие изменения, происходящие в обществе.

Чтобы убедиться в том, что субстандартные вокабулы подвергаются влиянию культурной среды на их семантику и передают культурную информацию о стране, нации, менталитете, обратимся к словарям разговорной лексики английского, немецкого и русского языков.

Словарь *The Oxford Dictionary of Modern Slang*, составленный John Ayto и John Simpson, содержит следующую словарную статью:

King Kong noun 1. US dated Cheap alcohol. 2. Used as a nickname for anyone of outstanding size or strength. Finn MacCool was a legendary Irish giant, a King Kong with a generous heart [Name of the ape-like monster featured in the film *King Kong*]

Кинг Конг сущ. 1. Дешевый алкоголь в США. 2. Используется в качестве прозвища кого-либо выдающегося размера или силы. Финн Маккул был легендарный ирландский гигант, Кинг-Конг с щедрым сердцем [Имя (кличка) обезьяноподобного монстра в фильме Кинг-Конг]

Действительно, в 1933 году в США состоялась премьера художественного фильма «Кинг Конг». В нем впервые появился один из самых популярных персонажей массовой культуры XX века – невероятных размеров горилла по прозвищу «Кинг-Конг». Ссылка на это факт дается в квадратных скобках.

Boche *derog* noun 1. A German, esp. a German soldier, or Germans collectively. – If the Boche wanted a roughhouse he could rely on Pickering to give it to him. adjective 2. German. [French slang, orig = rascal: applied to Germans in World War 1.]

Бош *унизит.* сущ. 1. Немец, особенно, немецкий солдат, или немцы вместе. – Если бош хотел скандала, он мог рассчитывать на Пикеринг, который бы дали ему. прил. 2. Немецкий. [Французский сленг, первоначально = шельма: применялось по отношению к немцам в Первую мировую войну.]

Такая субстандартная лексема в английском языке возникла неслучайно. Слово *Boche* проникает во французский военный жаргон, начиная с Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Однако наибольшую популярность оно получает среди военных во время Первой мировой войны. Бош (боша; фр. *boche*) – презрительное прозвище немцев во Франции. Из французского языка слово проникло в другие – русский, английский, португальский и т. д. Особенно распространенным это слово становилось во время франко-германских военных конфликтов.

Обратимся к словарю «*Deutsch–Russisches Wörterbuch der Umgangssprachlichen und Saloppen lexik*» под редакцией В. Д. Девкина. События, произошедшие в стране, интересы и увлечения жителей, носителей языка, известные места пребывания – все может повлиять на появление у лексемы нового значения, маркированного культурной коннотацией. Ср.:

Bibi *m -s, -s über die verschiedenen Arten von Kopfbedeckungen: Mit einem Bibi kam er an! Mit einer schmalen Krempe, steif, grau // Einen Bibi hat sie auf dem Kopf! Zum Totlachen!*

Биби *м, о различного вида головных уборах: Он приехал в биби! С узкими полями, жесткой, серой // У неё на голове биби! Уморительное Зрелище!*

Сама словарная статья не содержит комментария о культурной коннотации этой лексемы, но проследить историю появления представляется возможным. В середине XIX века модницы ходили в миниатюрных шляпках «биби» из шелка или соломки, украшенных цветами и лентами. Со временем английское название «прижилось» в соседних европейских странах, в частности, в Германии.

А вот следующее слово немцы ни у кого не заимствовали:

Blaue *m -n, -n 1. die Polizeiangehörige. Wir müssen verduften, da kommt ein Blauer!*
2. *fam.* 100 Mark Banknote.

Синий *м.* 1. Сотрудник полиции. Нам надо сматываться, сюда подходит синий.
2. *фам.* Купюра в 100 марок.

На самом деле, униформа сотрудников полиции в странах-членах Евросоюза синих тонов, что и объясняет появление такого грубого обращения. Второе значение немецкого слова **der Blaue** в настоящее время неактуально, поскольку в 2001 году официальной валютой Германии стал евро, но до выведения марок из обращения сотенная купюра была синего цвета.

Чтобы проиллюстрировать наличие культурного компонента лексического значения нелитературного слова в русском языке, воспользуемся ресурсами Электронного словаря современной лексики, жаргона и сленга «Словоново», в котором представлены все типы

субстандартного вокабуляра: сленг геймеров, блатной жаргон, милицейский жаргон, музыкальный сленг, уголовный жаргон и многие другие. Обратимся к словарной статье:

Гóпа *питер. сленг.* Толпа, группа гопников, шпана. Компания молодых людей с низкой культурой быта, социально неприемлемым поведением и общественно порицаемой моралью. Слово восходит ко времени борьбы с беспризорниками начала XX века и происходит от аббревиатуры названия детского исправительного учреждения ГОП (Государственное Общество Презрения). – *Эти идиоты из соседней общаги не люди, а просто гопа какая-то!*

Комментарий содержит развернутое объяснение истории появления лексемы и ее толкование.

Думак *пол. сленг* – Депутат Государственной Думы. Образовано по аналогии со словом «дурак», содержит негативно-ироничную оценку. – *Тогда думачки придумали поправки к новому жилищному кодексу.*

В качестве вывода хочется отметить следующее. Связь языка и культуры вмещается в семантике языковой единицы. Раскрыть культурную значимость литературной и субстандартной лексемы – цель исследователей-лингвокультурологов. Приведенные примеры подтверждают наличие культурной коннотации и культурно значимой информации в системе значений субстандартных вокабул. В семантике сленговых единиц обнаруживаются временные, социальные, региональные черты людей, местные привычки и обычаи, то есть культуроносные факты, национально-культурный колорит. Через культурную коннотацию можно выразить иронию, насмешку, юмор, презрение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Из-во иностран. лит-ры, 1961. 394 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
4. Дешериев Ю. Д. Введение // Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур. М.: Наука, 1980. С. 6-25.
5. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. 2-е изд. М.: Ладомир, 2001. 200 с.
6. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. СПб.: Лань, 1997. 512 с.
7. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во МГУ, 1969. 190 с.
8. Комлев Н. Г. О культурном компоненте лексического значения // Вести Московского университета. Серия 9. Филология. 1966. № 5. С. 43-50.
9. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 207 с.

10. Метельская Е. В., Рябичкина Г. В. Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Зоонимы. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. 156 с.
11. Постовалова В. И. Язык и человек в лингвистической концепции В. Гумбольдта // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 51-58.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
13. Шаховский В. И. Эмоции как компонент культуры языкового общества и языковой личности // Язык и культура. Киев, 1999. С. 56-67.
14. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпегиз, 1957. 187 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Словоново – словарь современной лексики, жаргона и сленга. Доступ: www.slovnovo.ru. (дата обращения: 23.04.2017).
2. Devkin V. Deutsch-Russisches Wörterbuch der Umgangssprachlichen und Saloppen lexik. Moskau.: Russkij Jazyk, 1994. 768 S.
3. The Oxford Dictionary of Modern Slang / compiled by John Ayto, John Simpson. Oxford University Press, 1993. 310 p.

REFERENCES

1. Bally, Sh. (1961). *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. M.: Iz-vo inostran. lit-ry. (In Russ).
2. Wierzbicka, A. (1996). *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. M.: Russkie slovari. (In Russ).
3. Humboldt, V. (1985). *Yazyk i filosofiya kultury* [Language and philosophy of culture]. M.: Progress. (In Russ).
4. Desheriev, Yu. D. (1980). Vvedenie [Introduction]. In *Vzaimootnoshenie razvitiya natsionalnykh yazykov i natsionalnykh kultur*. M.: Nauka. Pp. 6-25.
5. Zhelvis, V. I. (2001). *Pole brani. Skvernoslovie kak sotsialnaya problema* [Field of battle. Swearing as a social problem]. 2-e izd. M.: Lodomir. (In Russ).
6. Carmine, A. S. (1997). *Osnovy kulturologii: morfologiya kultury* [Fundamentals of cultural studies: morphology of culture]. SPb.: Lan. (In Russ).
7. Komlev, N. G. (1969). *Komponenty sodержatel'noy struktury slova* [The components of the content structure of the word]. M.: Izd-vo MGU. (In Russ).
8. Komlev, N. G. (1966). O kulturnom komponente leksicheskogo znacheniya [On the cultural component of lexical meaning]. In *Vesti Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya. N 5. Pp. 43-50. (In Russ).
9. Maslova, V. A. (1997). *Vvedenie v lingvokulturologiyu* [Introduction into cultural linguistics]. M.: Nasledie. (In Russ).
10. Metelskaya, E. V., Ryabichkina, G. V. (2011). Slovar substandartnoy leksiki (zhargon, argo, sleng) russkogo i angliyskogo yazykov. Zoonimy [Dictionary of substandard vocabulary (jargon, argot, slang) Russian and English languages. Zoonyms]. Astrakhan: Izdatel: Sorokin Roman Vasilevich. (In Russ).
11. Postovalova, V. I. (1987). Yazyk i chelovek v lingvisticheskoy kontseptsii W. Humboldt [Language and the man in the linguistic theory of W. Humboldt]. In *Sushchnost, razvitie i funktsii yazyka*. M.: Nauka. Pp. 51-58. (In Russ).
12. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Yazyki russkoy kultury. (In Russ).

13. Shakhovskiy, V. I. (1999). Emotsii kak komponent kultury yazykovogo obshchestva i yazykovoy lichnosti [Emotions as a component of culture language society and linguistic identity]. In *Yazyk i kultura*. Kiev. Pp. 56-67. (In Russ).

14. Shcherba, L. V. (1957). *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. M.: Uchpegiz. (In Russ).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Slovonovo – slovar sovremennoi leksiki, zhargona i slenga* [Slovonovo – dictionary of contemporary lexis, jargon and slang]. Available at: www.slovonovo.ru. (accessed: 23.04.2017). (In Russ).

2. Devkin, V. (1994). *Deutsch-Russisches Wörterbuch der Umgangssprachlichen und Saloppen lexik*. Moskau.: Russkij Jazyk.

3. *The Oxford Dictionary of Modern Slang* / compiled by John Ayto, John Simpson. Oxford University Press, 1993.

Громова Наталья Валериевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: nv_gromova@mail.ru)
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Астраханский государственный
университет»
414056, Астрахань, Татищева, 20 а

Gromova Natalya V. – Postgraduate Student of
the Department of English Philology
(e-mail: nv_gromova@mail.ru)
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Astrakhan State University»
20 A Tatishcheva, Astrakhan, 414056

Поступила в редакцию 4 июня 2017 г.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МЕЗОЛЕКТЕ КАРИБСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию семантических путей развития лексических заимствований-инноваций и становлению архаизмов в мезолекте карибского варианта английского языка. Установлены семантические пути развития лексических заимствований-инноваций, такие как апеллятивизация, калькирование, контаминация, трансоминация, транспозиция, деонимизация, телескопия и т.д., выявлены семантические особенности становления архаизмов исследуемого мезолекта.

Ключевые слова: лексические заимствования, инновация, развитие, архаизм, мезолект, креоль, лексико-семантическое словообразование.

SEMANTIC DEVELOPMENT OF BORROWINGS IN THE CARIBBEAN ENGLISH MESOLECT

The article considers the semantic development ways of lexical borrowed innovations and archaism formation ways in the Caribbean English mesolect. We have established the semantic development ways of borrowed innovations: calquing, appellativization, contamination, transnominatation, transposition, deonymization, telescoping, puns, onymization, metaphorization etc. and revealed the semantic peculiarities of formation of archaisms in the mesolect under study.

Key words: lexical borrowing, innovation, development, archaism, mesolect, creole, calque, appellativization, contamination, transnominatation, transposition, deonymization, telescope-word.

1. Введение

В последние годы все более пристальное внимание лингвистов уделяется исследованию пиджинов и креолей [Deuber, 2014: 202; Kachru, 1992: 112], проблем диглоссии [Hancock, 1986: 71-102] и роли заимствований [Allsopp, 2007: 429-441]. Как понимается креоль в современной лингвистике? В определенных условиях пиджин, который не является родным ни для кого из говорящих [Дьячков, 1987: 8], может становиться родным для языкового коллектива (т.е. нативизироваться), при этом расширяются его коммуникативные функции и совершенствуется его структура. Такой язык определяется как креольский или креоль [Дьячков, 1987: 9].

Обогащение словарного состава языка при помощи заимствований – обычное следствие взаимодействия разных народов и наций [Реформатский, 1967: 482]. Заимствование иноязычной лексики вызывается необходимостью номинации новых реалий и понятий, возникающей у носителей английского языка в результате знакомства с

событиями, явлениями и процессами общественно-политической, научной и культурной жизни других народов [Быховец, 1983: 151].

Карибский вариант английского языка включает в себя три типа речи: акролект, мезолект и базилект. По мнению J. Richards [Richards, 1992: 283], жители Вест-Индии, у которых высокий уровень образования, говорят на акролекте, т.е. на языке, близком к стандартному английскому языку Великобритании. Малообразованные и неграмотные жители Вест-Индии говорят на креоле базилекте, остальные – на мезолекте, промежуточном креоле [Richards, 1992: 283]. Мезолект – креоль промежуточного типа [Селиванова, 2010: 312], нейтральный, стилистически неокрашенный дискурс среднего класса [Bickerton, 1986: 28]. Он представлен антиофициальным [AF] регистром со следующими уровнями: а) антиофициально-креольский [AF-Cr], включающий креольские формы и структуры; б) антиофициально-шутливый [AF-Joc], включающий безобидно-шутливые лексические единицы; в) антиофициально-пренебрежительный [AF-Derog], включающий обидные или уничижительные слова и словосочетания; г) антиофициально-вульгарный [AF-Vul], включающий вульгарные или неприличные слова и выражения [Alsopp, 1996: 56].

В данном исследовании лексические заимствования из других языков в мезолекте карибского варианта английского языка (далее МКВА) мы рассматриваем в качестве первого шага становления лексических инноваций в МКВА. Следует отметить, что лексические заимствования в МКВА обычно отличаются изменениями фонетического состава и семантики. Случаи, «когда в заимствующем языке слово получает значение, которого оно вовсе не имело в языке, из которого пришло, объясняются дальнейшим развитием значения в заимствовавшем языке с утратой первоначального значения» [Арнольд, 1959: 237]. Семантические изменения лексических заимствований в МКВА в соответствии с моделями метафоризации, метонимизации, генерализации и специализации, ухудшения и улучшения значения и т.д. мы будем рассматривать в качестве дальнейшего развития значения лексического заимствования. При этом возможно развитие заимствования-инновации. При анализе инноваций мы будем выделять «исходные значения, по отношению к которым семантические новообразования являются производными» [Березинский, 1983: 135].

Объектом настоящего исследования является заимствованная лексика МКВА конца XX – начала XXI века, а **предметом** – семантические пути развития данной лексики в МКВА.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью комплексного описания и теоретического осмысления системных изменений, происходящих в

лексической системе МКВА под влиянием заимствований.

Целью работы является выявление специфических черт заимствований в МКВА. Для исследования отбирались и описывались те заимствования, которые развились в МКВА в соответствии со способами лексико-семантического словообразования английского языка [Арнольд, 1959: 63].

Данной цели подчинено разрешение следующих **задач**: 1) установить набор семантических типов лексических заимствований-инноваций и архаизмов МКВА; 2) рассмотреть семантические пути развития лексических заимствований-инноваций МКВА; 3) выявить семантические особенности становления лексических архаизмов МКВА.

В качестве **материала исследования** были использованы лексемы различных словарей английского языка Вест-Индии. Общий объем примеров, подвергнутых анализу, составил 2485 лексических единиц (из них 1610 заимствований-инноваций, 650 архаизмов, 225 историзмов), отобранных методом сплошной выборки из словарей карибского варианта английского языка: Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage. OUP Inc., New York, 1996. 697p., а также Cassidy F.G., Le Page R.B. Dictionary of Jamaican English. Cambridge, 1967. 489 p.

2. Апеллятивизация

Апеллятивизация (или деонимизация) – семантический переход имени собственного в имя нарицательное без участия аффиксов. В большинстве случаев апеллятивизация основана на метонимических переосмыслениях слов [Стариченок, 2008: 60-61]. Например:

(1) (Ямайка) *Charley Price* <плантатор 18 века и спикер Палаты Ассамблеи Ямайки, который ввез больших крыс в Ямайку, чтобы они уничтожали тростниковых крыс> → МКВА *charley-price* 'большая крыса' (Belz, Jmca) [Allsopp, 1996: 147];

(2) (ит.) *M. Frangipani* <итальянский маркиз XVI века, использовавший духи, полученные из цветков красного жасмина, произрастающего в Центральной Америке, для ароматизации своих перчаток> → МКВА *frangipani* 1. *бот.* красный жасмин (*Plumeria rubra*) 2. «франжипани», духи с запахом красного жасмина [БАРС, 1987: 813].

В примерах (1), (2) развитие новых значений в МКВА происходит в соответствии с моделью «имя собственное → имя нарицательное».

3. Народная этимология (далее НЭ). НЭ – ошибочное установление связей между словами на основе некоторых общих признаков без учета фактов их происхождения [Стариченок, 2008: 333]. В вариантах испанского языка Латинской Америки отмечена лексема (3) *tomaga(s)* 'очень ядовитая змея, обитающая в Гондурасе и Коста Рике'. Под влиянием народной этимологии в МКВА происходит семантическое развитие данного

латино-американского заимствования и появляется оним *Tommy Goff*. Заметим, что данный пример можно рассматривать и как частный случай онимизации, т.е. переход имени нарицательного в имя собственное, сопровождаемое сужением своего значения (обозначаются единичные предметы) и изменением орфографии (написание с прописной буквы) [Стариченок, 2008: 385]. Покажем семантическое развитие латино-американской лексической единицы МКВА *Tommy Goff* следующим образом:

(3) Lat Am Sp. *tomaga(s)* 'очень ядовитая змея, обитающая в Гондурасе и Коста Рике' → МКВА (НЭ+онимизация) *Tommy Goff* [Allsopp, 1996: 560].

На основе народной этимологии и онимизации происходит семантическое развитие слова МКВА *Jimmie John* 'большая (оплетенная) бутылка'. Приведем пример его актуализации в следующем предложении:

(4) *There was always a big, round bottle of rum known as the Jimmie John, usually the grand prize* [Allsopp, 1996: 313]. 'В качестве награды всегда выступала большая круглая бутылка рома, которую называли оплетенная бутылка'.

Представим семантическое развитие рассматриваемой лексемы в МКВА *Jimmy John*, образованной от исходного заимствования из французского языка *dame-Jeanne* на основе народной этимологии:

(5) (фр) *dame Jeanne* 'дама Жанна' → деонимизация → (фр) *dame-jeanne* 'оплетенная бутылка' [Гак, 1997: 278] → народная этимология → IAE *demijohn* 'большая оплетенная бутылка' → МКВА НЭ+ онимизация → МКВА *Jimmy John* 'большая (оплетенная) бутылка, вмещающая несколько галлонов рома' [Allsopp, 1996: 313].

Как видно из (5), на протяжении истории семантического развития от исходной лексемы (фр.) *dame-Jeanne* до производной лексемы *Jimmie John* в МКВА имеет место ряд онимизаций и деонимизаций.

4. Метафоризация

Рассмотрим лексическую единицу МКВА *koulev*. *Koulev n* (Dmca) [Allsopp, 1996: 334] 'удлиненный плетеный цилиндр, который используют для выжимания сока из измельченного плода тапиока'. Из этимологической пометы данной словарной статьи следует, что наименование FrCr *koulev* → МКВА *koulev* 'удлиненный плетеный цилиндр, который используют для выжимания сока из измельченного плода тапиока' происходит от (фр) *couleuvre* 'уж' [Гак, 1997: 253]. Два этих значения объединяет сема 'подобие узора змеиной кожи и плетеного цилиндра' [Allsopp, 1996: 334]. С французского языка слово *couleuvre* заимствуется во французский креольский диалект, в котором конечный стык,

представленный двумя согласными [-vr], упрощается до одного согласного звука [-v], и затем с признаками фонетической деформации (в варианте *koulev*) это слово проникает в МКВА.

Таким образом, значение заимствования МКВА *koulev* ‘плетеный цилиндр для выжимания сока из плода тапиока’ развилось на основе метафоризации. При этом, метафора основывается на скрытом сравнении, сопоставлении нового производного значения МКВА *coulev* ‘плетеный цилиндр для выжимания сока из измельченного плода тапиока’ с известным исходным значением (фр.) *coulevre* ‘уж’ → FrCr *koulev* ‘змея’ и выделении общего их признака: ‘подобие узора плетеного цилиндра и узора змеиной кожи’.

В рассмотренном примере семантическое развитие заимствования-инновации *koulev* в МКВА на основе метафоризации происходит с опорой на зрительное восприятие обоих предметов и сходство их внешнего вида. Это можно представить с помощью следующей схемы:

(6) (фр.) *coulevre* ‘уж’ → FrCr *koulev* ‘змея’ → метафоризация → МКВА *koulev* ‘плетеный цилиндр для выжимания сока из измельченного плода тапиока’.

5. Транспозиция

Транспозиция – морфолого-синтаксический способ образования слова, когда изменяется категориальная принадлежность слова без участия специального аффикса, т.е. происходит переход слова из одной части речи в другую на основе изменения синтаксической функции [Абрегов, 2004: 294].

Перейдем к рассмотрению некоторых слов-усилителей МКВА, которые, как правило, являются кальками из африканских языков. Для них характерен переход из одной части речи в другую на основе изменения синтаксической функции.

Слово-калька *father* (CarA) [AF/IF] (*fadder, fa(r)da, fa(r)tha*) [Allsopp, 1996: 226]. Данное слово используется в качестве эмоционально-усилительного слова другого существительного, за которым следует и оно имеет значение ‘великолепный, впечатляющий’. Например:

(7) *when she walk down a street so, every man turning around to look at her. That girl have personality father.* ‘Когда она идет по улице, все мужчины поворачиваются, чтобы посмотреть на нее. У этой девушки великолепная внешность’;

(8) *It’s another trumpet’ – Selina said... ‘How yuh mean, girl – another trumpet? This is the trumpet of trumpet. This is trumpet fatha!’* [Allsopp, 1996: 226]. ‘Это еще одна труба’ – сказала Селина... ‘Что ты этим хочешь сказать, девушка? Другая труба! Эта труба – всем трубам труба. Это великолепная труба!’. [Слово *father* – калька из афр. языка тви:

papa, papa *adv* ‘очень хорошо, очень сильно’, например: *ewahwe no papa* ‘его сильно избили’ = CE ‘*he got a father of a licking* ‘его сильно поколотили’] [Allsopp, 1996: 226].

В МКВА слово-калька *grandfather n* (Gren, Guyn) [AF/Joc] [Allsopp, 1996: 427] добавляется в качестве эмоционально-усилительного слова в позиции до или после имени существительного и имеет значение ‘очень большой, красивый, привлекательный (предмет или человек)’.

(9) *The costume had a grandfather of a head-piece* (Gren). ‘Маскарадный костюм был в сочетании с великолепным шлемом’;

(10) *Man, look at car grand fada!* [Allsopp, 1996:266]. ‘Посмотри на этот великолепный автомобиль!’

6. Каламбур

Каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию [Санников, 2002: 490]. Особенность каламбура – лаконизм и неожиданный поворот мысли [Стариченок, 2008: 233].

Рассмотрим лексическую единицу МКВА *old suck* [Allsopp, 1996: 415], которая является аллонимом, другим наименованием Сукуйан. Аллоним *old suck* имеет два значения, которые каламбурно сталкиваются. Во-первых, слово МКВА *suck* является сокращением от собственного имени *Soukouyan*. Во-вторых, в слове *suck* ‘сосать’ скрыт намек на одну из привычек мифической ведьмы Сукуйан: *she lights upon sleeping babies whose blood she sucks* [Allsopp, 1996: 520]. ‘Сукуйан нападает на спящих детей и сосет их кровь’. Таким образом, семантическое развитие заимствования-инновации *old suck* в МКВА основывается на каламбуре, в котором обыгрываются два значения, а именно: *old suck* 1. (афр.) ведьма Сукуйан; колдунья-людоед; 2. старушка-вампир.

Семантическое развитие производного заимствования-инновации МКВА *old suck* от исходной африканской лексемы *sukunya* ‘колдунья-людоед’ можно представить в виде следующей записи:

(11) (афр. язык сонинке) *Sukunya* ‘колдунья-людоед’ → FrCr *Soukouyan(t)* ‘Ведьма Сукуйан’ → МКВА *Soukouyan(t)* ‘Ведьма Сукуйан’ (сокращенно именуемая *old suck*) → каламбур → МКВА *old suck* 1. (афр.) Ведьма Сукуйан; колдунья-людоед; 2. старушка-вампир.

7. Генерализация

Рассмотрим генерализацию значения на примере лексемы *baboo* в МКВА. Из

этимологической справки словарной статьи *baboo* следует, что оно происходит из языка хинди [Allsopp, 1996: 54]. Приведем словарную трактовку лексемы *baboo* МКВА и проиллюстрируем ее показательными примерами:

(12) (хинди) *babu* <Mr, a respectful form of address; an educated man> [Allsopp, 1996:54]; ‘господин; почтительная форма обращения; образованный человек’ → МКВА *baboo* ЛСВ–4 <respectful form of address to an elderly man usu with a beard>. ‘Почтительная форма обращения к пожилому человеку с бородой’;

(13) *Salaam, baboo*. ‘Доброе утро, сэр’ – Belz [Allsopp, 1996: 54]. Таким образом, ЛСВ–4 в словарной статье лексемы *baboo* МКВА является исходным значением.

Рассмотрим производные значения лексемы *baboo* в МКВА:

(14) (хинди) *babu, baboo* ‘господин; почтительная форма обращения; образованный человек’ → ухудшение значения → МКВА *baboo* [AF–Derog] <An old East-Indian man, usually bearded and poor> [Allsopp, 1996: 54]; ‘старик-индус, как правило, бородатый и бедный’;

(15) *don't you worry with them baboos begging you see about the street. It's when they dead you hear how much money they find on them. – (Guyn)* [Allsopp, 1996: 54]. ‘Не беспокойся об этих бородатых индусах, просящих милостыню на улице. После их смерти становится известно, что у них находят много денег’;

(15) (хинди) *babu, baboo* ‘господин; почтительная форма обращения; образованный человек’ → МКВА *baboo* [AF–Derog] ‘старик-индус, как правило, бородатый и бедный’ → генерализация → МКВА *baboo* [AF–Derog] [AF–Derog] <Any adult male of unsightly appearance> [Allsopp,1996:54]. ‘Любой взрослый человек с непривлекательной внешностью’;

(16) *How you could dress in yellow pants? You want to make yo[ur]a self dam[n] babu?* [Allsopp, 1996: 54]. ‘Как ты мог надеть желтые брюки? Ты хочешь выглядеть как страшилище?’.

Индикатором генерализации является наличие семы ‘любой (человек)’ в словарной трактовке значения рассматриваемой лексемы.

8. Архаизмы-заимствования

При исследовании архаизмов мы опирались на положения лингвистов [Hancock, 1986: 86; Allsopp, 1977: 429-441], которые понимают под ними слова, формы и морфологические модели, ранее свойственные английскому языку в целом, а в наше время отсутствующие в литературном употреблении британского или американского вариантов английского языка, но сохранившихся в диалектах. Архаизмы – слова, которые

называют существующие реалии, но вытеснены по каким-то причинам из активного употребления синонимическими лексическими единицами.

Рассмотрим семантические особенности становления архаизмов-заимствований МКвА *hand; foot*, образованных на основе калькирования соответствующих исходных слов из западно-африканских языков. Калькирование – образование слов и выражений посредством копирования, буквального (чаще поморфемного) перевода структуры иноязычных слов [Стариченок, 2008: 234]. В МКвА вместо двух слов *hand* и *arm; foot* и *leg*, которые в первичных вариантах английского языка в каждой паре находятся в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу, используется только одно слово *hand* (вместо ‘*hand, arm*’) и одно слово *foot* (вместо *foot, leg*). Вероятно, эти слова были заимствованы с западно-африканских языков [Allsopp, 1996: 281], во многих из которых нет лексического различия между *hand* и *arm; foot* и *leg*. Например, в языке игбо слово *aka* обозначает ‘*hand, arm*’, в языке тви слово *nsa* обозначает *hand* и *arm* [Allsopp, 1996: 281]. Приведем словарное толкование лексемы МКвА *hand* и проиллюстрируем его примерами употребления.

МКвА *hand n* (CarA) (AF) <The whole arm from the shoulder to the fingers of the human body; any part of the whole limb (upper arm, forearm, hand> [Allsopp, 1996: 281]. ‘*Вся рука; вся верхняя конечность от плеча до пальцев; любая часть всей верхней конечности (предплечье, верхняя часть руки, кисть руки)*’. Например:

(17) *The man moved closer to the bent figure in the doorway with the now silent infant cradled comfortably in his hands* [Allsopp, 1996: 281] ‘*Мужчина подошел ближе к наклоненной фигуре в дверном проеме. На руках у него был только-что успокоившийся младенец*’.

В БрА в данном случае следовало бы сказать: *with the now silent infant cradled comfortably in his arms*. Функционально важной частью руки, когда держат на руках младенца, является не кисть руки (*hand*), а верхняя часть руки и предплечье (*arm*).

(18) *with (your) two long hands* [AF-Joc] [Allsopp, 1996: 282] (адъективное словосочетание) ‘*с пустыми руками*’; ‘*при отсутствии какой-нибудь собственности*’;

(19) *you can't get married jus[t] sudden so wit[h] yo[ur] two long hands!* [Allsopp, 1996: 282]. ‘*Так быстро пожениться не получится. У тебя нет никакой собственности*’.

Представим становление лексического заимствования МКвА *hand* (в значении ‘*вся рука, вся верхняя конечность от плеча до пальцев*’), пришедшего из западно-африканских языков, в виде схемы:

(20) (зап-афр.) *hand* <any part of the whole limb (upper arm, forearm, hand> [Allsopp,

1996:281]. ‘Любая часть всей верхней конечности (предплечье, верхняя часть руки, кисть руки’ → отсутствие семантического развития → МКВА *hand* <The whole arm from the shoulder to the fingers of the human body> ‘вся рука, вся верхняя конечность от плеча до пальцев; любая часть всей верхней конечности (предплечье, верхняя часть руки, кисть руки)’.

Приведем словарное толкование лексемы МКВА *foot* и проиллюстрируем его примерами:

(21) МКВА *foot* *n* (CarA) (AF) <the whole or any part of the leg from the thigh down to the toes> [Allsopp, 1996: 238]. ‘Вся нижняя конечность или любая ее часть от бедра до пальцев ступни; вся нога’;

(22) *Her foot up to her waist was in the water in the drain* [Allsopp, 1996: 238]. ‘Ее ноги до самого пояса были в воде сточной канавы’;

(23) *stretch your foot* (CarA) [IF] [Allsopp, 1996: 238] = SE (BrA) *to stretch your legs* [Allsopp, 1996:238] [Кунин, 1955: 634] ‘размять ноги, прогуляться’;

(24) *Foot, where you deh!* (Guyn) [AF-Joc] [Allsopp, 1996: 238] <Imaginary question by smb in fright calling on his legs to carry him away very fast> [Allsopp, 1996: 238]. ‘Вопросительно-риторическое предложение со стороны испытывающего страх человека, состоящее в том, что высказывание адресуется части тела – своим ногам, чтобы они побыстрее уносили этого человека куда-нибудь’;

(25) *It was only a dog in the dark, but he get frighten like hell! Foot, where you deh! De man take off like a bullet!* [Allsopp, 1996: 238]. ‘Это была всего лишь собака в темноте, но мужчина сильно испугался. Где вы, мои ноги! И он помчался как пуля!’ Можно предположить, что слова *foot* в значении ‘вся нога (а не ступня)’ и *hand* ‘вся рука, вся верхняя конечность от плеча до пальцев’ в МКВА на протяжении какого-то периода, когда они еще сохраняли новизну, выступали в качестве неологизмов, затем перешли в разряд архаизмов.

Продемонстрируем семантическое становление архаизма МКВА *foot*, заимствованного с западно-африканских языков, в виде схемы:

(зап-афр.) *foot* ‘вся нижняя конечность или любая ее часть от бедра до пальцев ступни’ → отсутствие семантического развития → МКВА *foot* ‘вся нижняя конечность или любая ее часть от бедра до пальцев ступни’.

Возможно, закреплению вышеприведенных значений в МКВА (*hand* ‘вся верхняя конечность’, *foot* ‘вся нижняя конечность’) в качестве архаизмов способствовало употребление данных слов в языке английских анатомов в вышеприведенных значениях в Англии XVI–XVIII вв.

По данным словаря COED, в БрА XVI–XVIII веков в языке анатомов слово *hand* употреблялось в значении ‘вся верхняя конечность’, а слово *foot* в значении ‘вся нижняя конечность’. Приведем словарные толкования лексемы *foot* и некоторые показательные примеры:

(26) COED *foot* †c.I.1.c <By some anatomists used for: The whole limb from the hip-joint to the toes. Also, great foot. (Cf. great hand for the whole upper limb> [COED, 1993: 616/12]. ‘Некоторыми английскими анатомами слово *foot* использовалось для обозначения всей нижней конечности от тазобедренного сустава до пальцев ног’;

(27) (Obs.) 1541 R. Copland Guydon's Quest. Chirurg. K iij b, *The great fote lasteth fro the ioynt of the hukcle vnto the ferdest parte of the toes* [COED, 1993: 616/12]. (Устаревшее) 1541 г. ‘Вся нижняя конечность простирается от тазобедренного сустава до самой конечной точки пальцев ноги’;

COED *hand* †c.V.I.1.c transf. <The whole arm> [COED, 1993: 733/1062] ‘*hand* – вся верхняя конечность’;

(28) (Obs.) 1727–51 Chambers Cycl. s.v. *The hand, among anatomists, extends from the shoulder to the fingers ends: this is called also the greater hand* [COED, 1993: 733/1062]. (Устаревшее) 1727–51 г. ‘Анатомы используют слово *hand* ‘рука’ в значении верхняя конечность от плеча до кончиков пальцев’.

Сегодня значения слов *hand* и *foot* в примерах (26), (27) и (28) – вышедшие из употребления архаизмы БрА XVI–XVIII веков. Следует особо отметить, что устаревшие в БрА значения слов *hand* – ‘вся верхняя конечность’; *foot* – ‘вся нижняя конечность’ – в живом употреблении в МКВА. В рассмотренных примерах налицо отсутствие семантического развития 1) между западно-африканскими значениями *hand*, *foot* и значениями *hand*, *foot* в МКВА; 2) между значениями *hand*, *foot*, отмеченными в языке английских анатомов XVI–XVIII веков и значениями данных лексем в МКВА. Отсутствие семантического развития – надежный индикатор того, что слова *hand* и *foot* являются архаизмами в МКВА, кальками-заимствованиями с африканских языков или архаизмами-заимствованиями из БрА XVI–XVIII веков.

9. Выводы

9.1. Обогащение МКВА лексическими заимствованиями происходит путем появления лексических инноваций в мезолекте на базе лексических единиц различных языков в соответствии со следующими семантическими процессами: метафоризация; метонимизация (включая синекдохическое развитие); народная этимология;

генерализация; каламбур; транспозиция; калькирование; деонимизация (или апеллятивизация) и онимизация.

9.2. В БрА XX–XXI веков лексические пары *hand::arm* и *foot::leg* находятся в отношении дополнительной дистрибуции. На основе рассмотрения специфики употребления заимствованных лексем-архаизмов *hand* ‘вся рука’ и *foot* ‘вся нога’ в МКВА, отметим, что рассмотренные лексемы *hand*, *foot* в МКВА являются архаизмами, пришедшими из БрА XVI–XVIII веков или из африканских языков.

9.3. Для производных заимствований-архаизмов *hand*, *foot* МКВА характерно отсутствие их семантического развития по сравнению с исходными лексемами *hand*, *foot* в языке доноре – в БрА XVI–XVIII веков или африканском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 351 с.
2. Березинский В. П. Семантические неологизмы // Английские неологизмы. Киев: Наукова Думка, 1983. С. 132-146.
3. Быховец Н. Н. Заимствованные неологизмы // Английские неологизмы. Киев: Наукова Думка, 1983. С. 146-164.
4. Дьячков М. В. Креольские языки. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. 106 с.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. 542 с.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
7. Allsopp R. Africanism in the idioms of Caribbean English // Language and linguistic problems in Africa. Columbia, S.C.: Hornbeam Press, Inc., 2007. P. 429-441.
8. Bickerton D. Creoles and West-African Languages: a Case of Mistaken Identity? // Substrata versus universals in creole genesis: Papers from the Amsterdam Creole Workshop, April 1985. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1986. P. 25-40.
9. Deuber Digmar. English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad. University of Munster. USA, Cambridge University Press, New York, 2014. 239 p.
10. Hancock I. F. The domestic hypothesis, diffusion and componentiality: An account of Anglophone Creole origins // Substrata versus universals in creole genesis: Papers from the Amsterdam Creole Workshop, April 1985. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1986. P. 71-102.
11. Kachru B. The other tongue: English across cultures. Urbana (Illinois): UIP, 1992. 384 p.
12. Richards J., Platt, H. Language teaching and applied linguistics. Longman Group UK Ltd, 1992. 423 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Абрегов А. Н. Словарь русской лингвистической терминологии. Майкоп: Качество, 2004. 347 с.
2. Большой англо-русский словарь: в 2-х томах. Ок 160000 слов / авт. Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин, Р. С. Гинзбург и др.; под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. 4-е изд., испр., с допол. М.: Рус. яз., 1987. Т. I А–М. 1038 с.

3. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь: 70000 слов, 200000 ед. пер. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз. 1195 с.
4. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х томах. Около 250 тыс. слов / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. М.: Рус. яз., 1993. Том I А–F. 832 с.
5. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2010. 844 с.
6. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н / Д.: Феникс, 2008. 811 с.
7. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English usage. OUP Inc., New York, 1996. 697 p.
8. Cassidy F. G., Le Page R. B. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the University Press, 1967. 489 p.
9. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. Clarendon Press. Oxford. Second edition. New York: Published in the USA by Oxford University Press, Inc., 1993. 2572 p.

REFERENCES

1. Arnold, I. V. (1959). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Modern English lexicology]. M.: Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.).
2. Berezinskiy, V. P. (1983). Semanticheskie neologizmy [Semantic neologisms]. In *Angliyskie neologizmy*. Kiev: Naukova Dumka. Pp. 132-146. (In Russ.).
3. Bykhovets, N. N. (1983). Zaimstvovannye neologizmy [Borrowed neologisms]. In *Angliyskie neologizmy*. Kiev: Naukova Dumka. P. 146-164. (In Russ.).
4. Dyachkov, M. V. (1987). *Kreolskie yazyki* [Creole languages]. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russ.).
5. Reformatskiy, A. A. (1967). *Vvedenie v yazikovedenie* [Introduction to linguistics]. Moskva: Prosveschenie. (In Russ.).
6. Sannikov, V. Z. (2002). *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [The Russian language in the mirror of language play]. M.: Yazyki slavyanosoy kultury. (In Russ.).
7. Allsopp, R. (2007). Africanism in the idioms of Caribbean English. In *Language and linguistic problems in Africa*. Columbia, S.C.: Hornbeam Press, Inc., Pp. 429-441.
8. Bickerton, D. (1986). Creoles and West-African Languages: a Case of Mistaken Identity? In *Substrata versus universals in creole genesis: Papers from the Amsterdam Creole Workshop, April 1985*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Co. Pp. 25-40.
9. Deuber, Digmar. (2014). *English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad*. University of Munster. USA, Cambridge University Press, New York.
10. Hancock, I. F. (1986). The domestic hypothesis, diffusion and componentiality: An account of Anglophone Creole origins. In *Substrata versus universals in creole genesis: Papers from the Amsterdam Creole Workshop, April 1985*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Co. Pp. 71-102.
11. Kachru, B. (1992). *The other tongue: English across cultures*. Urbana (Illinois): UIP.
12. Richards, J., Platt, H. (1992). *Language teaching and applied linguistics*. Longman Group UK Ltd.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Abregov, A. N. (2004). *Slovar russkoy lingvisticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian linguistic terminology]. Maykop. (In Russ.).
2. *Bolshoy anglo-russkiy slovar* [Big English-Russian dictionary]: v 2 tomakh. Ok 160000 slov / compiled by Yu. Апресян, I. R. Galperin. Moskva: Rus. Yazyk. Vol. 1 А–М. 1987. (In Russ.).

3. Gak, V. G., Ganshina, K. A. (1997). *Noviy frantsuzsko-russkiy slovar* [New French-Russian Dictionary]. Moskva: Rus. yaz. (In Russ.).
4. *Novyy Bolshoy anglo-russkiy slovar* [New Big English-Russian Dictionary]: v 3 tomakh / Comp. by Yu. D. Apresyan et alia. Moskva: Rus. yaz. 1993. Vol. I A–F. (In Russ.).
5. Selivanova, O. O. (2010). *Lingvistychna entsiklopediya* [Linguistic encyclopedia]. Poltava: Dovkilla-K. (In Ukr.).
6. Starichenok, V. D. (2008). *Bolshoy lingvisticheskiy slovar* [Big linguistic dictionary]. Rostov n/D: Feniks. (In Russ.).
7. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English usage*. OUP Inc., New York, 1996.
8. Cassidy, F. G., Le Page, R. B. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the University Press.
9. *Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically*. Clarendon Press. Oxford. Second edition. New York: Published in the USA by Oxford University Press, Inc., 1993.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВА – австралийский вариант английского языка; АМА – американский вариант английского языка; БАРС – Большой англо-русский словарь; БРА – британский вариант английского языка; ит. – итальянизм; КВА – карибский вариант английского языка; КНА – канадский вариант английского языка; ЛСВ – лексико-семантический вариант; МКВА – мезолект карибского варианта английского языка; НБАРС – Новый Большой англо-русский словарь; НЭ – народная этимология; НЗА – новозеландский вариант английского языка; АФ – антиофициальный стиль; Antg – Антигуа; Вага–Багамские острова; Вдос – Барбадос; Belz – Белиз; Brbu – Барбуда; Car A – Карибский регион; Car Cr – карибский креольский диалект; Cayl – Каймановые острова; COED – Compact Oxford English Dictionary; Crcu – Карриаку; DA – A Dictionary of Americanisms on historical principles; DCEU – Dictionary of Caribbean English usage; DCHP – Dictionary of Canadianisms on historical principles; Derog – пренебрежительное; Dmca – Доминика; F – официальный стиль; Fr – французский язык; Fr Cr – французский креольский диалект или патуа; Gren – Гренада; Guyn – Гайана; IF – неофициальный стиль; Jmca – Ямайка; Joc – шутивное; Lat Am Sp – латино-американские варианты испанского языка; N; n – имя существительное; Nevs – Невис; phrase – словосочетание; SE – Standard English. Литературный английский язык; SL – Source language. Язык-источник; SOED – Shorter Oxford English Dictionary. Сокращенный оксфордский словарь; Sran – Sranan Tongo. Креоль сранан-тонго; StKt – Сент-Китс; StLu – Сент-Люсия; Tbgo – Тобаго; Trin – Тринидад.

Дроздов Алексей Владимирович – ассистент кафедры английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: i.t.k.r.i.m.l.d.t.h.e@gmail.com). Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Drozdov Alexey V. – Lecturer of English for Natural Sciences and Humanities Department (e-mail: i.t.k.r.i.m.l.d.t.h.e@gmail.com). State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 6 сентября 2017 г.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АПЕЛЛЯТИВОВ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН, КАК ОТРАЖЕНИЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются тематические группы апеллятивов, лежащие в основе личных имен, как отражение антропонимической картины мира англоговорящего и немецкоговорящего лингвосообществ, выявляются общие и отличительные черты и ценности в культуре и ментальности двух народов.

Ключевые слова: личные имена, лингвокультурология, сравнительное языкознание, антропонимическая картина мира.

© 2017 L. V. Kerova

THEMATIC GROUPS OF APPELLATIVES FORMING PERSONAL NAMES AS A REFLEXION OF ENGLISH AND GERMAN ANTHROPONYMIC MODELS OF THE WORLD

The paper aims at describing the thematic groups of appellatives, forming personal names as the reflection of anthroponymic models of the world in the English and German languages, pointing out common and differential features in the mentality and culture of two peoples.

Key words: personal names, linguocultural studies, comparative linguistics, anthroponymic model of the world.

1. Вводные замечания

В языке и через язык отражается система мировидения и миропонимания человека. Процесс осмысления образов реального мира закрепляется в языковом сознании человека. Человек воспринимает цвет, вкус, размеры предметов мира. Следующий этап познавательного процесса – называние (номинация) человеком окружающих явлений, предметов и людей. Исследователи справедливо отмечают, что система мировоззрения человека – это не только его личный опыт познания мира. В течение всей своей жизни он приобщается к многовековому общественному опыту бытия своего народа, на языке которого он думает и говорит [Хайруллина, 2000: 13].

Человек, как представитель определённой этнокультурной общности, воспринимает мир через призму родной культуры, которая складывается под влиянием географических и климатических условий проживания народа, его верований, менталитета, строя языка и т.д. Жизнь каждого конкретного народа протекает в условиях коммуникативной деятельности. Мир предстаёт перед человеком в виде множества национальных образов.

Язык переплетается со знаниями о мире, извлеченная из памяти информация оказывается глубоко встроенной в схемы памяти, воспринимаемая новая информация интегрируется с ранее известными фактами, и язык при этом выступает в роли «социального гена», передающего от поколения к поколению социокод как «основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности фрагментированный массив знаний» [Петров, 1991: 36]. Функционирование языка в качестве «социального гена» обусловлено его способностью фиксировать и неопределенно долго хранить значение.

Языковая картина мира всегда представляет собой результат деятельности целого ряда поколений, для которых язык служит средством конденсации и передачи опыта мировосприятия. Передача культурно-исторического опыта была бы невозможной, если бы в языке не были выработаны общечеловеческие ценности.

Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным вниманием к процессам концептуализации и категоризации мира, связанными с познанием принципов организации и структуры человеческого опыта. Результат переработки информации об отражении окружающего мира в сознании человека фиксируется в картине мира, причем концептуальная и языковая картины мира находятся в сложных отношениях пересечения и наложения [Бессонова, 2011].

Аксиологическая проблематика в языке – одно из актуальных направлений в современной лингвистике, о чем свидетельствуют исследования Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999], Е. Бартминского [Бартминский, 2005], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996], В. И. Карасика [Карасик, 2002] и др. Ценность является сущностной характеристикой языка. На современном этапе развития лингвистики особый интерес вызывают вопросы национально-специфических прототипов, категорий и культурных реалий. Национальная ментальность формируется конкретными факторами материальной среды бытования этноса (речь идет о природе и климате, пище, пейзаже, уровне природной и социальной адаптации в среде) [Попова, 2012]. В контексте данного исследования вслед за В. В. Виноградовым, под ценностями понимаем «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида, выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов, 2007].

С системой ценностей, культивированной в определенном сообществе, тесно связана культура именованного человека. Особую значимость для изучения аксиологических представлений в сознании человека имеют антропонимы, имевшие коннотативную окрашенность в момент номинации. При этом для экспликации ценностных

представлений важными являются названия, закрепившие не только положительные, но и отрицательные характеристики человека, которые указывали на значимость противоположных понятий с точки зрения номинатора путем контраста, антитезы, в результате чего еще выразительнее их подчеркивали [Kaleta, 2003: 26]. По мнению В. И. Карасика, в теоретическом плане наиболее важным является разработка культурных доминант, «совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2002: 142].

Не менее актуальными становятся исследования, посвященные сравнительно-сопоставительному изучению духовной культуры двух близкородственных или других народов, имеющих несколько иной духовный менталитет, их картин мира и систем ценностей. Все это представляется возможным сделать с помощью изучения семантической структуры антропонимов, обратив особое внимание на тематические группы апеллятивов, лежащие в основе личных имен.

Все вышеперечисленные факторы и определяют **актуальность данного исследования**. Личные имена представляют собой важнейший языковой источник информации о культуре и истории народов. Сопоставительное исследование английской и немецкой антропонимических картин мира посредством анализа тематических групп апеллятивов, лежащих в основе личных имен, дает возможность в наиболее интегрированном и законченном виде представить эволюцию английского и немецкого лингвосообществ, определить общие и отличительные черты в культуре и ментальности двух народов.

Целью данного исследования является анализ и описание тематических групп апеллятивов, лежащих в основе личных имен, как отражение антропонимической картины мира в английском и немецком языках.

В качестве **объекта** исследования выступают личные имена и апеллятивы, лежащие в их основе, в английском и немецком языках. **Предметом** исследования являются тематические группы апеллятивов, нашедшие свое отражение в антропонимической картине мира.

Материалом исследования послужил корпус языкового материала, который составили личные имена в английском (2400) и немецком (2300) языках, полученные с помощью сплошной выборки из словарей [Александрова, 2001; Рыбакин, 1989; Hanks, 2006; Macleod, Freedman, 1995; Gottschald, 2006; Bahlow, 2002], а также интернет корпусов [Behind the name ..., 1996; Vorname, 2005].

2. Основные результаты исследования

Результаты исследования позволяют выявить, классифицировать и описать тематические группы апеллятивов, как отражение антропонимической картины мира англоговорящего и немецкоговорящего лингвосообществ.

Личное имя выступает в роли своеобразной антропонимической формулы, заключающей в себе свернутый фрагмент описания реалий и ценностей, имеющих значение для народа-носителя языка. Тематические группы апеллятивов предоставляют чрезвычайно интересный материал об этносоциальных процессах разных периодов развития языка и культуры народа.

Проанализировав семантическую структуру личных имен, обратив особое внимание на тематические группы апеллятивов, лежащие в их основе, представляется возможным сделать вывод, что данные лингвосообщества, вследствие ареальной близости имеют сходные черты в ментальности и культуре. Однако степень важности одних и тех же ценностей является разной для двух сообществ. Результаты семантического анализа апеллятивов, лежащих в основе личных имен, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Тематические группы апеллятивов, лежащих в основе личных имен в английском и немецком языках

Тематическая группа	Английский язык		Немецкий язык		Примеры	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Английский язык	Немецкий язык
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
1. ЧЕЛОВЕК	1053	43,9	660	28,7		
1.1. Положительные качества людей	312	13	253	11	<i>Adele</i> от германск. <i>adal</i> ‘благородный’, <i>Gay</i> от англ. <i>gay</i> ‘веселый’	<i>Hartmut</i> от германск. <i>hard</i> ‘сильный’ + <i>mout</i> ‘смелый’, <i>Albreht</i> др. германск. <i>adal</i> ‘благородный’ + <i>beraht</i> ‘яркий, блестящий’
1.2. Фамилии	285	12	–	–	<i>Ashley, Kellie, Logan, Tyler</i>	–
1.3. Физические характеристики людей	114	4,7	42	1,8	<i>Beau</i> фр. ‘красивая’, <i>Aldous</i> др. англ. ‘старый’, <i>Cyrus</i> перс. ‘дальнозоркий’	<i>Linda</i> др. германск. ‘нежная, мягкая’, <i>Gereon</i> др. греч. ‘старый, старший’
1.4. Люди, мужчина, женщина	74	3	115	5	<i>Corinna</i> др. греч. ‘дева’, <i>Kerry</i> ирл. ‘черные люди’, <i>Virginia</i> лат. ‘дева’, <i>Charles</i> др. германск. ‘мужчина’	<i>Hartmann</i> от германск. <i>hard</i> ‘сильный’ + <i>man</i> ‘мужчина’, <i>Frau</i> от др. в. нем. <i>frouwa</i> ‘женщина’, <i>Theda</i> от германск. <i>theod</i> ‘люди’

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
1.5. Правитель (власть, величие)	65	2,7	125	5,5	<i>Henry</i> др.германск. 'правитель дома', <i>Eric</i> др.сканд. <i>ei</i> 'все, всегда' + <i>rikr</i> 'правитель'	<i>Walter</i> др.германск. <i>wald</i> 'правитель' + <i>hari</i> 'армия' = 'предводитель армии', <i>Richard</i> др.германск <i>ric</i> 'власть, правитель' + <i>hard</i> 'смелый'
1.6. Термины родства	54	2,3	24	1	<i>Abraham</i> от евр. <i>av hamon</i> 'отец многих', <i>Abe</i> от евр. <i>abba</i> 'отец', <i>Abigail</i> др.евр. <i>Avigayil</i> 'мой отец – радость'	<i>Barnabas</i> др.евр. <i>bar naviya</i> 'сын пророка', <i>Benjamin</i> от евр. <i>benyamin</i> 'сын скорби'
1.7. Профессии	50	2	16	0,7	<i>Smith</i> англ. 'кузнец', <i>Carter</i> англ. 'извозчик'	<i>Joris</i> др.греч 'фермер', <i>Werner</i> др.германск. 'охранник, сторож'
1.8. Титулы	36	1,5	14	0,6	<i>Prince</i> англ. 'принц', <i>Queen</i> англ. 'королева', <i>Basil</i> др.греч 'король'	<i>Sarah</i> др.евр 'принцесса', <i>Regina</i> лат. 'королева'
1.9. Друг, советник	32	1,4	64	2,8	<i>Amity</i> лат. <i>amicitia</i> 'дружба', <i>Buddy</i> англ. 'друг', <i>Darwin</i> др.англ <i>deorwine</i> 'дорогой друг', <i>Alfred</i> др.англ. <i>elf</i> 'эльф' + <i>ræd</i> 'советчик'	<i>Hartwin</i> др.германск. <i>hard</i> 'смелый' + <i>wîn</i> 'друг', <i>Meinrad</i> др.германск. <i>magan</i> 'сильный могущественный' + <i>rad</i> 'советчик'
1.10. Слуга, служение	31	1,3	7	0,3	<i>Paige</i> ср.англ. 'слуга, паж', <i>Deacon</i> др.греч 'слуга'	<i>Dagmar</i> др.сканд <i>dagr</i> 'день' + <i>mær</i> 'слуга'
2. МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА	675	28,1	810	35,2		
2.1. Топонимы	119	5	51	2,2	<i>Garfield, Hayley, Dillon, Kelvin</i>	<i>Jordan, Magdalene</i> 'из Магдалы'
2.2. Война, воин, битва, оружие	113	4,7	322	14	<i>Ivor</i> др.сканд <i>ur</i> 'лук' + <i>arr</i> 'воин', <i>Ryder</i> др.англ <i>ridere</i> 'конный воин, всадник'	<i>Günter</i> от германск. <i>gund</i> 'бороться' + <i>heri</i> 'войско', <i>Hilda</i> от германск. 'битва'
2.2. Флора	111	4,6	69	3	<i>Hazel</i> от англ. 'лесной орех', <i>Holly</i> от англ. 'падуб'	<i>Jasmine</i> от англ. 'жасмин', <i>Laura</i> лат. <i>laurus</i> 'лавр'
2.3. Предметы материального мира	100	4,2	150	6,5	<i>Maris</i> лат. 'морская звезда', <i>Ocean</i> англ. 'океан', <i>Sky</i> англ. 'небо'	<i>Stella</i> лат 'звезда', <i>Esther</i> перс. 'звезда', <i>Peter</i> др. греч. 'камень'
2.4. Фауна	96	4	138	6	<i>Leo</i> от лат. <i>Leo</i> 'лев', <i>Bunny</i> от англ. 'кролик', <i>Phoenix</i> лат. 'феникс', <i>Bird</i> англ. 'птица', <i>Dove</i> англ. 'голубь', <i>Kestrel</i> англ. 'пустельга', <i>Lark</i> англ. 'жаворонок'	<i>Urs</i> от лат. <i>Ursus</i> 'медведь', <i>Benno</i> от германск. <i>Bern</i> 'медведь', <i>Korbinian</i> от лат. <i>corbus</i> ворон, <i>Bertram</i> др. германск. <i>beraht</i> 'яркий' + <i>hramn</i> 'ворон'
2.5. Цвета	46	1,9	25	1,1	<i>Blanche</i> фр 'белая, светлая', <i>Sienna</i> англ. 'оранжево-красный'	<i>Bruno</i> др.германск. <i>brun</i> 'коричневый', <i>Melanie</i> др.греч. <i>melaina</i> 'черная, темная'

1	2	3	4	5	6	7
2.6. Названия драгоценных камней	40	1,6	23	1	<i>Topaz</i> англ. 'топаз', <i>Amber</i> англ. 'янтарь', <i>Amethyst</i> англ. 'аметист', <i>Crystal</i> англ. 'кристалл', <i>Emerald</i> англ. 'изумруд'	<i>Margareta</i> др.греч 'жемчужина', <i>Schatz</i> нем. 'сокровище'
2.7. Церковь	30	1,2	32	1,4	<i>Paisley</i> лат. 'церковь', <i>Chris</i> , др. евр. 'помазанник',	<i>Christian</i> др.евр 'помазанник', <i>Kirk</i> др.сканд 'церковь'
2.8. Цифры	14	0,6	–	–	<i>Quentin</i> лат. 'пятый', <i>Octavia</i> лат. 'восьмая'	–
2.9. Буквы	6	0,3	–	–	<i>Alpha, J, K</i>	–
3. ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА	537	22,4	658	28,6		
3.1. Абстрактные понятия	199	8,3	299	13	<i>Hope</i> англ 'надежда', <i>Faith</i> англ 'вера', <i>Irene</i> др.греч. 'мир'	<i>Friede</i> др.германск 'мир', <i>Victoria</i> лат 'победа'
3.2. Бог, божественный, святой, благословенный, христианство	190	7,9	184	8	<i>Benedict</i> от лат. <i>benedictus</i> 'благословенный', <i>Elizabeth</i> др.евр. 'мог Бог дал клятву'	<i>Gottlob</i> от нем <i>Gott</i> 'Бог' + <i>lob</i> 'почитать', <i>Gotthelf</i> от нем. <i>Gott</i> 'Бог' + <i>helf</i> 'помощь'
3.3. Имена языческих Богов	70	2,9	138	6	<i>Joel</i> др.евр. 'Яхве (имя Бога) – Бог', <i>Dennis</i> от имени др.греч Бога <i>Dionysos</i>	<i>Ingrid</i> др.сканд 'Инг (имя Богини) – красивая', <i>Freja</i> др.сканд 'Фрея (имя богини)'
3.4. Любовь (любящий, любимый)	43	1,8	28	1,2	<i>Amabel</i> от лат. <i>amabilis</i> 'любимый', <i>Amanda</i> от лат. <i>amanda</i> 'любимая'	<i>Philo</i> от греч. <i>phil</i> 'любовь', <i>Philomena</i> от греч. <i>philein</i> 'любовь' + <i>menos</i> 'сила'
3.5. Темпоральные единицы	35	1,5	9	0,4	<i>Spring</i> англ. 'весна', <i>April</i> англ. 'апрель', <i>June</i> англ. 'июнь', <i>May</i> англ. 'май', <i>Dawn (ж)</i> 'рассвет'	<i>Abend</i> нем. 'вечер', <i>Noel</i> фр. 'Рождество', <i>Aurora</i> лат. 'рассвет'
4. ДРУГОЕ	135	5,6	172	7,5	<i>Simon</i> др.евр. 'он услышал'	<i>Juven</i> – сращение <i>Jutta + Sven</i>
Всего	2400	100	2300	100		

Личные имена являются средством номинации людей, как субъектов реального мира. Семантика личных имен отражает принцип антропоморфного мировосприятия, соизмерения окружающей действительности с образом самого человека. Отражая антропонимическую картину мира через определенные тематические группы, личные имена, создают своеобразную «мозаику», внутри которой макрогруппы «ЧЕЛОВЕК», «МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» и «ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» являются одними из самых значимых.

Как показывают данные таблицы 1, для английской лингвокультуры самым важным и центральным понятием антропонимической картины мира является «ЧЕЛОВЕК»

(43,9%). В культуре немецкоговорящего лингвосообщества на первое место выдвигается «МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» (35,2%). Полученный результат позволяет сделать вывод, что немецкоговорящее лингвосообщество является более заинтересованным в материальных ценностях, в то время как для англоговорящего лингвосообщества более важным является положение человека в обществе и его отношения с другими людьми.

Тематическая группа «ЧЕЛОВЕК» относится к категории универсалий, однако каждый этнос и каждый язык наполняют это универсальное понятие своим содержанием. Как в английском, так и в немецком языке, в данную группы вошли следующие понятия: «положительные качества людей», «фамилии», «физические характеристики людей», «люди, мужчина, женщина», «правитель, власть, величие», «термины родства», «профессии», «титулы», «слуга», «друг».

В английском языке группа «положительные качества людей» (13%) представлена именами в основе которых лежат апеллятивы: «благородный» (англ. *Adeline* др.германск. *adal* 'благородный' *Brian* кельт. 'благородный, высокочтимый', *Earl* др.англ. *earl* 'благородный мужчина'), «смелый» (англ. *Richard* др. германск. *ric* 'мощь, правитель' + *hard* 'смелый', *Roland* др.германск. *hrod* 'слава' + *nand* 'смелый'), «мудрый» (англ. *Wisdom* др.англ. *wis* 'мудрость, мудрый, '), «добрый, хороший» (англ. *Agatha* др. евр. *agathos* 'хороший', *Aretha* др.греч. 'добродетель'), «богатый» (англ. *Prosper* лат. *prosperus* 'богатый, успешный', *Edwin* др.германск. *ead* 'богатство' + *win* 'друг'), «чистый» (*Agnes* др.греч. *hagnos* 'целомудренная', *Pure* лат. 'чистая').

Что касается немецкого языка, группа «положительные качества людей» (11%) также является очень важной, однако в немецком языке в данной группе доминируют другие ценности. На первом месте по количеству имен находится группа имен, которые имеют в своей основе апеллятивы с семой «храбрый, смелый»: нем. *Leopold* др.германск *leud* 'люди' или лат. *leo* 'лев' + *bald* 'смелый', *Sieghard* др.германск. *sigu* 'победа' + *hard* 'смелый'. Также к этой группе относятся следующие имена: нем. *Ada* др.германск. *adal* 'благородный', *Alwin* др.германск. *adal* 'благородный' + *win* 'друг', *Bertha* др. германск. *beraht* 'яркая, известная', *Katerine* лат. 'чистая'.

Значительную часть (12%) в английском языке занимает группа имен, образованных от фамилий с помощью трансонимизации. Следует отметить, что в немецком языке не было обнаружено личных имен, образованных с помощью данного способа, что объясняется с точки зрения экстралингвистических факторов и характера

антропонимической формулы. В немецком языке не продуктивен способ образования личных имен от фамилий.

В английском языке переход фамилий в разряд личных имен и наоборот является очень популярным: *Norton, Addison, Monroe*. Проанализировав фамилии, послужившие основой для создания личных имен, удалось выявить, что, в основном, данные антропонимы описывают место проживания или рождения человека (*Morton* др.англ. 'город у пристани', *Ogden* др.англ. 'долина дубов', *Preston* др.англ. 'город священника') и родственные связи (*Addison* 'сын Адама', *Anderson* 'сын Эндриу'). Данный фактор свидетельствует о том, что для англоговорящего общества связь с местом рождения и проживания является очень важной, дабы сохранить эту связь, многие родители стали давать своим детям в качестве второго личного имени, а в последние десятилетия и в качестве первого личного, фамилии.

Особого внимания заслуживает отражение описания внешнего вида людей, важной характеристикой является физическая мощь, красота, эстетические характеристики, блеск, сияние, которые отражены в семантике личных имен: англ. *Robert* др.германск. *hrod* 'слава' + *beraht* 'блестящий'. *Albert* др. германск. *adal* 'благородный' + *beraht* 'блестящий', нем. *Berthold* др.германск. *beraht* 'блестящий' + *wald* 'правитель', *Clara* лат. 'чистая, блестящая, известная'. Группа «физические характеристики людей» составляет 3,6% в английском языке и 1,3% в немецком языке. Интересным является тот факт, что в данную группу входят имена, имеющие в свой основе как положительные, так и отрицательные характеристики, которые, в свою очередь, составляют аксиологические оппозиции «молодой» – «старый», «красивый» – «некрасивый» и т.д. В английском языке описываются такие характеристики: внешность (*Algernon* 'с усами', *beau* фр. 'красивый'), возраст (*Aldous* др.англ. *eald* 'старый'). В немецком языке – *Gereon* лат. 'старый', *Paul* лат. 'маленький'.

Группа «люди, мужчина, женщина» находится в середине иерархии ценностей (3% в английском языке, 5% в немецком языке), что свидетельствует об антропоцентричности культур: англ. *Adam* др.евр. 'мужчина', *Andrew* др.греч. 'мужчина', нем. *Friedemann* др.германск. 'мирный человек', *Volker* др.германск. *fulc* 'люди' + *hari* 'армия'.

Семейные отношения в двух изучаемых лингвосообществах характеризовались иерархичностью и патриархальностью, о чем свидетельствуют личные имена, в основах которых реализованы противопоставления «старший» – «младший», «предок» – «потомок», «отец» – «сын»: англ. *Abigail* др.евр. *avigayil* 'мой отец – радость', *Caden* ирл. 'сын', нем. *Abraham* др.евр. 'отец многих', *Barnabas* др.евр. *bar naviya* 'сын пророка'.

Еще одна тематическая группа, которая отражает важность межличностных

отношений для англоговорящего и немецкоговорящего сообщества – группа «друг, дружба, советник» (англ. 1,4%, нем 2,8%). Примерами могут служить следующие личные имена: англ. *Monica* лат. *moneo* ‘советчик’, *Amity* лат. ‘дружба’, *Baldwin* др.германск. *bald* ‘храбрый’ + *win* ‘друг’; нем. *Hartwin* др.германск. *hard* ‘смелый’ + *win* ‘друг’, *Meinrad* др.германск. *magan* ‘сильный, могущественный’ + *rad* ‘советчик’.

Главным агентом языка является человек, следовательно, отношения между людьми, их положение в обществе и связь людей друг с другом обязательно находят свое отражение в антропонимической картине мира любого народа. В связи с этим следует также обратить внимание на наличие таких групп как «титулы», «власть, правитель», «профессии», «слуга служение». Группа «титулы» составляет 1,5% в английском языке и 0,6% в немецком языке: англ. *Prince* ‘принц’, *Duke* ‘герцог’, *Princes* ‘принцеса’, нем. *Sarah* др.евр ‘принцеса’, *Regina* лат. ‘королева’. Группа «власть, правитель» (2,7% в английском языке и 5,5% в немецком языке) представлена следующими именами: англ. *Frederick* др.германск. ‘мирный правитель’, *Donald* гаэльск. ‘правитель мира’, нем. *Waldo* др.германск ‘править’, *Walter* др.германск. ‘правитель армии’. Тематическая группа «слуга, служение» 1,3% в английском языке и 0,3% в немецком языке: *Deacon* др.греч. ‘слуга’, *Marshall* др.германск. *mara* ‘лошадь’ + *scalc* ‘слуга’; нем. *Gottschalk* др.германск. *got* ‘Бог’ + *scalc* ‘слуга’, *Dagmar* др.сканд *dagr* ‘день’ + *mær* ‘слуга’. Группа «профессии» – 2% в английском языке и 0,7% – в немецком языке: англ. *Carter* ‘извозчик’, *Parker* ‘смотритель парка’, *Bailey* ‘судебный пристав’, *Baxter* др.англ. ‘булочница’; нем. *Joris* др.греч ‘фермер’, *Werner* др.германск. ‘охранник, сторож’.

Вышеизложенные количественные данные позволяют сделать вывод о различных моделях строения общества англоговорящего и немецкоговорящего лингвосообществ на протяжении всей истории развития. Модель англоговорящего лингвосообщества является более равномерной и включает в себя представителей различных сословий в примерно равнозначных долях: титулованные особы (1,5%), представители власти (2,7%), представители различных профессий (2%), слуги (1,3%), что свидетельствует о равенстве внутри общества, также английское общество является более индустриальным, т. к. в антропонимической картине мира нашли отражения названия различных профессий, что также свидетельствует о большей степени урбанизации общества. Что касается немецкого лингвосообщества, группа представителей власти (6%), судя по количественным данным, значительно превышает остальные группы: титулованные особы (0,6%), профессии (0,7%), слуги (0,3%). Следовательно, сословие представителей власти составляет большинство

общества, остальные группы не обладают большим удельным весом, следовательно, и важностью в сознании народа, тематическая группа профессий представлена в основном аграрными деятелями, что говорит о малой степени урбанизации общества.

Как показывает материал и результаты анализа, английская и немецкая антропонимическая картины мира являются антропоцентричными, главное место в ней занимает человек, его качества, деятельность, и отношения с окружающими людьми и миром.

«МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» является весьма сложной системой вербализации человеческого бытия. Данная тематическая группа относится к категории фундаментальных концептов когнитивно-культурологической лингвистики и выражает чувственно-образные доминанты любой этноязыковой картины мира, а также наиболее важные жизненные смыслы, сформированные тем или иным социокультурным сообществом. Изучение особенностей репрезентации важной группы «МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» во всей совокупности биолого-психологических, эмоциональных, мыслительных, религиозных, социальных факторов, связанных с бытием человека, свидетельствует о том, что личные имена обладают способностью отображать культурное самосознание англоговорящего и немецкоговорящего народов, рассматриваемое как основу их ментальности. Анализ материала показывает, что группа «МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА», вербализованная средствами английской и немецкой антропонимии, представлена следующими фрагментами: «топонимы», «война, воин, битва, оружие», «флора», «предметы материального мира», «фауна», «цвета», «названия драгоценных камней», «церковь», «цифры», «буквы».

В самую многочисленную группу в немецком языке входят личные имена, в основе которых лежат апеллятивы, обозначающие войну и военное ремесло (14%): «битва»: *Hilda* др.германск. *hild* 'битва', *Isolde* др.германск *is* 'лед' + *hild* 'битва', «оружие»: *Elmo* др.германск. *helm* 'шлем', *Gertrud* др.германск. *ger* 'копье' + *thrud* 'сила', «воин»: *Humbert* др.германск. *hun* 'воин, медвежонок' + *beraht* 'блестящий', *Günther* др.германск. *gund* 'война' + *hari* 'армия, воин'. В английском языке данная группа составляет 4,7%, что в три раза меньше, чем в немецком языке: *Blair* шот. *blár* 'поле боя', *Chad* вал. *cad* 'битва', *Edgar ead* 'богатство' + *gar* 'копье', *Duncan* гаэльск. *donn* 'коричневый' + *cath* 'воин'. Результаты анализа показывают, что немецкоговорящее лингвосообщество было и является более воинственно настроенным. Немецкоговорящее лингвосообщество на протяжении своей истории формировалось как военное сословие, выработало свою систему ценностей, прославляющую силу, смелость, доблесть. Значимость военной службы для представителей немецкоговорящего лингвосообщества вербализуется наличием большого количества имен,

характеризующих человека как борца, воина-защитника, *Alexander* др.греч. *alexo* ‘защищать’ + *aner* ‘человек’, *Anselm* др.германск *ans* ‘Бог’ + *helm* ‘защита’. Англоязычному лингвосообществу близки ценности рыцарской культуры: мудрость, доброта, честь, достоинство, доблесть, благородство, религиозность, культ вольности, свободы и равенства: *Alexis* др.греч. ‘защитник’, *Humphrey* ‘мирный воин’.

Группа «топонимы» составляет 5% в английском языке: *Montana* – штат США, *Paris* ‘Париж’, *Africa* ‘Африка’, *Sidney* ‘Сидней’, и 2,2% в немецком языке: *Jordan* ‘Иордан’. Как видим, вследствие более широкой ареальной распространённости и распределённости для англоговорящих людей очень важным было сохранить связь с Родиной и местом рождения.

Следующей по продуктивности группой является тематическая группа «флора», в английском языке – 4,6%, в немецком языке – 3%. Данная группа представлена в английском языке названиями цветов (*Pansy* англ. ‘анютины глазки’, *Myrtle* англ. ‘мирт’), трав (англ. *Holly* ‘паддуб’, *Fern* ‘папоротник’), деревьев (англ. *Olivia* лат. ‘оливковое дерево’, *Perry* ср.англ. *perrie* ‘дерево груша’), ягод (англ. *Berry* ‘ягода’, *Cherry* ‘вишня’). В немецком языке группа менее многочисленная и представлена, в основном, названиями деревьев (*Linte* ‘липа’, *Horst* ‘лес’) и цветов (*Jasmin* ‘жасмин’). Результат анализа позволяет предположить, что флора окружающего мира более детально зафиксирована и отображена в английской антропонимической картине мира вследствие большей территориальной распространённости англоговорящего народа, а также ряда экстралингвистических факторов, одним из которых является мода. В XX столетии в английском языке существовала тенденция давать в качестве личных имен названия цветов и ягод, т.к. данные апеллятивы имеют положительную ассоциацию в сознании народа. Вследствие того, что 90% таких имен являются женскими, представляется возможным сделать вывод, что в процессе именованья девочек и женщин сравнивали с цветком, ассоциировали их красоту с красотой цветов, растений, сладостью ягод и плодов деревьев.

Группа «предметы материального мира» составляет в английском языке 4,2%, в немецком языке 6,5%. Апеллятивы, лежащие в основе личных имен, входящих в данную группу, описывают мир, таким, каким его видели представители лингвосообщества: англ. *Ocean* ‘океан’, *Sky* ‘небо’, *Star* ‘звезда’, *Dolly* ‘куколка’; нем. *Peter* др.греч. ‘камень’, *Stella* лат. ‘звезда’.

Интересным является цветовое восприятие народа – тематическая группа «цвета» – которая нашла отражение в антропонимиконе, в английском языке – 2%, в немецком языке – 1,1%. Следует отметить, что, в основном, в английском языке в данную группу

входят имена, образованные от апеллятивов, обозначающие светлые (белый, желтый, золотой) или яркие цвета (красный и его оттенки), например: *Alban* лат. *albus* 'белый', *Aureole* лат. 'золотистый', *Blanche* фр. 'светлая, белая', *Gwen* вал. 'белая', *Sienna* англ. 'оранжево-красный'. Возможно, в данном случае находит свое отражение восприятие окружающего мира представителями народа. Светлый в сознании англоговорящего лингвосообщества ассоциируется с положительными качествами, надеждой на лучшее и помощь высших сил. Помимо этого в английском языке также были зафиксированы личные имена, имеющие в своей основе апеллятивы, обозначающие темные цвета (черный, коричневый), например, англ. *Nigel* лат. *niger* 'черный', *Sable* 'черный, темный', *Tawny* фр. 'светло-коричневый'. Темные цвета ассоциируются со стабильностью, устойчивостью. В немецком языке в данной группе большинство личных имен образованы от апеллятивов, обозначающих темные цвета: *Bruno* др.германск. *brun* 'коричневый', *Melanie* др.греч. *melaina* 'черная, темная'.

Тематическая группа «фауна» включает в себя две группы «птицы» (английский – 1,5%, немецкий 2%) и «животные» (английский – 2,5%, немецкий – 4%). В данную группу входят личные имена, созданные на разных хронологических срезах эволюции языка. Апеллятивы, лежащие в основе таких личных имен, являются названиями птиц и животных, характерных и обитающих в географических ареалах, в которых распространены английский и немецкий язык соответственно: англ. *Oscar* гаельск. *as* 'олень' + *cara* 'друг', *Orson* фр. *ors* 'медведь', *Rachel* др.евр. 'овца'; *Astor* оксит. 'ястреб', нем. *Arnuf* др.германск. *arn* 'орел' + *wulf* 'волк', *Boris* турецк. *Bogoris* 'волк' или 'снежный леопард', *Rudolf* др. германск. *hrod* 'слава' + *wulf* 'волк'. Данная группа отображает связь сознания человека с природой, раскрывает перенос и ассоциации физических качеств животных на человека.

Одним из основных понятий, отраженных в группе «абстрактные понятия», является «богатство». Данный концепт находит свое отражение и в тематической группе «названия драгоценных камней». Красота и ценность драгоценных камней имеют положительные ассоциации в сознании двух народов (английский – 1,6%, немецкий – 1%). Следует отметить, что 90% имен данной группы являются женскими именами, что вполне естественно объясняется тем фактором, что для женщин красота и драгоценные камни всегда представляли больший интерес, чем для мужчин: *Opal* англ. 'опал', *Amber* англ. 'янтарь', *Ruby* англ. 'рубин', *Orinda* лат. *oro* 'золото', *Pearl* англ. 'жемчужина'. нем. *Margareta* др.греч 'жемчужина', *Schatz* нем. 'сокровище'.

Группа «церковь» составляет 1,2% в английском языке и 1,4% в немецком языке. Сюда входят такие имена: англ. *Ora* лат. *oro* ‘молиться’, *Paisley* лат. ‘церковь, базилика’, *Chris*, др. евр. ‘помазанник’, нем. *Christian* др.евр ‘помазанник’, *Kirk* др.сканд. ‘церковь’. Данная группа демонстрирует связь «МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА» с «ДУХОВНЫМ МИРОМ ЧЕЛОВЕКА». Религия как составляющая духовного мира находит свое отражение в предметах материальной действительности, которые служат для богослужения, такие как церковь, предметы интерьера, люди духовного сана.

Самыми малочисленными группами в английском языке являются тематические группы «буквы» – 0,3% и «цифры» – 0,6%. В немецком языке такие группы не были выделены. Данную группу составили имена, образованные от названий букв: *J, K, Alpha* и числительных: *Nona, Quentin, Octavia, Mona*. Имена данной группы зачастую также выражают иерархичность отношений между людьми.

Духовный мир человека соотносится с этикой, моралью, жизненными ценностями человека, его ощущениями и эмоциями, замыслами и идеями. Все люди разные и духовный мир, соответственно тоже разный. Духовный мир человека состоит из разных составляющих и зависит от его воспитания, образования, окружающей среды [Гумбольдт, 1984]. Духовность включает в себя душевность, дружелюбие в отношениях между людьми. К духовному миру человека относят знания, чувства, веру, потребности, умения, стремление, цели людей. Духовная жизнь человека невозможна без переживаний: радости, уныния, оптимизма и разочарования, любви и ненависти, гордости и стыда. Человеку свойственно стремление к самопознанию и самосовершенствованию. Диапазон духовной культуры, накопленной человечеством, даёт каждому человеку свободу выбора духовных ценностей, характерных его вкусам, способностям и условиям жизни.

Группа «ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» представлена следующими понятиями: «абстрактные понятия», «Бог, божественный, святой, благословенный, христианство», «имена языческих Богов», «любовь, любящий, любимый», «темпоральные единицы».

Группа «абстрактные понятия» показывает, что базовыми ценностями в концептуальной картине мира англоговорящего народа были понятия: «победа» (англ. *Nicolaus* лат. ‘победа людей’, *Berenice* лат. ‘приносящая победу, победоносная»), «мир» (*Geoffrey* др.германск. *frid* ‘мир’ + *gawia* ‘территория’, *Wilfred* др.англ. *wil* ‘желание’+ *frif* ‘мир’), «защита» (*Edmund* др.англ. *ead* ‘богатство’ + *mund* ‘защита’, *Hammond* др.германск. ‘защита дома’). Можно сделать вывод, что данные характеристики являлись и являются на протяжении всей истории развития наиболее важными для

англоговорящего лингвосообщества. В древности имена носили характер пожеланий, родители, называя ребенка, давали ему имя-пожелание, таким образом, надеялись наложить отпечаток на судьбу ребенка.

Религиозность двух изучаемых лингвосообществ подтверждается тем фактом, что группа «Бог, божественный, святой, благословенный» является довольно многочисленной в двух языках (7,9% в английском языке и 8% в немецком языке). Количественные данные показывают, что этот концепт является одинаково важным для двух лингвосообществ. Данная группа представлена следующими именами: англ. *Dorothea* др.греч. 'подарок Бога' *Asher* др.евр. 'благословенный', *Daniel* др.евр. 'Бог – мой судья'; нем. *Michael* др.евр. 'кто Бог?', *Raphael* др.евр. 'Бог, исцели'. Большинство имен, принадлежащих к этой группе, были созданы и вошли в обиход в момент приобщения к христианству, поэтому данная группа представлена библейскими именами (Ветхий и Новый заветы): англ. *Abraham, David, Hanna*, нем. *Eve, Bartholomäus, Jakob*, именами святых: англ. *Barbara, Ambrose, Martha*, нем. *Matthias, Clara, Luca, Mark* и пуританскими именами: англ. *Prudence, Comfort, Faith*, нем. *Gottlob, Gotthelf*. Данный факт свидетельствует о превалировании христианской культуры и христианских ценностей в языковых картинах мира английского и немецкого языков.

Важной составной частью антропонимической картины мира, как в английском, так и в немецком языках, является мифология, представленная в группе «имена языческих Богов» (2,9% – английский язык, 6% – немецкий язык). В основу верований и ментальности двух народов была положена классическая древнегреческая (англ. *Daphne* др.греч. 'лавр', *Cassandra* др.греч. *kekasmai* 'сиять' + *aner* 'человек', нем. *Linus* 'лен', *Phyllis* 'листва') и древнеримская мифология (англ. *Diana* 'божественная', *Flora* 'цветение', нем. *Aurora* 'рассвет'), а также германские и скандинавские верования (англ. *Freya* 'леди', *Odin* 'вдохновение', нем. *Torsten* 'камень Тора', *Ingrid* 'Инг – красивая'). Как показывают примеры, имена Богов могут использоваться самостоятельно и как один из элементов имен. Важность и значительное влияние мифологии на формирование антропонимической картины мира двух лингвосообществ подтверждается тем фактом, что эти имена используются и в настоящее время.

Следующая по количеству единиц – тематическая группа «любящий, любимый, дорогой» – составляет 1,9% в английском языке, 1,2% в немецком языке. Обращения близких людей друг к другу является неотъемлемой частью человеческого общения, вследствие чего апеллятивы, обозначающие теплые чувства, со временем в результате процесса онимизации переходят в разряд имен собственных, чаще всего личных имен, например: англ. *Amy*

фр. 'любимая', *Phil* др.греч. 'дорогой, любимый', *Amanda* лат. 'любимая', нем. *Philo* от греч. *phil* 'любовь', *Philomena* от греч. *philein* 'любовь' + *menos* 'сила'.

Категория времени, восприятие человека во временном континууме также являются ключевыми категориями для англоговорящего и немецкоговорящего лингвосообщества. Тематическая группа «темпоральные единицы» (1,5% – в английском языке, 0,4% – в немецком языке) включает в себя названия дней, праздников, месяцев, времен года, которые используются в качестве личных имен: англ. *Monday* англ. 'понедельник', давалось девочкам, рожденным в понедельник, *Natalie* лат. 'День Рождества', *Spring* англ. 'весна', *June* англ. 'июнь', нем. *Abend* нем. 'вечер', *Noel* фр. 'Рождество', *Aurora* лат. 'рассвет'. Следует отметить, что все единицы данной группы имеют положительную ассоциацию в сознании человека – теплое время года и важные семейные праздники.

3. Выводы

Таким образом, проанализированный материал и полученные количественные данные позволяют сделать вывод, с одной стороны, о сходстве антропонимических картин мира англоговорящего и немецкоговорящего лингвосообществ, что объясняется рядом факторов.

Во-первых, общими историческими чертами развития двух языков: германские корни, влияние германской, скандинавской, древнеримской и древнегреческой мифологий, влияние христианской религии, современные процессы глобализации.

Во-вторых, данные лингвосообщества имеют схожие ценности в культуре и ментальности: благородство, мудрость, смелость, богатство и т.д., которые не могли не отразиться на формировании антропонимической картины мира двух народов.

В-третьих, географическая близость ареального распространения языков позволила английскому и немецкому языкам, а также языкам ближайших соседей (французскому, испанскому, итальянскому и т.д.) оказать влияние на формирование общих тенденций в развитии двух языков и лингвосообществ.

С другой стороны, обе антропонимические картины мира сохранили индивидуальность, присущую каждому из народов. Английская система личных имен обнаруживает тесную связь с другими элементами антропонимической формулы, в частности, фамилиями, что отличает ее от немецкой системы личных имен. Судя по количественным данным, наиболее важными понятиями для англоговорящего лингвосообщества являются положительные качества людей, в отличие от немецкоговорящего лингвосообщества, для которого наивысшей ценностью является воинская доблесть, слава и мастерство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бартминский Е. Языковой образ мира: Очерки по Этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.
3. Бессонова О. Л. Эмотивные концепты в ценностной картине мира // Наука и культура России. Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2011. С 146-148.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Наука, 1996. 465 с.
5. Виноградов В. В. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте культуры. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. С. 93-97.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 34-298.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Петров Н. К. Язык, знак, культура. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991. 328 с.
9. Попова Т. Г. Категория «ценность» как существенная характеристика языка // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 2. Вып. 14. С. 72-73.
10. Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировоззрения к миропониманию. Уфа: Издательство БГПУ, 2000. 285 с.
11. Kaleta Z. Wartości i antywartości w staropolskich odapelatywnych nazwach osób // Prace Slawistyczne. 2003. № 115. S. 21-48.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова Т. С., Добровольский Д. О., Салахов Р. А. Словарь немецких личных имен. Происхождение. Значение. Употребление. Москва: Русский язык, 2001. 248 с.
2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. Москва: Русский язык, 1989. 224 с.
3. Bahlow H. Dictionary of German names. Madison, Max Kade Institute for German-American Studies, 2002. 579 p.
4. Behind the Name. 1996. Доступ: <http://www.behindthename.com>. (дата обращения: 25.08.2017).
5. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. 443 p.
6. Macleod I., Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names. Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1995. 223 p.
7. Max Gottschald Deutsche Namenkunde. Walter De Gruyter Incorporated, 2006. 622 S.
8. Vorname. 2005. Доступ: <http://www.vorname.com>. (дата обращения: 25.08.2017).
9. Weitershaus Fr.-W. Das neue große Vornamenbuch. Wie soll unser Kind heißen? Herkunft und Bedeutung von 8000 Vornamen. München: Wilhelm Goldmair Verlag, 1998. 400 s.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. [Language and human world]. M. (In Russ).
2. Bartminskiy, E. (2005). *Yazykovoy obraz mira: Ocherki po Etnolingvistike* [Language image of the world. Ethnolinguistic essays]. M. (In Russ).
3. Bessonova, O. L. (2011). Emotivnye kontsepty v tsennostnoy kartine mira [Emotive concepts in the language picture of the world]. In *Nauka i kultura Rossii. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy universitet puty soobshcheniya*. Pp. 146-148. (In Russ).

4. Wierzbicka, A. (1996). *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. M.: Nauka. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. V. (2007). K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti [About linguistic understanding of values]. In *Russkaya slovesnost v kontekste kultury*. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta. Pp. 93-97. (In Russ.)
6. Humboldt, W. von. (1984). O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitie chelovechestva [About differences in language structures and their influence on spiritual development of people]. In *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. M.: Progress. Pp. 34-298. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: person, concepts, discourse]. Volgograd. (In Russ.)
8. Petrov, N. K. (1991). *Yazyk, znak, kultura* [Language, sign, culture]. M. (In Russ.)
9. Popova, T. G. (2012). *Kategoriya «tsennost» kak sushchnostnaya kharakteristika yazyka* [The category of values as an existential characteristics of a language]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»*. N 2. Vyp. 14. Pp. 72-73. (In Russ.)
10. Khayrullina, P. Kh. (2005). *Frazeologicheskaya kartina mira: ot mirovozzreniya k miroponimaniyu* [Phraseological picture of the world: from world outlook to world perception]. Ufa: Izdatelstvo BGPU. (In Russ.)
11. Kaleta, Z. (2003). Wartości i antywartości w staropolskich odapelatywnych nazwach osób. In *Prace Slawistyczne*. N 115. S. 21-48

LEXICOGRAPHIC REFERENCES

1. Aleksandrova, T. S., Dobrovolskiy, D. O., Salakhov, R. A. (2001). *Slovar nemetskikh lichnykh imen. Proiskhozhdenie. Znachenie. Upotreblenie* [The Dictionary of German personal names. Etymology. Meaning. Use]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.)
2. Rybakin, A. I. (1989). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [The dictionary of English personal names]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.)
3. Bahlow, H. (2002). *Dictionary of German names*. Madison, Max Kade Institute for German-American Studies.
4. *Behind the Name*. (1996). Available at: <http://www.behindthename.com>. (accessed: 25.08.2017).
5. Hanks, P., Hodges, F. (2006). *A Dictionary of First Names*. Oxford, New York: Oxford University Press.
6. Macleod, I., Freedman, T. (1995), *The Wordsworth Dictionary of First Names*. Hertfordshire: Wordsworth Editions.
7. Max Gottschald. (2006). *Deutsche Namenkunde*. Walter De Gruyter Incorporated.
8. Vorname. (2005). Available at: <http://www.vorname.com>. (accessed: 25.08.2017).
9. Weitershaus, Fr.-W. (1998). *Das neue große Vornamenbuch. Wie soll unser Kind heißen? Herkunft und Bedeutung von 8000 Vornamen*. München: Wilhelm Goldmann Verlag.

Керова Лариса Витальевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: larisa.kerova89@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kerova Larisa V. – Postgraduate Student
of English Philology Department
(e-mail: larisa.kerova89@gmail.com)
State Educational Institution of Higher
Professional Education “Donetsk National
University”
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 7 сентября 2017 г.

УДК 811.111'367.32:81–116.3

© 2017 С. Н. Кишко

ПОЛОЖИТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СВЕТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ МОДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу положительно-оценочных высказываний, в которых имеет место сознательная деинтенсификация / занижение продуцентом положительной оценки реалий объективной действительности в соответствии с социокультурными нормами коммуникативного поведения англоязычного социума. Последнее представляет собой смысловое содержание одного из прагматических вариантов коммуникативно-прагматической категории модерации – девальвации.

Ключевые слова: *девальвация, самодевальвация, модерированное положительно-оценочное высказывание, модератор-девальватор.*

© 2017 S. N. Kishko

SPEECH ACTS OF POSITIVE EVALUATION FROM THE VIEWPOINT OF THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC CATEGORY OF MODERATION

The focus of the article is speech acts of positive evaluation which demonstrate the speaker's intention to devalue the positive evaluation of the objective reality in conformity with the socio-cultural norms of communication in the English speaking societies. The latter makes up the content side of one of the pragmatic variants of the communicative-pragmatic category of moderation – devaluation.

Key words: *devaluation, self-devaluation, moderated speech acts of positive evaluation, moderator-devaluator*

1. Вводные замечания

Оценочным речевым актам (РА) посвящена обширная литература, отражающая интерес исследователей к изучению личностно окрашенных, антропоцентрических аспектов коммуникации. При этом внимание лингвистов привлекает, главным образом, снижение иллокутивной силы отрицательной оценки, исследуемой в терминах митигации [Fraser, 1980; Holmes, 1984; Caffi, 1999]. Это связано, по мнению многих исследователей, с психической предрасположенностью человека гораздо тоньше и лучше различать то, что вызывает у него дискомфорт: обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего [Вольф, 1985; Арутюнова, 1988].

Напротив, анализу положительно-оценочных РА в научной литературе уделялось до сих пор сравнительно мало внимания. Известны исследования похвалы (в том числе самопохвалы), комплимента [Мищенко, 1997; Ключко, 2001; Бигунова, 2013] и ряд других, однако в целом специфика модификации положительной оценки, а также ее эффекта в

коммуникации не получили пока должного освещения в отечественном языкознании. Сказанное делает разработку проблемы деинтенсификации / занижения положительной оценки *актуальной* задачей на современном этапе развития коммуникативной лингвистики.

Целью данной статьи является анализ побудительных мотивов использования девальвации англоязычной языковой личностью.

Объектом исследования является девальвация как прагматический вариант модерации.

Материалом исследования послужили 3000 модерированных высказываний, в которых находит выражение коммуникативно-прагматическая категория модерации.

2. Основные результаты исследования

Как было показано в наших предыдущих публикациях [Кишко, 2007, 2011], модерация как одна из характеристик коммуникативного поведения представителей англоязычных культур – стремления к умеренности и сдержанности в выражении мнений, оценок и т.п. – носит антропоцентрический характер, который проявляется при выражении отношения продуцента высказывания:

– к адресату / 3-му лицу, чьи интересы затронуты актом коммуникации – его физиологическим и индивидуально-психологическим особенностям, этическим проявлениям (жизненный опыт адресата, жизненная позиция, образ жизни, отношение к другим людям и т.д.), социально-ролевым функциям (социальный статус, материальное положение, мастерство, деловые качества, обязанности, образование, воспитание и т.д.);

– к предметам объективной действительности и их свойствам;

– к ситуации, т.е. событиям и фактам;

– к собственному «Я» – своему внутреннему эмоциональному миру, психическому состоянию, личностным свойствам, поведению, моральным ценностям, личным, профессиональным интересам и т.д.

В данной работе речь пойдет о том, как перечисленные выше параметры находят отражение в положительно-оценочных модерированных высказываниях. Как известно, в речи положительная оценка материализуется в виде оценочных высказываний, которые в классификации речевых актов относятся к экспрессивам [Серль, 1986]. Положительно-оценочные высказывания характеризуются иллокутивной силой экспликации психической установки / эмоционального состояния коммуниканта относительно положения дел, выраженного в пропозиции [Серль, 1986]. Одним из проявлений психоэмоционального состояния есть модерация высказывания, т.е. англоговорящая языковая личность

сознательно избегает экстремальности в речевом общении: *moderation* <the state of being moderate: an avoidance of extremes> [Webster's Third New International Dictionary: 1451].

В отношении англоязычных коммуникативных культур учеными неоднократно отмечалась такая особенность: если ликопонижающие РА, содержащие отрицательную оценку, принято смягчать, то при выражении положительной оценки настоятельно рекомендуется соблюдение максимы качества, предписывающей продуценту быть предельно искренним и объективным [Grice, 1975]. Анализ реальной речевой деятельности, однако, показывает, что в практике «живой» коммуникации англоязычные говорящие нередко проявляют умеренность и осторожность в высказывании положительной оценки объекта, намеренно «обесценивая» ее тем или иным образом. Это явление может рассматриваться как неотъемлемая черта поведенческого аспекта англоязычной языковой личности в том смысле, что она является стратегией, используемой говорящим сознательно и преднамеренно.

Все вышесказанное послужило основанием для выделения особого прагматического варианта модерации, названного нами девальваций, и заключающегося в деинтенсификации / занижении продуцентом положительной оценки реалий объективной действительности с целью придания последней большей объективности [Кишко, 2011]. Девальвация имеет место в модерированных высказываниях (МВ), в которых говорящий проявляет умеренность в выражении своего положительного отношения к окружающему миру под действием совокупности объективно-субъективных и экстралингвистических факторов. Девальвация воздействует на иллокуцию модерированного оценочного РА с общеоценочным значением «хороший» и его синонимов, а также позитивной рациональной и эмоциональной оценки, ориентированной на передачу эмоций любви, нежности, уважительного отношения, одобрения и т.п. Иллокутивными показателями интенции говорящего деинтенсифицировать / занизить положительную оценку реалий объективной действительности являются модераторы-девальваторы [Кишко, 2011].

(1) *She was right. For such a public place, ... it seemed an excellent choice* [Pearson, 1992: 201]. 'Она была права. Для такого людного места, ... это казалось великолепным выбором'.

В (1) место для личной встречи, положительно оцениваемое как «великолепный выбор», модерируется посредством модератора-девальватора *seem*. В результате интенсивность положительной оценки ослабляется, категоричность высказываемого говорящим мнения снижается.

В системе ценностей англоязычных сообществ оценка «хороший», как и в большинстве этносов, считается аксиологической нормой [Арутюнова, 1988]. Однако в

отличие от других культур, англоязычная говорящая личность нередко считает необходимым выражать ее в модерированной форме. Так, в случаях, когда положительная оценка направлена на адресата или третье лицо, девальвации могут подвергаться такие аспекты денотата, как физиологические особенности / внешность (см. (2), (3)), личностные качества (см. (4)), эмоционально-психическое состояние (см. (5)), социально-ролевая функция (см. (6)). Как показывают данные проведенного исследования, интенция говорящего направлена на указанный денотат в 37% высказываний из общего количества проанализированных МВ девальвации.

(2) *She exercises two hours a day and eats only lettuce. To my mind, she looks great* [Grisham, 2003: 14]. ‘Она занимается по два часа в день и ест только салат. По-моему, она выглядит великолепно’.

(3) *She was sort of cute* [Salinger, 1968: 86]. ‘Она хорошенькая’.

Модераторы *to my mind* в (2) и *sort of* в (3) снижают интенсивность положительной оценки внешности девушки, выраженной положительно-оценочными прилагательными *great*, *cute*, что ведет к снижению категоричности высказывания – говорящий не желает навязывать свое мнение собеседнику.

(4) – *You two are really lucky to have each other. He seems like a great guy.*

– *He is* [Pearson, 1992: 317]. ‘– Вам двоим очень повезло, что вы вместе. Он кажется таким классным парнем. – Да, он такой и есть’.

В (4) говорящий преднамеренно занижает положительную оценку личностных качеств третьего лица, используя слова-модераторы *seems* и *like*, с одной стороны, чтобы «не переборщить» с похвалой, с другой, чтобы придать своему высказыванию больше объективности.

(5) – *What was her manner?*

– *Very easy and pleasant. She seemed in good spirits* [Christie, 1976: 239]. ‘– Как она себя вела? – С ней было легко и приятно общаться. Казалось, она была в хорошем настроении’.

Говорящий проявляет осторожность в оценке эмоционально-психического состояния третьего лица, используя глагол *seem*, допуская тем самым кажущийся характер хорошего настроения девушки.

(6) – *You must have had a very good cabinetmaker. It's a handsome job. – I suppose he was good. An oldtimer* [Bartel, 1985: 112]. ‘– Должно быть, у вас был очень хороший мастер по дереву. Работа просто великолепная. – По-моему, у него получилось хорошо. Он мастер еще того времени’.

Говорящий высоко оценивает уровень квалификации краснодеревщика, очень хорошо сделавшего работу. Адресант же со своей стороны проявляет умеренность в выражении похвалы мастеру.

Одной из норм, отражающей систему ценностей англоязычной языковой личности, является проявление скромности по отношению к собственным достоинствам, умениям, способностям и т.д. Этот факт послужил основой для выделения в англоязычном дискурсе особого вида девальвации – **самодевальвации** (термин наш – С. К.). В терминологии П. Браун и С. Левинсона данное явление определяется как *self-denigration* [Brown, 1987]. Самодевальвация является адресантно-ориентированной коммуникативной стратегией и реализуется в речевом поведении говорящего максимумом скромности: «Своди к минимуму выражение одобрения самому себе» [Leech, 1983], предписываемую членам англоязычных социумов социокультурными традициями, которые ограничивают самовосхваление, поощряют умеренность и сдержанность в оценке собственных достоинств, а потому нередко вступают в конфликт с крайней максимой качества.

(7) *I think I'll make a good partner for you. I know a lot of things you don't* [Cornwell, 2002: 344]. 'Я думаю, что могу стать хорошим партнером для тебя. Я знаю много того, чего ты не знаешь'.

В (7) продуцент использует модератор *I think*, ограничивая, чтобы не показаться нескромным, положительную оценку своей компетентности лишь собственным мнением.

(8) *I'm pretty good at one small, narrow function* [Perry, 1999: 97]. 'Я очень хорошо могу выполнять работу узкой специализации'.

(9) *In college a friend of mine was a rower, and I got into it through him. Seems like I had a natural talent for it* [Baldacci, 2004: 230]. 'Один из моих друзей в колледже занимался греблей, и я, благодаря ему, тоже стал заниматься этим видом спорта. Как будто бы у меня были способности к этому от природы'.

В (8), (9) говорящий преднамеренно преуменьшает свои достоинства. Прагматический смысл, который приносят модераторы-девальваторы *pretty, seems, like* в эти высказывания, можно истолковать как 'воздерживаюсь сказать «очень», чтобы не показаться нескромным'.

Прагматическое своеобразие самодевальвации состоит в том, что она обычно реализуется как обесценивание говорящим собственного «Я», отражающего «Я-концепцию». Последняя синтезирует совокупность всех представлений индивида о себе, своем поведении, поступках и т.д. и связана, прежде всего, с самооценкой – уровнем

собственного достоинства, ожиданием одобрения, уважения или, по крайней мере, признания собственных достоинств другими [Шевченко, 2001].

МВ, в которых интенция говорящего направлена на собственное «Я», составляют 30% от общего количества проанализированных МВ девальвации. Говорящий проявляет с большей или меньшей степенью искренности скромность по отношению к таким аспектам собственного «Я», как умственные способности (см. (10)), физические (см. (11)) и профессиональные качества (см. (12)).

(10) *I seem to have a knack for it* [Baldacci, 2004: 198]. ‘Кажется, у меня есть способности к этому’.

(11) *I was a pretty good athlete when I was younger* [Baldacci, 2004: 437]. ‘Я был очень хорошим спортсменом в молодости’.

(12) *Well, I think we make a pretty good team* [Baldacci, 2004: 385]. ‘Я думаю, что у нас очень хорошая команда’.

Указанные аспекты собственного «Я» в семантической структуре МВ самодевальвации не являются объективным отражением реальных свойств личности говорящего, но иллюстрируют его стремление деинтенсифицировать номинацию данных свойств для оптимальной организации диалога как деятельностной интеракции.

3. Выводы

Результаты анализа прагматических особенностей девальвации позволяют сделать вывод о том, что модерированные высказывания этого типа используются преимущественно в случаях близких или интимных отношений между коммуникантами, что объясняет его сравнительно невысокий показатель в общей выборке языкового материала: 150 высказываний из 3000. Однако, с другой стороны, значительное количество МВ, в которых интенция говорящего направлена на аспекты собственного «Я» (т.е. случаи самодевальвации), на адресата и третье лицо, иллюстрируют устойчивую тенденцию использования англоязычной языковой личностью девальвации. Использование модерированных положительно-оценочных высказываний оптимально отвечает социокультурным нормам англоязычного социума, предписывающим ограничивать восхваление в одобряющем межличностном общении.

Перспективу дальнейшей разработки феномена девальвации связываем с его исследованием в гендерном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

2. Бигунова Н. А. Речевые акты похвалы и комплимента как объекты лингвистического анализа // *Мова*. 2013. № 19. С. 33-37.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 229 с.
4. Кишко С. Н. Модерация в свете теории высказывания // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. 2007. № 537. С. 51-54.
5. Кишко С. Н. К проблеме положительно-оценочного высказывания (на материале англоязычного художественного дискурса) // *Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. Філологічні науки. Мовознавство*. Луцьк, 2011. Вип. 4. С. 36-39.
6. Ключко Л. И. Похвала в ряду родственных речевых актов в английском языке // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. 2001. № 537. С. 47-57.
7. Мищенко В. Я. Классификация речевых актов комплимента // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. 1997. № 390. С. 107-111.
8. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170-194.
9. Шевченко И. С. Прагматические проявления Я-концепции говорящего в дискурсе // *Вестник Харьковского национального университета*. 2001. № 537. С. 11-16.
10. Brown P. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Univ. Press, 1987. 345 p.
11. Caffi C. On mitigation // *Journal of Pragmatics*. 1999. Vol. 31. P. 881-909.
12. Fraser B. Conversational mitigation // *Journal of Pragmatics*. 1980. № 4. P. 341-350.
13. Grice H. P. *Logic and Conversation // Syntax and Semantics*. New York, 1975. Vol. 3. P. 41-58.
14. Holmes J. Modifying illocutionary force // *Journal of Pragmatics*. 1984. Vol. 8. P. 345-365.
15. Leech G. *Principles of Pragmatics*. Ch. 6: A survey of the interpersonal rhetoric. London, New York, 1983. 250 p.
16. Webster's Third New International Dictionary. Merriam-Webster Inc., Publishers springfield, Massachusetts, U.S.A., 1993. 2662 p.

СПИСОК ІЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛА

1. Baldacci D. *Split Second*. Warner Vision Books, New York Boston, 2004. 496 p.
2. Bartel C. *A Woman Like That*. Parragon, 1985. 477 p.
3. Cornwell P. *Isle of dogs*. A Time Warner Paperback, 2002. 532 p.
4. Christie A. *Selected stories*. Moscow: Progress Publishers, 1976. 333 p.
5. Grisham J. *Bleachers*. A Dell Book, 2003. 229 p.
6. Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. M.: Progress Publishers, 1968. 246 p.
7. Pearson R. *Hard Fall*. Hyperion: New York, 1992. 402 p.
8. Perry Th. *Blood Money*. Ballantine Books. New York, 1999. 371 p.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie* [Types of language meanings. Evaluation. Event]. Fakt. M.: Nauka. (In Russ.).
2. Bigunova, N. A. (2013). *Rechevye akty pokhvaly i komplimenta kak obekty lingvisticheskogo analiza* [Speech acts of praise and compliment as objects of linguistic analysis]. In *Mova*. N 19. Pp. 33-37. (In Russ.).
3. Volf, E. M. (1985). *Funktionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. M.: Nauka. (In Russ.).
4. Kishko, S. N. (2007). *Moderatsiya v svete teorii vyskazyvaniya* [Moderation from the

point of view of utterance]. In *Visnik Kharkivskogo natsionalnogo universitetu imeni V. N. Karazina*. N 537. Pp. 51-54. (In Russ.).

5. Kishko, S. N. (2011). K probleme polozhitelno-otsenochного vyskazyvaniya (na materiale angloyazychnogo khudozhestvennogo diskursa) [To the problem of positively evaluated utterance on the basis of English fiction discourse]. In *Naukovyy visnyk Volynskogo natsionalnogo universitetu im. Lesi Ukraynky. Filologichni nauku. Movoznavstvo*. Lutsk. Vyp. 4. Pp. 36-39. (In Russ.).

6. Klochko, L. I. (2001). Pokhvala v ryadu rodstvennykh rechevykh aktov v angliyskom yazyke [Praise among similar speech acts in English]. In *Visnik Kharkivskogo natsionalnogo universitetu imeni V. N. Karazina*. N 537. Pp. 47-57. (In Russ.).

7. Mishchenko, V. Ya. (1997). Klassifikatsiya rechevykh aktov komplimenta [Classification of speech acts of compliment]. In *Visnik Kharkivskogo natsionalnogo universitetu imeni V. N. Karazina*. N 390. Pp. 107-111. (In Russ.).

8. Searle, Jh. (1986). Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. M.: Progress. Vyp. 17. Pp. 170-194.

9. Shevchenko, I. S. (2001). Pragmaticheskie proyavleniya Ya-kontseptsii govoryashchego v diskurse [Pragmatic expression of the speaker's 'I'-concept in discourse]. In *Visnik Kharkivskogo natsionalnogo universitetu imeni V. N. Karazina*. N 537. Pp. 11-16.

10. Brown, P. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Univ. Press.

11. Caffi, C. (1999). On mitigation. In *Journal of Pragmatics*. Vol. 31. Pp. 881-909.

12. Fraser, B. (1980). Conversational mitigation. In *Journal of Pragmatics*. N 4. Pp. 341-350.

13. Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. In *Syntax and Semantics*. New York. Vol. 3. Pp. 41-58.

14. Holmes, J. (1984). Modifying illocutionary force. In *Journal of Pragmatics*. Vol. 8. Pp. 345-365.

15. Leech, G. (1983). *Principles of Pragmatics. Ch. 6: A survey of the interpersonal rhetoric*. London, New York.

16. *Webster's Third New International Dictionary*. Merriam-Webster Inc., Publishers springfield, Massachusetts, U.S.A., 1993.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Baldacci, D. (2004). *Split Second*. Vision Books, New York Boston.

2. Bartel, C. (1985). *A Woman Like That*. Parragon.

3. Cornwell, P. (2002). *Isle of dogs*. A Time Warner Paperback.

4. Christie, A. (1976). *Selected stories*. Moscow: Progress Publishers.

5. Grisham, J. (2003). *Bleachers*. A Dell Book.

6. Salinger, J. D. (1968). *The Catcher in the Rye*. M.: Progress Publishers.

7. Pearson, R. (1992). *Hard Fall*. Hyperion: New York.

8. Perry, Th. (1999). *Blood Money*. Ballantine Books.

Кишко Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: zolotar66@rambler.ru) Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kishko Svetlana N. – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology (e-mail: zolotar66@rambler.ru) State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 19 сентября 2017 г.

УДК 821. 112. 2-94.09 “19”

© 2017 Н. В. Скляр

КОНЦЕПТОСФЕРА АВТОБИОГРАФИИ С. ЦВЕЙГА «ВЧЕРАШНИЙ МИР» КАК ТРАНСЛЯЦИЯ АВТОРСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В статье представлены результаты изучения концептуальной организации немецкого автобиографического произведения середины XX века на примере автобиографии австрийского писателя Стефана Цвейга «Вчерашний мир». Сформирован круг базовых концептов, которые составляют концептосферу автобиографического текста и реализовывают языковую личность автора. Концепт рассматривается как элемент авторской языковой картины мира.

Ключевые слова: автобиография, концепт, концептосфера, художественный мир автора.

© 2017 N. V. Sklyar

SPHERE OF CONCEPTS OF STEFAN ZWEIG'S AUTOBIOGRAPHY «THE WORLD OF YESTERDAY» RENDERING THE AUTHOR'S WORLD OUTLOOK

The study focuses on the results of the research of the conceptual organization of German autobiographies of the middle of XX century based on the autobiography “The World of yesterday” by the Austrian writer Stefan Zweig. The article presents the circle of basic concepts, which make up the sphere of concepts of the autobiographical texts and manifest the linguistic personality of the author. The concept is considered as an element of the author's linguistic model of the world.

Key words: autobiography, concept, sphere of concepts, artistic world of author.

Исследование разных аспектов современной личности активно продолжается во многих филологических направлениях, будь то теория языка или литературоведение. Эту мысль подтверждают и множество работ лингвистического характера, направленных на изучение особенностей языка индивидуума, и исследования в области литературы, в которых на сегодняшний день преобладают антропоцентрические тенденции. В этом контексте изучение индивидуальных языковых средств в автобиографическом тексте становится весьма актуальным вопросом, так как специфика языковой картины мира произведения, где герой является сам автор, позволяет более конкретно и глубоко представить авторское восприятие мира и подробно раскрыть языковую личность того или иного автора.

Особое внимание при изучении авторской языковой картины мира уделяется также концепту как одному из составляющих ее компонентов. Различным аспектам функционирования концептов посвящены работы Д. Лихачева, В. Масловой, З. Хачмафовой, З. Попова, В. Красных, С. Гузиековой.

В качестве материала исследования чаще всего внимание уделяется анализу индивидуально-авторской концептосферы личностей, которые не просто владеют всем богатством языка, но и передают через свои тексты своеобразие культуры народа, к которому они принадлежат, которые создали «знаковые» произведения и тем самым способствовали духовному развитию общества, которые по-своему видели окружающую их действительность и пытались передать свои идеи и видения потомкам. Писатель Стефан Цвейг является ярким представителем своей эпохи, обогатившим мировую литературу несомненными шедеврами художественных и биографических произведений, ставший новатором в немецкой новеллистике. Интерес и читателей, и исследователей вызывают его художественные и биографические работы.

Изучению текстов художественных произведений С. Цвейга – новелл, романов – в различных аспектах, в том числе, и на предмет определения места и роли в них того или иного концепта, посвящены работы многих исследователей (Н. Красавский, Ш. Мусаева). Однако, изучение именно концептосферы автобиографического текста может дать более широкое представление об идиостиле автора, о его языковой личности и языковой картине мира. С такой точки зрения автобиография С. Цвейга еще не была изучена ранее, что, несомненно, и составляет актуальность заявленной темы.

В предлагаемой статье предпринята попытка моделирования индивидуально-авторской концептосферы автобиографии С. Цвейга «Вчерашний мир» путем выявления базовых концептов и рассмотрения их места и функции в художественном мире автора. Подобное изучение позволяет раскрыть своеобразие авторского мировоззрения.

Для художественного концепта характерна субъективность и особая индивидуальность. Как утверждают ученые, наличие большей развернутости ассоциативных связей является значительным потенциалом в формировании новых смыслов. В своей совокупности эти концепты образуют индивидуально-авторскую концептосферу, отражающую авторскую картину мира. Концептосфера художественного текста отражает художественную картину мира определенного автора [Воркачев, 2002: 3].

В рамках автобиографии языковая картина мира самого произведения и языковая личность автора находятся в неразрывной связи [Купер, 1995: 4]. Для описания этого взаимодействия необходим инструментарий как лингвистических, так и литературоведческих методик. Изучение языковой картины мира автобиографического текста, равно как и языковой личности автора, будет неполным без рассмотрения концептов, которые актуализируются [Mlaus, 2008: 23].

Язык Стефана Цвейга в его художественных произведениях отличается языковой выразительностью, своеобразными образами, он насыщен яркими фигурами речи, автобиография «Вчерашний мир» не стала исключением. Это произведение С. Цвейга принадлежит к художественно-документальному жанру и считается автобиографией с элементами мемуаров. С. Затонский так рассуждает о его жанре: «можно ли назвать «Вчерашний мир» автобиографией? Скорее, это биография эпохи, подобно гётевской «Поэзии и правде». Как и Гёте, Цвейг стоит, конечно, в центре своего повествования, но не он главное. Автор связующая нить, носитель определенного знания и опыта, некто, не исповедующийся, а рассказывающий о том, что наблюдал, с чем соприкасался. Словом, «Вчерашний мир» – это мемуары, но и нечто большее, ибо на них лежит явственный отпечаток личности автора, всемирно известного писателя. Она видна в оценках, даваемых людям, событиям и прежде всего эпохе в целом. Еще точнее: двум сравниваемым и противопоставляемым эпохам – рубежу прошлого и нынешнего столетия, с одной стороны, и временам, в которые книга писалась, – с другой» [Затонский: 2]. «Вчерашний мир» является своеобразным итогом жизни выдающегося австрийского писателя, передающим общечеловеческую и личную трагедию – жизнь в период двух мировых войн, которые отняли у него Родину, разрушили его жизнь, его Мир.

Уже начиная с заглавия произведения, «мир» становится ключевым словом-репрезентантом, которое «прорастает» через весь текст, выступает базовым концептом, влияет на значение других концептов, участвует в построении сюжета и подтеме, передает идею всего произведения. Кроме основных деталей биографии автора текст передает его внутренние переживания и его особое отношение к окружающей действительности – веру в гармоничный и справедливый мир, отрицание войны. Композиция произведения строится на противопоставлении событий мирной жизни героя и во время двух мировых войн. Художественно и вместе с тем документально передается замена демократического устройства общества фашистской диктатурой, которая сделала из героя борца-пацифиста, с одной стороны, и которую он не смог пережить, с другой. Конечно же, сюжетные перипетии и мировоззренческие позиции передаются с помощью индивидуального языкового стиля автора.

Изучая текст автобиографии, мы определили ряд тем, в которых выделили ключевые концепты. Раскрытие того смысла, который вкладывает в них автор, помогает понять индивидуально-авторское осмысление затронутых тем и индивидуально-авторскую картину мира.

Среди основных концептов, формирующих концептосферу произведения, можно выделить «Welt», «Friede», «Krieg», «Gestern», «Heute», «Gewinn», «Heimat».

Мы рассмотрим самые ключевые из них и определим их индивидуально-речевой и когнитивный уровень в языковой картине мира автора. В качестве базового концепта в автобиографии выделяется концепт «Welt» – «Мир». Его семантическое поле раскрывается при описании минувших событий, которые выражаются различными лексическими единицами и структурами: *die Welt von gestern* ‘вчерашний мир’, *die letzte Welt* ‘прошлый мир’, *verlorene Welt* ‘потерянный мир’, *die Welt der Sicherheit* ‘мир надежности’, *die Strebung nach einer der Besten aller Welten* ‘стремление к лучшему из миров’. Концепт «Welt» реализует представление автора о разных этапах его жизни, причем он не разделяет свою судьбу и судьбу его родной страны. Например, «*die Welt, in der ich aufgewachsen bin, und die von heute und die zwischen beiden sondern sich immer mehr für mein Gefühl zu völlig verschiedenen Welten*» [Zweig] ‘Мир, в котором я вырос, и сегодняшний мир, и мир, существующий между ними, обособляются в моем сознании; это совершенно различные миры’. Содержание концепта «Welt» демонстрирует отрицательную и положительную эмотивно-оценочную коннотацию одновременно при описании настоящей и прошлой жизни соответственно, метафорично дифференцирует прошлое и настоящее, жизненную линию, разделенную войнами.

Часто концепт «Мир» выражается через метафору как способ художественной экспликации, например, *die Welt der Sicherheit* ‘Мир надежности’. Так автор называет одну из глав и использует здесь концепт «Мир» для описания стабильности прошлой жизни, разрушенной войной, передает свое видение прошлого. Таким образом, «*die Welt der Sicherheit*» снабжается личностным значением, ведь автор реализует здесь свое личное видение прошлой жизни и как раз ее «зашифровывает» с помощью данной концептуальной метафоры. В данном примере концепт «Мир» характеризуется собственной субъективностью и индивидуальностью, «Мир надежности» становится также символом, олицетворением старой Австрии.

С. Цвейг философски осмысливает категорию времени и истории, характеризует историческое развитие периода, в который прошла его молодость, как прогресс, стремление к лучшему, к «лучшему миру»: «*Das neunzehnte Jahrhundert war in seinem liberalistischen Idealismus ehrlich überzeugt, auf dem geraden und unfehlbaren Weg zur «besten aller Welten» zu sein*» [Zweig] ‘Девятнадцатое столетие в своем либеральном идеализме

было искренне убеждено, что находится на прямом и верном пути к «лучшему из миров»'. Концептуально представлен скрытый образ исторического движения и развития общества.

Текст рассматриваемой автобиографии подтверждает тот факт, что ключевой особенностью системы концептов каждого языка является их конкуренция или сравнения: «Эксплицитно или имплицитно концепт – всегда объект сопоставительного анализа – предполагает сравнение. Среди прочего, эта конкуренция порождает такое стилистическое явление, как антитеза, где часто противопоставляются концепты в рамках так называемой диалектической антитезы, основанной на взаимосвязи полярных признаков положенных в основу стилистической фигуры» [Демьянков, 1997: 37]. Иначе говоря, каждый концепт может иметь диалектическое строение, своеобразные полюса «верха» и «низа», позитива и негатива, которые взаимодействуют между собой в рамках единой лингвокультуры.

В этом смысле интересным примером и явлением для анализа становится часто употребляемое в автобиографии «Вчерашний мир» сопоставление концептов «Krieg» – «Welt» 'война – мир, вселенная' и «Krieg» – «Friede» 'война – мир, спокойствие, отсутствие войны'.

Противопоставление становится возможным на основе воспроизведения негативно и позитивно маркированных оттенков этой оппозиции. Когда в своем произведении С. Цвейг рассказывает, как мечтал о единстве мира (концепт «Welt»), единстве Европы, он подчеркивает, что эта надежда привела его к отрицанию мировой войны. Первую оппозицию встречаем в примере: «*Denn wir glaubten – und die ganze Welt damals mit uns –, mit diesem Kriege sei ›der‹ Krieg für alle Zeiten erledigt, die Bestie gezähmt oder gar getötet, die unsere Welt verheert*» [Zweig] 'Ибо мы верили – и весь мир тогда был с нами, – что с этой войной пришел конец «всем войнам вообще»: хищник, который опустошает наш мир, усмирен и даже уничтожен'. На каждой странице автобиографии подчеркнуто, что главная потеря Европы – это потеря мира («Friede»), развязывание войны («Krieg»). «... nach dem Krieg noch nie war so viel Gläubigkeit in Europa wie in den ersten Tagen des Friedens» [Zweig] '... после войны еще никогда в Европе не было столько доверия, как в первые дни мира'. Таким образом, оппозиция концептов «Война» – «Мир» становится возможной даже в рамках одной фразы. Концептуальная композиция раскрывает категориальные характеристики знаний автора о конкретных фрагментах мира, в данном случае она отражает исторические события и отношение к ним как самого автора, так и современного ему общества.

Смысл понятия «Война» энциклопедия Дж. Купера трактует так: «Символ разъединения и воссоединения, устранения беспорядка и установления порядка из хаоса, конфликта между добром и злом, духовной битвы между добром и злом в природе человека» [Купер, 1995: 42]. Изучение этого концепта во «Вчерашнем мире» раскрывает те многочисленные дополнительные смыслы, которые вкладывает в него автор. И хотя они не противоречат этому стандартному пониманию, С. Цвейг с помощью этого концепта передает описание конца старой жизни его страны и разрушение его собственной, а главное, война – это ужас и деградация: «*Die Generation von 1939 aber kannte den Krieg. Sie täuschte sich nicht mehr. Sie wußte, daß er nicht romantisch war, sondern barbarisch. Sie wußte, daß er Jahre und Jahre dauern würde, unersetzliche Spanne des Lebens. Sie wußte, daß man nicht mit Eichenlaub und bunten Bändern geschmückt dem Feind entgegenstürmte, sondern verlaust und halb verdurstet wochenlang in Gräben und Quartieren lungerte, daß man zerschmettert und verstümmelt wurde aus der Ferne, ohne dem Gegner je ins Auge gesehen zu haben*» [Zweig] ‘А поколение 1939 года с войной было уже знакомо. Оно уже не обманывалось. Оно знало, что война – это не романтика, а варварство. Что длится она годы и годы, это непоправимое зло жизни. Оно знало, что не с разряженными дубовыми венками и пестрыми лентами они устремятся в атаку на врага, а неделями будут прозябать в окопах или казармах, что могут быть разорваны и изувечены на расстоянии, ни разу не глянув врагу в глаза’. Данный пример указывает на то, что актуализация концепта «Krieg» детерминирована уже самой идеей автобиографии, концепт передает авторское видение всех негативных сторон войны, раскрывает ее неоднозначность в понимании разных поколений и подчеркивает однозначность ее восприятия самим автором.

Часто речевым воплощением концепта «Krieg» также становится метафора. Обратимся к тексту автобиографии: «*Krieg ist immer Gefängnis*» [Zweig] ‘Война – всегда тюрьма’. Или еще один пример: «*Ich atmete auf: der Krieg war begraben. Der Krieg war vorüber. <...> Der Kampf hatte sich in Wirklichkeit nur verschoben, vom Nationalen ins Soziale...*» [Zweig] ‘Я вздохнул: война была похоронена. Война миновала. <...> На самом же деле война лишь переместилась из сферы национальной в социальную ...’. Так, метафора выполняет здесь когнитивную, художественно-эстетическую и экспрессивную функции. Причина употребления метафоры видится в стремлении автора всесторонне описать негативные стороны войны, ее трагедию, что создает также высокую психологическую напряженность сюжета произведения. На уровне восприятия передается также сложный эмоциональный мир главного героя.

Общекультурный смысл, закрепленный за понятием «Krieg», Цвейг интерпретирует с точки зрения своего жизненного опыта. Как человек, переживший уже военные действия Первой мировой войны и стоящий перед лицом Второй мировой, он наделяет понятие «война» своеобразной точкой отчета, мерилom, которое разделяет, делит или останавливает человеческую жизнь: *«Es war wieder Krieg, ein Krieg, furchtbarer und weitausgreifender als je zuvor ein Krieg auf Erden gewesen. Abermals war eine Zeit zu Ende, abermals begann eine neue Zeit»* [Zweig] ‘Это снова была война, более ужасная и разгорающаяся все шире, чем любая из бывших когда-либо на земле. Опять кончалась одна эпоха, опять начиналась другая’. Данный концепт помогает раскрыть сущность личности автора, точнее его жизненный опыт. Можно утверждать, что военные события оказали большое влияние на формирование его мировоззрения, концепт «Krieg» стал наиболее частотным среди всех концептов, которые мы выделили как базовые. Автор вновь и вновь рассуждает о разрушительной силе войны, именно она уничтожила жизнь старшего поколения и молодость детей. «Война» становится границей между стабильной, беззаботной жизнью до войны и ее разрушением с началом войны.

Еще одной функцией концепта «Krieg» является раскрытие мысли главного героя о том, что война имеет пагубное влияние на физическое, духовное, нравственное развитие человека. В автобиографическом тексте концепт «Krieg» во-первых, раскрывает период в жизни отдельной личности и социума, выделяется на уровне событий, является их началом и причиной, во-вторых, передает особенности авторского восприятия этого исторического события.

Автобиографический текст Стефана Цвейга не содержит описаний или рассказов о военных действиях, он повествует о событиях войны, которые произвели неизгладимое впечатление на эмоциональное состояние или на жизнь рассказчика. Через реализацию концепта «Krieg» следующий пример показывает высокое развитие общества и его негативное отношение к историческим событиям прошлых столетий, особенно к войне и ее последствиям. *«Mit Verachtung blickte man auf die früheren Epochen mit ihren Kriegen, Hungersnöten und Revolten herab als auf eine Zeit, da die Menschheit eben noch unmündig und nicht genug aufgeklärt gewesen»* [Zweig] ‘Презрительно и свысока взирало оно (девятнадцатое столетие) на прежние эпохи с их войнами, голодом и смутами как на время, когда человечество было еще несовершеннолетним и недостаточно просвещенным’. Подобные эпические рассуждения выделяются также на эмоциональном уровне автобиографии, и выражают сильные душевные переживания, вызванные военными событиями. Особую нишу занимает описание молодости героя до войны

и в ее начале. Именно этот сильный фактор повлиял на жизненные события и вызвал душевную травму героя. Здесь его образ становится собирательным, подчеркивается, что он является одним из многих тысяч обездоленных войной.

Концепт «Krieg» стал информационной лакуной, передающей единство автора со своим народом в трудные годы, сюжетной цепью, которая показывает общий факт в судьбе каждого человека, которого коснулась война.

Таким образом, реализация концепта «Krieg» играет особую роль в раскрытии образа главного героя. Художественный мир автора в автобиографии «Вчерашний мир» выражается через противопоставление жизни до и после войны, именно описывается первый день войны, выбирается особый лексический диапазон. В данном автобиографическом тексте война является, во-первых, периодом в жизни героя и социума, выделяется на уровне эмоций и событий; их началом и причиной; во-вторых, особым временным пунктом, который значительно повлиял на внутренний мир рассказчика. Часто война становится ключом для анализа авторской биографии, выстраивает шаблон поведения, и, как следствие, маркирует в автобиографии идентичность героя-автора-рассказчика.

В произведении С. Цвейга усилением противопоставления войны и мира становится также бинарное видение образов Gestern и Heute ‘Вчера – Сегодня’, которые для поколения писателя стали не просто обозначением временных отрезков прошлого и настоящего, а получили этнокультурное значение, выражая прошлую и настоящую жизнь, поэтому, по нашему мнению, их также можно рассматривать как авторские концепты. Рассмотрим следующие примеры: *«So verschieden ist mein Heute von jedem meiner Gestern, meine Aufstiege und meine Abstürze, daß mich manchmal dünkt, ich hätte nicht bloß eine, sondern mehrere, völlig voneinander verschiedene Existenzen gelebt. Denn es geschieht mir oft, dass, wenn ich achtlos erwähne: »Mein Leben«, ich mich unwillkürlich frage: »Welches Leben?« Das vor dem Weltkrieg, das vor dem ersten oder das vor dem zweiten oder das Leben von heute?»* [Zweig] ‘Столь мое Сегодня отличается от любого из моих Вчера, мои взлеты от моих падений, что иногда мне кажется, будто я прожил не одну, а несколько жизней, не похожих друг на друга. Поэтому каждый раз, когда я опрометчиво говорю: »Моя жизнь«, я невольно спрашиваю себя: »Какая жизнь?« Та, что была до Первой мировой войны, или та, что была до Второй, или настоящая?’ Чтобы подчеркнуть трагизм войны и счастье мира, автор использует приемы контрастного противопоставления позитива и негатива.

Сравнение происходит на параллельном уровне. Автор рассуждает, что дало лично ему Вчера и что он сам получает от Сегодня, при этом сопоставляет исторические события прошлого и настоящего: *«Ich allein bin Zeitgenosse der beiden größten Kriege der Menschheit gewesen und habe sogar jeden erlebt auf einer anderen Front, den einen auf der deutschen, den anderen auf der antideutschen. Ich habe im Vorkrieg die höchste Stufe und Form individueller Freiheit und nachdem ihren tiefsten Stand seit Hunderten Jahren gekannt, ich bin gefeiert gewesen und geächtet, frei und unfrei, reich und arm. Alle die fahlen Rosse der Apokalypse sind durch mein Leben gestürmt, Revolution und Hungersnot, Geldentwertung und Terror, Epidemien und Emigration; ich habe die großen Massenideologien unter meinen Augen wachsen und sich ausbreiten sehen, den Faschismus in Italien, den Nationalsozialismus in Deutschland, den Bolschewismus in Russland und vor allem jene Erzpest, den Nationalismus, der die Blüte unserer europäischen Kultur vergiftet hat»* [Zweig] ‘Один только я был очевидцем двух величайших войн человечества и встретил каждую из них на разных фронтах: одну – на германском, другую – на антигерманском. До войны я узнал высшую степень индивидуальной свободы, а затем – самую низшую за несколько сотен лет, меня превозносили и клеймили, я был свободным и подневольным, богатым и бедным. Все бледные кони Апокалипсиса пролетели сквозь мою жизнь – революция и голод, инфляция и террор, эпидемия и эмиграция; на моих глазах выросли и распространились такие массовые идеологии, как фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, большевизм в России и прежде всего эта смертельная чума – национализм, он уничтожил расцвет нашей европейской культуры’. Внутренне концепты Вчера и Сегодня усиливаются антонимическим описанием прошлой и настоящей жизни, войны и мира.

Во внутренней структуре указанных концептов отправным пунктом повествования является одно и то же явление или событие и их описание дается с точки зрения прошлого и настоящего. После описания этого явления с использованием поэтической лексики, с примерами, с размышлениями автора о прошлом начинается рассказ об этом явлении в современной для писателя жизни. Среди оппозиционно направленных понятий, характеризующих авторское Вчера и Сегодня, самыми яркими являются: упорядоченный мир без суеты – спешка; надежная жизни молодежи тогда – низкое развитие молодежи теперь; доброжелательность – агрессия; преданность искусству и легкая творческая жизнь поэтов до Первой мировой войны – ее обремененность ужасами войны, социальными проблемами, фронт – тыл, Европа – Америка.

Анализ индивидуально-авторских концептов открывает их особое содержание и позволяет раскрыть те дополнительные смыслы, которые вкладывает в них автор. Итак,

как для языковой, так и для сюжетной структуры «Вчерашнего мира» характерно введение комплекса антонимичных концептов, понятий и наблюдений. Контрастно могут быть представлены рассуждения, события, любые образы. Рамки данной статьи обусловили упоминание лишь небольшого количества концептов, которые сформировали концептосферу указанного автобиографического текста.

Ключевыми в автобиографии стали концепты «Welt», «Friede», «Krieg», «Gestern», «Heute», тематически и семантически они близки друг другу. Особая роль рассмотренных концептов в автобиографии С. Цвейга заключается в том, что они служат средством передачи особого видения автором современного ему мира и беды, которая охватила его Родину. Художественные концепты Стефана Цвейга передают специфику художественного мира автора и становятся средством выражения мировоззрения писателя. Выделенные концепты передают личностные доминанты, именно их рассмотрение позволило понять те коды, которые зашифрованы в художественной картине автора, их интерпретация дает понимание авторского мира. Так, на когнитивном уровне концепты «Мир», «Война», «Вчера», «Сегодня» дают видение автором главных процессов, происходящих в современном ему обществе, с одной стороны, и раскрывают главные проблемы и темы, которые его волновали. Они же раскрыли авторские ценности и представления, позволили понять авторский опыт и речевой стиль. Концепты заключают в себе позитивное восприятие прошлого и раскрывают негативные моменты современной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: КубГТУ, 2002. 142 с.
2. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика: Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с .
3. Затонский Д. В. Стефан Цвейг – вчерашний и сегодняшний. Доступ: <http://tululu.ru/read77079/>. (дата обращения: 23.03.17).
4. Купер Дж. Энциклопедия символов. Москва: Золотой век, 1995. 397 с .
5. Палеева Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск, 2010. Вып 2(8). С. 1-5.
6. Mlaus H. Konzept und Kulturgedächtnis. Berlin, 2008. 89 s .
7. Zweig St. Die Welt von Gestern. Available at: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-welt-von-gestern-6858/2>. (accessed: 29.07.2017).

REFERENCES

1. Vorkachev, S. G. (2002). *Kontsept schastyia v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza* [Concept happiness in the Russian language consciousness:

the experience of linguistic and cultural analysis]. Krasnodar: KubGTU. (In Russ.).

2. Demyankov, V. Z., Kubryakova, E. S. (1996). *Kognitivnaya Lingvistika: Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [The cognitive linguistics: a brief dictionary of cognitive terms]. Moskva: Philologicheskiy fakultet MGU imeni M.V. Lomonosova. (In Russ.).

3. Zatonskiy, D. V. *Stefan Tsveyg – vcherashniy i segodnyashniy* [Stefan Zweig – yesterday and today]. Available at: <http://tululu.ru/read77079/>. (accessed: 23.03.09). (In Russ.).

4. Kuper, J. (1995). *Entsiklopediya simvolov* [The encyclopedia of symbols]. Moskva: Zolotoz vek. (In Russ.).

5. Paleeva, E. V. (2010). Kontseptualnyy analiz kak metod lingvisticheskikh issledovaniy [The conceptual analysis as the method of linguistic researches]. In *Theoriya yasyka i mezhkulturnoy kommunikatsii*. Vyp. 2(8). Pp. 1-5. (In Russ.).

6. Mlaus, H. (2008). *Konzept und Kulturgedächtnis*. Berlin.

7. Zweig, St. *Die Welt von Gestern*. Available at: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-welt-von-gestern-6858/2>. (accessed: 29.07.2017).

Скляр Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии (e-mail: natalieskljar@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» 82001, Луганск, Оборонная, 2

Sklyar Natalya V. – Candidate of Philology, Associate Professor of Romance and Germanic Philology Department (e-mail: natalieskljar@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Lugansk National Taras Shevchenko University» 2 Oboronnaya, Lugansk, 82001

Поступила в редакцию 5 сентября 2017 г.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена рассмотрению понятия гендер в ономастических исследованиях. В статье описываются особенности реализации гендерных взаимоотношений на социальном и биологическом уровнях, определяются отличительные черты функционирования гендера как составной части внутренней формы антропонимов. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту исследования антропонимики.

Ключевые слова: гендер, ономастика, антропонимика, антропоним.

PECULIARITIES OF GENDER REPRESENTATION IN ONOMASTICS STUDIES

The paper deals with the analysis of the phenomenon of gender based on the onomastics studies. The paper investigates the peculiarities of the realization of gender relations on both social and biological levels. The distinctive features of the gender functioning as a constituent part of the inner form of anthroponyms have been distinguished. A special focus of the article is the crosscultural aspect of the anthroponymic studies.

Key words: gender, onomastics, anthroponomy, anthroponym.

1. Введение

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей употребления понятия гендер в ономастических исследованиях. Антропонимика как раздел ономастики фокусируется на определении специфики функционирования антропонимов, предполагая также тесную корреляцию с основными базовыми характеристиками имен. Гендерная классификация антропонимических единиц определяет их социальную роль и особенности функционирования в речи или тексте.

Актуальность работы обусловлена изучением особенностей реализации гендерных типов на ономастическом материале. Такой ракурс позволяет определить роль имени в создании как мужских, так и женских ментальных образов.

Цель исследования заключается в выделении и анализе особенностей репрезентации гендера в антропонимической семантике и речи.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- изучить теоретические основы исследования понятия гендер;
- определить гендерные особенности английской антропонимической лексики.

Работы лингвистов в области гендерной ономастики позволяют классифицировать и описывать единицы согласно выделенным критериям, которые в своей сущности выражают полярную оппозицию биологических (мужское :: женское начала) и социальных (маскулинность :: фемининность) ролей в обществе, тем самым определяя гендер как одну из основных характеристик при анализе антропонимических единиц.

В ходе исследования приходим к выводу о том, что:

1. Гендер как социальное понятие возникло относительно недавно и на современном этапе представляет собой широкое поле для его изучения. Явление гендера присуще всем известным единицам и находит свое отражение в речи, ментальных образах и путем функционирования свойственных ему компонентов в художественных текстах.

2. Отличительная черта выражения гендерных особенностей в ономастике зависит от отношения говорящего к реципиенту и социальной обстановке в целом. Дериваты имен, образованные вследствие структурных трансформаций, могут относиться к обоим полам, что существенно затрудняет определение специфических качеств антропонимов, так, одни и те же морфологические показатели (суффиксы, окончания) могут принадлежать к разным половым категориям.

2. Лингвокогнитивный ракурс гендерных исследований

Социально и культурно значимые различия в поведении, обычаях и социализации в целом мужчин и женщин всегда фиксировались в научном описании, особенно в антропологии и этнографии. Однако идея о разграничении понятий биологического пола и пола социального (гендер) возникла лишь в период постмодернизма [Кирилина, 1999: 4].

В отличие от категории *sexus* гендерный статус и, соответственно, гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а создаются обществом (*doing gender*), предписываются социальными институтами и культурными обычаями. Основные положения гендерного концепта основаны на нескольких взаимосвязанных компонентах: культурные символы; нормативные утверждения для разнообразных интерпретаций этих символов; социальные институты и организации; а также самоидентификация личности.

Категорию *gender* представили в научный понятийный аппарат в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. и она в скором времени была воспринята в лингвистике, явившись продуктивной для прагматики и антропоориентированного описания в целом [Кирилина, 1999: 5].

Само понятие *гендер (gender)* было введено в научное описание для выделения границы между понятием *биологический пол (sexus)*, социальными и культурными

импликациями, осуществляемыми разделением ролей, культурных традиций в связи с полом людей. Термин *гендер* призван исключить биологический детерминизм, заключенный в понятии *sexus* и приписывающий социокультурные различия полов универсальным природным факторам [Кирилина, 1999: 17].

Гендерная концепция приводит к выводу о том, что фемининность и маскулинность выражают не только конкретные биологические признаки, но и социально и культурно обусловленные концепты, позволяющие рассматривать себя как полярную оппозицию, включающую как наличие или отсутствие определенного признака, так и категорию оценки [Кирилина, 1999: 17].

Изучение предмета или явления всегда опирается на некую парадигму, с позиций которой разворачивается определенная мировоззренческая направленность исследования. В сложном комплексе из когнитивной, социологической и культурологической направленностей исследований последних лет на передний план выдвигаются индивидуальные характеристики говорящего субъекта как важная составляющая изучения центральной лингвистической проблемы – человек в языке [Горошко, 2003: 1].

Правомерно считать, что лингвистическая традиция, которая основывается на факторе пола, происходит корнями из античности, когда началось осмысление категорий природного пола (*sexus*) и грамматического рода (*gender*). Однако верно и утверждение, что полоролевая традиция определения общественного сознания берет начало в древнекитайской философии в основных понятиях – *ян* и *инь*. Идея взаимодействия полярных сил «*инь*» – «*ян*» как основ мужского и женского начал в природе составляет основу учения о символах взаимосвязи крайних противоположностей [Гендер как интрига познания, 2000: 4].

Социолингвистическая модель функционирования языка и речи на современном этапе ее развития определяется как структура взаимообусловленных и взаимозависимых составляющих, связанных, с одной стороны, с физиологическими и нейропсихическими особенностями человека, а с другой стороны, с особенностями формирования индивидуального речевого кода под влиянием общественных и экономических факторов. Среди экстралингвистических факторов, которые влияют на индивидуальный характер речевого кода говорящего, в центре изучения находится физиологический и психический факторы дифференциации по принадлежности к полу [Гендер как интрига познания, 2000: 78].

«Женское движение» в США, выступающее против устоявшегося патриархата, способствовало увеличению интереса к научному осмыслению гендерной концепции и

распространению ее как средства политической борьбы. С конца 60-х гг. XX в. языкознание (США и Германия) ознаменовывается появлением нового направления – феминистской критики языка (феминистской лингвистики).

Феминистская лингвистика критиковала язык за его андроцентричность, т. е. ориентированность именно на мужчину. Язык обвиняется в сексизме – дискриминации, которой подвергаются женщины. Она выражается, с одной стороны, в превалировании мужских форм в языке, и вторичности женщин, с другой, преобладании в определениях женщин отрицательных оценок. Представительницы данного направления утверждают, что пол представляет собой предопределяющий фактор коммуникации. В основу феминистской теории была заложена гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа: язык структурирует и концентрирует мышление, поэтому сознание человека в значительной мере обуславливается спецификой языка [Кирилина, Томская, 2005].

3. Особенности реализации понятия гендера в антропонимике

Антропонимика как отдельный раздел ономастики нацелена на определение специфики функционирования имен в человеческой речи, где гендерные различия проявляются, прежде всего, в разграничении антропонимических единиц по признаку “masculine” (англ. ‘мужской’) и “feminine” (англ. ‘женский’).

Фактор биологического пола в языке зародился еще в античности, когда природная биологическая категория *sexus* соотносилась только с грамматической категорией *genus*, пребывая при этом единой идеей о причинах появления и функционировании в языке категории рода. Приверженцы данной символично-семантической гипотезы считали, что грамматический род появился под влиянием естественной данности – различия людей по признаку пола. Это мнение разделяли ученые, которые сыграли важную роль в становлении науки о языке (И. Гердер, Я. Гримм, В. Гумбольдт). При этом стоит отметить, что для толкования экстралингвистической мотивированности категории рода лингвисты применяли неязыковой опыт. Это привело к появлению оценочного класса в толковании этой категории: мужской род занял первое место из-за приписывания мужским именам семантики силы, активности, энергии. Женские имена, напротив, характеризовались большей пассивностью и подчиненностью. Так, грех в немецком сознании ассоциируется с женщиной (*die Sünde*). При этом жизненный опыт не ориентируется на то, что послужило определению рода слова – семантика, синтаксис или морфология. Подобная информация позволяет предположить, что грамматический род имени воздействует на восприятие человеком реального мира и стимулирует в сознании

фреймы, связанные с концептом биологического пола, и формирует положительные или отрицательные коннотации [Кирилина, 1999: 21-22].

Как и русский термин «род», английское понятие *gender* сначала имело довольно одностороннее восприятие и рассматривалось единственно в области грамматики. С присвоением ему дополнительного терминологического значения социокультурного пола и с развитием соответствующей составной части гуманитарного знания, стало возможным полагать, что осмысление лингвистического феномена с точки зрения гендера является важным на всех языковых уровнях и помогает в полной мере охарактеризовать семантику лексических единиц, охватывая как денотативное, так и коннотативное значения, и формируя общественные ассоциации, связанные с данным словом [Гендер: Язык, Культура, Коммуникация, 2003: 13].

Ономастические реалии, как и собственно антропонимические единицы, семантически представляют собой четкую оппозицию «мужской :: женский». В зависимости от особенностей исследуемого языка, гендерные характеристики могут проявляться путем изменений в аффиксах (суффиксальный способ – англ. *Charles* (m) – *Charlotte* (f) > *Karl* ‘мужчина’ + женский гипокористический суффикс *otte*) или сложения разных основ в сочетании с аффиксами (N + N + *ette*: англ. *George* (m) – *Georgette* (f) > *ge* ‘земля’ + *ergon* ‘работа’ + гипокористический суффикс *ette*).

Преобладающая мужественность изменяется в зависимости от культуры, однако мужественность, как и женственность, выступают динамическими, исторически изменчивыми концептами. Американский лингвист Б. Коннелл рассматривает понятие *культурной репрезентации*, говоря, что в силу различных подходов к интерпретации мужественности и женственности допустимы некоторые взаимозаменяемые варианты употребления этих понятий. По Б. Коннеллу, это может быть обусловлено тем, что мужественность, как и женственность – разнонаправленные концепты, формирующиеся из многих бинарных оппозиций, что и допускает проявление подобных явлений (Connell, 1993, p.600) [Кирилина, 1999: 34-35].

Эрзянский лингвист, профессор А. П. Рябов выявил закономерность, что пол как социокультурное понятие находит свое отражение в категориях «мужчина» и «женщина», в то время, как явление гендера – в терминах «мужественность» (мужское начало) и «женственность» (женское начало). Несмотря на подобное объяснение, эти понятия тесно сочетаются между собой, что и позволяет применять к ним положения, формируемые в работах Дж. Лакоффа: он утверждал, что развитие когнитивной лингвистики повлияло на осознание “человечности” языкового знака. Дж. Лакофф установил, что в языке находит

свое отражение категориальное мышление человека, основанное на ряде принципов. По мнению Дж. Лакоффа, «принцип мифа и поверья» может рассматриваться как особый случай выражения «принципа сферы опыта». Таким образом, такие плоды фольклора, как мифы и поверья, являются сферами опыта, имеющими первостепенное значение для категоризации. Согласно такому осмыслению категоризации, можно предположить, что категории познания человека формируются, когда человек осмысляет сам мир и свою роль в нем. Категоризация осуществляется, основываясь на опыте, а опыт человека, как материального вида, неразрывно связан с его телесной, вещественной деятельностью [Кирилина, 1999: 67].

Взгляд на женственность и мужественность в межличностном общении непременно предполагает также выполнение индивидами нормативных предписаний строго согласно типу поведения и занимаемому месту в обществе, что в первую очередь зависит от пола. Осознание роли позиций в обществе, рангов и функций является характерным для социальных контактов и неизменно находит свое отражение в процессе этих контактов. Не менее важным является также и то, что условленные стереотипы по отношению к мужчинам и женщинам находят яркое отражение в самой форме антропонима – структуре, семантике и особенностях популяризации имени. Таким образом, мы видим, что социальный пол, как гендер, становится привычным, обретает общеустановленные формы проявления, будучи неразрывной частью внешней формы и, что самое главное, не зависит от воли и намерений индивида [Кирилина, 1999: 6].

Наблюдения лингвистов соотносятся с предположением психологов, о том, что концепт «ego» у женщины менее детерминирован и затрагивает другие концепты с проявленными прототипическими чертами родства, пространственного и временного подобия. В то время, как у мужчин концепт «ego» имеет более жесткие пределы. При этом выявлено, что чем выше уровень образования, тем меньше проявляется различий в речи [Нурсеитова, 2008: 57]. Гендерные отношения закрепляются в языке в виде стереотипов, присущих определенной культуре, отпечатываясь на поведении, в том числе и речевом [Кирилина, 1999: 124]. Вероятно, поэтому считается, что гендерные особенности необходимо рассматривать в тесной корреляции со статусом, социальной группой, степенью образованности, ситуативным контекстом и т. д. [Кирилина, Томская, 2005: 8].

Гендерные отношения закрепляются в языке в виде стереотипов, присущих определенной культуре, отпечатываясь на поведении, в том числе и речевом, личности и на процессе ее социального формирования [Кирилина, 1999: 124]. Вероятно, поэтому считается, что гендерные особенности необходимо рассматривать в тесной корреляции со статусом,

социальной группой, степенью образованности, ситуативным контекстом и т. д. [Кирилина, Томская, 2005: 8]. Именно поэтому при исследовании ономастического материала важно различать социально-историческую и культурную составляющие, которые накладывают значительный отпечаток на значение и особенности имени или фамилии.

Гендерная составляющая в английской языковой картине мира определяется патриархальным строем общества, сложившимся на протяжении многих столетий, что отражается в иерархичности общества и в распределении социальных ролей членов этого общества. Здесь стоит понимать, что согласно христианской концепции познания мира, «мужское начало представляется доминантным, подчиняющим, женское – пассивным, подчиненным». Подобное восприятие мира воспроизводится писателями Викторианской эпохи в романах, где девушка подчинена, в основном, не естественным, а общественно-принятым законам существования. Что же касается дальнейшего периода развития общества, то устоявшийся социальный лад неоднократно нарушался процессами, связанными с выступлениями эмансипированных женщин, которых андроцентричный XIX век представлял ничем иным, как источником греха и деструкции [Мукова, 2011: 56].

В современной англоязычной лингвокультуре стереотипы мужественности и женственности имеют похожий набор признаков, где основной отличительной характеристикой являются демаскулинизация и дефеминизация. Гендерная нейтральность среди представителей мужского и женского пола может проявляться в новосозданных универсальных характеристиках, в уравнивании их ролей и статуса. Гендер также воспринимается как сложное сочетание психических процессов, социально-культурных стереотипов, созданных обществом и влияющих на поведение людей [Мукова, 2011: 57-58]. Подобным образом можно определить особенности имен, функционирующих в антропонимическом пространстве речи и художественного текста. Для примера возьмем распространенное в последние годы имя *Miranda* (*f*; от лат. *mirandus* ‘прекрасный’). Для неподготовленного реципиента данное имя покажется женским (им была наделена героиня пьесы «Буря» В. Шекспира), однако, этот антропоним также находит свое отражение в мужском варианте имени *Miranda* (*m*), функционируя в речи безморфемно, то есть имядатель не прибегает к осуществлению каких-либо изменений во внутренней форме антропонима.

Изменение идеалов мужественности и женственности в современной культуре обусловлено в большей мере естественным развитием общества. В сфере эмоций они содержат характеристики с разными знаками оценки – и позитивными, и негативными. Мужскими компонентами считаются рациональные доводы, хладнокровие; а женскими –

эмоциональность, чувствительность, ранимость, капризность [Мукова, 2011: 60-61]. Важно понимать, что данные признаки являются основными при детальном рассмотрении внутренней формы имени, ведь в нее изначально закладывается информация, присущая подавляющему большинству количества носителей.

Определено, что на современном этапе развития английского антропонимикона значительную часть его составляют дериваты, а не полные именные формы. Подобная тенденция обусловлена ничем иным как стремлением создать более неформальную обстановку и атмосферу общения, так как известно, что гипокористические формы имен зачастую коннотируют положительную оценку на морфологическом уровне в речи и на ментальном уровне в сознании людей [Сысоева, 2016: 139]. Так, например, намного приятнее звучит имя девушки *Isabella*, если оно будет произнесено *Bella* или *Bessie*, а мужское имя *Maximilian* в его краткой форме *Max* будет воспринято менее пафосно, но больше соответствовать сегодняшним реалиям и стилю жизни.

Известно, что из всех языковых уровней именно в лексической системе наиболее точно находит отражение менталитет народа. Вместе с тем, ввиду большей способности к преобразованию, в данном пласте языка чаще всего происходят изменения, связанные с гендерным реформированием языка. В целом, значительная часть лексики современного английского языка не представляется гендерно-нейтральной; оно во многом показывает качество положения и роль женщин и мужчин в обществе, языковые различия в сознании людей [Григорян, 2014: 84].

4. Выводы

Обзор литературы по гендерным различиям и их связи с антропонимикой и ономастикой в целом дает возможность определить закономерность, что на уровне языка имена собственные соотносятся только с понятием «принадлежность к проприальному полу». В то же время на уровне речи имена значительно расширяют свою семантику и наполненность внутренней формы за счет других содержательных компонентов, связанных системой ценностных языковых стереотипов английского языкового сообщества.

При исследовании особенностей воплощения гендерных различий при функционировании собственных имен важную роль играют имена, которые напрямую связаны со значением искомого общеупотребительного имени, ведь на историческом уровне антропонимические единицы в своем большинстве подвергались только таким трансформациям, как изменение основы слова или сочетание основ разных языков происхождения.

Выбор имени (для новорожденного, в сознательном возрасте или автором для создания образа персонажа) – это одна из попыток, когда люди начинают свое общение с обществом, понимая и осознавая последствия принимаемых решений. Решающее воздействие оказывает восприятие окружающего мира человеком и его положение в этом социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. 192 с.
2. Гендер: Язык, Культура, Коммуникация. М.: Изд-во МГЛУ, 2003. 128 с.
3. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. М., Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. 440 с.
4. Григорян А. А. К вопросу о гендерной маркированности английского языка // Женщина в российском обществе. 2014. С. 81-85. Доступ: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2014/06/Grigoryan_81_85.pdf. (дата обращения: 09.09.2017).
5. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1999. 155 с.
6. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки: Журнал для медленного чтения. 2005. № 2 (23). Доступ: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya>. (дата обращения: 09.09.2017).
7. Мукова М. Н. Стереотипизация маскулинности и фемининности в британской лингвокультуре. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2011. 199 с.
8. Нурсеитова Х. Х. Введение в гендерную лингвистику. Павлодар: Изд-во Павлодарского гос. ун-та им. С. Торайгырова, 2008. 701 с.
9. Сысоева Е. С. Оценочные антропонимы в английском языке и культуре. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 206 с.
10. Coates J. *Women, Men and Language: a sociolinguistic account of gender differences in language*. L., N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2013. 260 p.
11. Corbett G. G. *The expression of gender // The expression of cognitive categories.*– Berlin, Göttingen: Hubert & Co., 2014. Vol. 6. 233 p.
12. Lakoff R. T. *Language and woman's place*. Oxford: OUP, 2004. 309 p.

REFERENCES

1. *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as suspense of cognition]. M.: Rudomino, 2000. (In Russ).
2. *Gender: Yazyk, Kultura, Kommunikatsiya* [Gender: Language, Culture, Communication]. M.: Izd-vo Altaiskogo universiteta, 2003. (In Russ).
3. Goroshko, E. I. (2003). *Jazykovoje soznanie: gendernaja paradigma* [Language consciousness: gender paradigm]. M, Barnaul: Publishing house Altai University. (In Russ.)
4. Grigoryan, A. A. (2014). *K voprosu o gendernoy markirovannosti angliyskogo yazyka* [On marking gender distinctions in English]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. Pp. 81-85. Available at: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2014/06/Grigoryan_81_85.pdf. (accessed: 09.09.2017). (In Russ).
5. Kirilina, A. V. (1999). *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. M.: Izd-vo MGU. (In Russ.)
6. Kirilina, A. V., Tomskaya, M. V. (2005). *Lingvisticheskie gendernye issledovaniya* [Linguistic gender researches]. In *Otechestvennyye zapiski: Zhurnal dlya medlennogo chteniya*. N 2 (23). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya>. (accessed: 09.09.2017). (In Russ).

7. Mukova, M. N. (2011). *Stereotipizatsiya maskulinnosti i femininnosti v britanskoy lingvokulture* [Stereotypization of masculinity and femininity in British linguoculture]. Nalchik: Kabardino-Balkarskiy gos. un-t. (In Russ).

8. Nurseitova, Kh. Kh. (2008). *Vvedenie v gendernuyu lingvistiku* [Introduction in gender linguistics]. Pavlodar: Izd-vo Pavlodarskogo gos. un-ta im. S. Toraigyrova. (In Russ).

9. Sysoieva, Ye. S. (2016). *Otsenochnye antroponimy v angliyskom yazyke i kulture* [Evaluative anthroponyms in the English language and culture]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU. (In Russ).

10. Coates, J. (2013). *Women, Men and Language: a sociolinguistic account of gender differences in language*. L., N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group.

11. Corbett, G. G. (2014). *The expression of gender. The expression of cognitive categories*. Berlin, Göttingen: Hubert & Co, Vol. 6.

12. Lakoff, R. T. (2004). *Language and woman's place*. Oxford: OUP.

Сысоева Евгения Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: janemail2@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Sysoieva Yevgenia S. – Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: janemail2@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Чечина Ирина Васильевна – магистр кафедры английской филологии (e-mail: chechina_i.v@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Chechina Irina V. – Master of English Philology Department (e-mail: chechina_i.v@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 12 сентября 2017 г.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ГРАДУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ

В статье рассматриваются особенности кодирования культурной информации в английских ФЕ с градуальной семантикой. Материалом исследования послужили английские фразеологические единицы, в лексикографических толкованиях значений которых зафиксирован градуальный маркер. Анализ подтвердил широкое распространение антропоморфного, биоморфного и акционального культурных кодов при значительно меньшем объеме ФЕ с градуальной семантикой, относящихся к фетишному и анимическому кодам.

Ключевые слова: градуальность, градуальная семантика, фразеологическая единица, культурный код.

CULTURAL CODES IN THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS OF GRADUAL SEMANTICS

The article focuses on the peculiarities of encoding the cultural information in the English phraseological units of gradual semantics. The group of idioms under study comprises the units possessing gradual markers in their definitions. The analysis has shown the prevalence of the anthropomorphical, biomorphic and actional cultural codes, while the idioms referring to the object or natural codes are relatively sparse.

Key words: gradation, gradual semantics, phraseological unit, cultural code.

1. Вводные замечания. Градация отражает способность человеческого сознания соотносить и сравнивать объекты окружающей действительности. Основы лингвистической интерпретации этого явления были заложены в работе Э. Сепира, где градуирование было определено как «психологический процесс, предшествующий измерению и счету» [Сепир, 1985: 43]. В данном исследовании градуальность трактуется как одна из базовых (основных) категорий языка, т. е. категория, характеризующаяся наибольшим уровнем абстракции [Панасенко, 2009: 116], что позволяет рассматривать ее как одну из универсальных антропоцентрических категорий. Градуирование признака понимается как «способность [признака] изменяться (проявляться в той или иной мере, степени) и быть зафиксированным в определенный момент изменения» [Подуфалова, 2005: 22], что находит свое отражение на разных уровнях языка.

Английские фразеологические единицы (далее – ФЕ) с градуальной семантикой представляют собой систему фразеологических средств, отражающих окружающую действительность в ее мерительном аспекте. Н. Н. Горшкова определяет такие ФЕ как

устойчивые, воспроизводимые единицы, наделенные целостным значением, в структуре и семантике которых обязательно наличие градосемы [Горшкова, 2004: 56]. В исследуемых ФЕ градуальный смысл актуализируется с помощью градуатора, т.е. специального языкового средства, понижающего или повышающего степень проявления признака. К средствам, актуализирующим определенную степень проявления признака, относятся наречия меры и степени, степени сравнения прилагательных и наречий, показатели количества, например: *above board* ‘абсолютно честный, открытый, прямой’, (*completely honest and legal*), *actions speak louder than words* ‘дела громче слов’ (something that you say which means that what you do is *more important* than what you say), *be rolling in the aisles* ‘покатываться со смеху’ (*laughing a lot while watching or hearing something*).

Актуальность исследования обусловлена лингвокультурологическим аспектом изучения фразеологических единиц с градуальной семантикой, которые, с одной стороны, являются средством выражения универсальной категории градации, а с другой, отражают национальную специфику конкретного языка. Выявление специфики национальной картины мира находится в рамках современной тенденции к исследованию принципов организации и структуры человеческого опыта. По мнению О. Л. Бессоновой, «результат переработки информации об отражении окружающего мира в сознании человека фиксируется в картине мира, причем концептуальная и языковая картины мира находятся в сложных отношениях пересечения и наложения» [Бессонова, 2013: 78]. Особая роль фразеологических единиц в изучении языковой, а через нее и концептуальной картин мира обусловлена тем, что ФЕ передают отношение субъекта к реальным фактам, усиливают логическое и эмоциональное содержание, выражают интерпретацию и оценку окружающего мира [Трофимова, 2013: 148-149]. В. А. Маслова [Маслова, 2011: 38] рассматривает фразеологизм как текст, образующий двойную связь с культурой, через его «внутреннюю» и «внешнюю» формы.

Одним из способов изучения культурной информации в языке является выявление определенных культурных кодов. Широкое признание получило понимание кода культуры как “сетки”, «которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных 2002: 232]. В. В. Красных также подчеркивает, что культурные коды соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Схожее определение кода культуры предложили М. В. Пименова и В. В. Колесов. Согласно их мнению, код культуры – «это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это часть понятийной сетки, используя которую носитель языка категоризирует,

структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры; это таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего мира (физические и психические явления)» [Колесов, Пименова, 2011: 101].

Целью данного исследования является выявление особенностей актуализации культурной информации в английских ФЕ с градуальной семантикой. **Объектом** исследования послужили 3837 фразеологических единиц английского языка, в семантической структуре которых градуальный предикат был зафиксирован лексикографически. ФЕ были отобраны методом сплошной выборки из специализированных англоязычных словарей. **Предметом** изучения являются национально-специфические особенности культурного кодирования информации в английских ФЕ с градуальной семантикой.

2. Основные положения. Отобранные ФЕ вмещают в себя типичный для английской картины мира набор способов социальной практики, свод ценностей, т. е. выработанные людьми культурные коды, направленные на постижение мира. В современной лингвистике существует несколько подходов к классификации культурных кодов. В настоящем исследовании вслед за Г. В. Токаревым выделяется 5 основных кодов: антропоморфный (продуцирует понимание действительности в форме олицетворения), акциональный (продуцирует квазистереотипы, отражающие те или иные виды деятельности, придавая жизненным практикам особый статус в репрезентации феномена), биоморфный (актуализирует в сознании образы животных, птиц, насекомых, растений), фетишный (актуализирует в сознании образы неодушевлённых предметов, придавая им сверхъестественные свойства) и анимический (продуцирует матрицы внутренних форм, отражающих те или иные природные стихии) [Токарев, 2003: 90-120]. Рассмотрим подробнее особенности функционирования каждого из предложенных типов на материале английских ФЕ с градуальной семантикой.

2.1. Антропоцентрический культурный код наиболее широко представлен как в английском языке в целом, так и среди английских ФЕ с градуальной семантикой в частности. Передача характеристик человека, его мотиваций и реакций фразеологическими средствами естественным образом включает ссылки на те или иные части тела, являющиеся в понимании представителей носителя языка вместилищем или символом соответствующего чувства или действия. В наибольшей степени среди ФЕ с градуальной семантикой представлены компоненты *head* 'голова', *heart* 'сердце', *hand* 'рука' и *foot* 'нога'.

Голова отражает идею самосознания или самоощущения, понимается как вместилище личности и может обозначать человека в целом, например: *heads will roll* ‘многие будут уволены, «полетят головы»’, *the head honcho* ‘руководитель’, *head to head* ‘личная встреча (спорт), противоборство’. Данный компонент также актуализирует информацию об интеллектуальных способностях человека – *an old head on young shoulders* ‘умен не по годам’. *scratch your head* ‘ломать голову’, *have your head in the clouds* ‘плохо понимать реальную обстановку, витать в облаках’. Примечательно, что для ФЕ с градуальной семантикой характерно наличие этого компонента в единицах, выражающих пиковые эмоциональные состояния, например: *be head over heels in love* ‘влюбиться по уши, сходить по кому-то с ума’, *off your head* ‘безумный, не в себе’, *out of your head* ‘спятивший, шарики за ролики’. Неблагоприятные внешние условия или обстоятельства передаются через описание отклонения от естественного в представлении человека положения головы относительно тела – *turn something on its head* ‘превратно истолковать, перевернуть с ног на голову’.

Анализ ФЕ с градуальной семантикой показал, что сердце в английской картине мира представляется как вместилище человеческих добродетелей, таких как доброта (*be all heart* ‘быть сама доброта’), милосердие (*Have a heart!* ‘смилуйся, пощади’, *have heart of stone* ‘иметь черствое сердце’), сочувствие (*a bleeding heart* ‘чуткая личность, сострадательный человек’), привязанность (*near and dear to your heart* ‘дорог сердцу’), храбрость (*take heart* ‘набраться смелости’). ФЕ, содержащие данный компонент, часто передают отношение к человеку или предмету, основанное на эмоциональной реакции, например: *heart isn't in it* ‘сердце не лежит к чему-то’, *put your heart and soul into* ‘вкладывать душу’, *take something to heart* ‘принимать что-либо близко к сердцу’. Достаточно часто сердце представляется средоточием волнения и беспокойства – *your heart is in your mouth* ‘очень нервничать’, *heart skips a beat* ‘сердце замерло’, *cry your heart out* ‘выплакать все глаза’. Кроме того, сердце может актуализировать идею предела, абсолютной степени – *from the bottom of your heart* ‘от всей души; из глубины души, от всего сердца’, *to your heart's content* ‘всласть; сколько душе угодно’, *in your heart of hearts* ‘в глубине души’.

Рука во фразеологической картине мира представляется инструментом взаимодействия с окружающим миром, с помощью которого осуществляется контроль над неживыми объектами, например: *get out of hand* ‘стать неуправляемым’, *get your hands on* ‘заполучить, раздобыть’, *with your bare hands* ‘голыми руками’. Символическое выражение идеи управления неживыми объектами приобретает также более абстрактное значение и распространяется на трудовую деятельность *an old hand* ‘опытный человек’,

get your hands dirty ‘заняться чёрной работой’, *sit on your hands* ‘бездействовать, палец о палец не ударить’. Компонент *hand* также метафорически передает понятие власти или влияние на людей, в организации, *the hand that rocks the cradle* ‘женская власть, влияние’, *a heavy hand* ‘жесткий контроль’, *a steady hand on the tiller* ‘крепкая рука на штурвале’. В сфере личных отношений этот компонент служит также символом доверия, сотрудничества – *eating out the palm of your hand* ‘кормить с рук, есть с рук’, *hand in glove* ‘в приятельских отношениях, в тесном сотрудничестве’. Этот компонент символически представляет оказываемое содействие, поддержку – *give somebody a hand* ‘оказать помощь’, *all hands to the pumps* ‘все на помощь’ или физическую близость – *close at hand* ‘под боком, поблизости’.

В английской фразеологии компонент *нога* передает идею опоры и движения на разных уровнях абстракции. В первом случае, компонент актуализирует информацию о физическом состоянии (*dead on your feet* ‘полностью вымотаться, язык на плечо’) или эмоциональном переживании (*have cold feet* ‘смалодушничать, струсить’, *itchy feet* ‘чемоданное настроение’), служит для характеристики положения в обществе – *stand on your own feet* ‘быть самостоятельным, не нуждаться ни в чьей помощи’, *find your feet* ‘освоиться, стать на ноги’. Во втором случае, наличие компонента *foot* подразумевает активное участие в процессе, имеющее положительные или отрицательные последствия, например: *a foot in the door* ‘удачное начало бизнеса’, *put your best foot forward* ‘предстать в наилучшем свете’, *shoot yourself in the foot* ‘оказать себе медвежью услугу’.

Таким образом, антропоцентрический культурный код широко используется для фразеологической репрезентации характеристик человека (интеллектуальных, социальных), его физических и эмоциональных состояний, а также передачи особенностей его поведения и взаимодействия с окружающими.

2.2. Акциональный культурный код представлен в английских ФЕ с градуальной семантикой такими основными метафорами, как жизнь – игра, коллективная деятельность – мореплавание, деловые переговоры – война.

Зафиксировано несколько аспектов жизни, которые сравниваются с азартной игрой. Непредвиденные обстоятельства, возникающие в жизни, часто воспринимаются как проявления слепого случая, судьбы, представляемые с помощью образов игральных карт или костей, например: *the cards are stacked against* ‘плохие начальные условия, плохая карта’, *the dice are loaded against* ‘плохие шансы, низкая вероятность выигрыша’, *be on the cards* ‘быть вероятным; быть возможным’. Преимущества актуализируются в ФЕ через образ козыря, туза как старшей карты в колоде – *come up trumps* ‘не прогадать, успешно

справиться с задачей’, *hold all the aces* ‘держать всё под контролем, иметь на руках все козыри’, *ace in the hole* ‘скрытое преимущество’. С помощью образов, заимствованных из азартных игр (ставка, бросок игральные кости), также реализуется отношение к принятию рискованных решений – *high stakes* ‘высокий риск’, *be within the ace of* ‘на грани’, *dice with death* ‘играть со смертью; рисковать жизнью’. Ситуации успеха воспринимается как выигрыш в игре – *hit the jackpot* ‘преуспеть, сорвать куш’. Стратегии достижения цели и тактики поведения в большей степени представлены образами из спортивных командных игр, таких как баскетбол, футбол или бейсбол и в меньшей степени азартных – *keep your cards close to one’s chest* ‘держать карты при себе, не раскрывать намерения’, *lay your cards on the table* ‘рассказать о своих планах, выложить карты на стол’. Способы решения проблемы представляются как игровые стратегии (*a game plan* ‘план действий’), поведение человека в игре метафорически описывает его действия, направленные на решение проблемы, например: *drop the ball* ‘допустить грубую ошибку’, *the ball’s in your court* ‘карты в руки, право принятия решения’, *take the ball and run with it* ‘подхватить идею’. Специфика отношения к ситуации описывается через типичное поведение игрока – *on the ball* ‘готовый ко всему, активный’, *play your cards right* ‘правильно разыграть карту, верно использовать ресурсы’, *poker face* ‘каменное лицо’.

Коллективная деятельность подразумевает взаимодействие группы или нескольких групп людей в процессе достижения общей цели. Фе, передающие такие отношения, часто относятся к бизнес сфере, что объясняется значительной ролью согласованной работы в меняющихся условиях, характерной для бизнеса. Одним из основных символов, применяющихся для передачи этого аспекта жизни, является мореплавание, традиционное для Англии как морской державы. Сама компания представляется как плавательное средство (*run a tight ship* ‘продуманно и эффективно управлять предприятием’), работники – члены команды (*all in the same boat* ‘все в одной лодке’), развитие компании передается через движение по курсу (*on course* ‘по плану’), а снасти актуализируют информацию о наборе выполняемых задач – *give somebody a rope* ‘предоставить свободу действий’, *know the ropes* ‘хорошо ориентироваться’. Сложившиеся в конкретный момент условия для развития бизнеса репрезентируются во фразеологии как условия за бортом, например: *the lull before the storm* ‘затишье перед бурей’, *straws in the wind* ‘намёк, предупреждение; указание’. Неблагоприятные обстоятельства передаются через указание на факторы, усложняющие судоходство – *up the creek* ‘в неприятном положении’, *in deep waters* ‘в трудном положении’, *twist in the wind* ‘быть в неопределенном положении, колебаться’. Стратегии ведения дел передаются через манеру управления кораблем – *trim your sails* ‘лабирингировать;

приспосабливаться, убирать паруса’, *rock the boat* ‘дестабилизировать ситуацию’, *take the wind out of sails* ‘расстроить планы, поставить в безвыходное положение’.

Восприятие деловой активности как череды конфликтных ситуаций достаточно глубоко укоренилось в английской фразеологической картине мира. Причины и основания споров передаются через образ поля битвы (*a battle of wills* ‘война интересов’), конечной целью которой является победа и захват территории, например: *lead the field* ‘лидировать в какой-либо сфере’, *lose the battle*, *win the war* ‘уступить в малом, выиграть в большом’, *the battle lines are drawn* ‘выявить разногласия, очертить линию фронта’. Специфика разногласий передается через характеристику битвы – *running battle* ‘затяжной конфликт’, *fight a losing battle* ‘быть заведомо в проигрыше’, *cross the line* ‘выйти за грани допустимого, перегнуть палку’. Участники переговоров метафорически сравниваются с теми или иными видами оружия, мощность и исправность которого отражает их авторитет, например: *big gun* ‘важная персона’ *loose cannon* ‘ненадежный человек’, *straight arrow* ‘прямой человек’. Поведение сторон передается через образы применения соответствующего оружия, например: *shoot questions at* ‘завалить вопросами’, *go ballistic* ‘совершенно выйти из себя’, *stab someone in the back* ‘нанести удар в спину’, а аргументы или ресурсы – запасы боеприпасов (*have shot your bolt* ‘истощить запасы денег, влияния, энергии’), где попадание обозначает достижение цели (*shoot to number one* ‘стать победителем, попасть на первое место’). Взаимодействие сторон актуализируется через военные действия – *shoot from the hip* ‘говорить прямо’, *strike a blow* ‘выступить в защиту’, *run the gauntlet* ‘подвергнуться резкой критике, пройти сквозь строй’. Образ в последней ФЕ восходит к шведскому военному наказанию *gatlopp* (бег через узкий проход), повсеместно применяемому в середине XVII в. Наказанный должен был пробежать через строй из двух шеренг солдат, каждый из которых должен был ударить его. В Англии малоизвестное слово *gatlopp* было заменено на *gauntlet*.

2.3. Поведение и черты характера человека часто вербализуются с помощью биоморфного кода. Наблюдение за окружающей средой послужило источником многих метафор, центральное место среди которых занимают образы животных. Значительная группа компаративных ФЕ актуализируют характеристики человека на основе их сравнения с животными, например: *swim like a fish* ‘плавать как рыба’, *be as busy as a bee* ‘быть занятым как пчела’, *angry as a bear* ‘злой как медведь’. Устоявшиеся представления о животных служат основой для метафорического наименования людей и явлений. Так, рыбы, являясь холоднокровными животными, символизируют эмоциональную холодность, сдержанность (*a cold fish* ‘неприветливый, безразличный человек’), киты –

впечатляющий размер / количество (*whale of time* ‘куча времени’), волки – неумный голод и опасность (*keep the wolf from the door* ‘бороться с голодом и нищетой’). На этом же основании вербализуются специфические черты образа действия (*as the crow flies* ‘напрямик’), состояния (*like a fish out of water* ‘как рыба, выброшенная на берег’) или реакции на раздражитель (*water off the duck’s back* ‘как с гуся вода’). Повадки животных и птиц также служат богатым источником фразеологической вербализации поведения человека – *bark up the wrong tree* ‘направлять усилия не в ту сторону’, *put a cat among the pigeons* ‘пустить козла в огород’, *take sb under one’s wing* ‘взять под опеку’. На взаимоотношениях животных в природе основаны многие английские ФЕ, обозначающие характеристики поведения – *birds of a feather flock together* ‘рыбак рыбака видит издалека’, *fight like cat and dog* ‘драться как кошка с собакой’, *the lion’s share* ‘львиная доля’. Вовлечение животных в хозяйственную деятельность человека породило множество образов, актуализирующих особенности ведения быта, среди которых: *don’t count chicken before they are hatched* ‘цыплят по осени считают’, *go to the dogs* ‘портиться приходится в упадок’, *to swallow it hook, line and sinker* ‘заглотить наживку’.

ФЕ с градуальной семантикой, основанные на образах растительного мира, представлены гораздо меньше. Многие метафоры в таких ФЕ базируются на жизненном цикле растения, символически передающем фазы развития некоего процесса. Компоненты во внутренней форме ФЕ, называющие те или иные части растения, актуализируют переосмысленную информацию об их характерных чертах и функциях. Так, ФЕ, содержащая компонент *seeds* ‘семена’ актуализирует дуальный образ зарождения и увядания, начала и конца. С одной стороны, семена дают начало жизни растения и, следовательно, передают начальную фазу действия, коррелирующую с зарождением чего-то нового, например: *sow the seeds* ‘сеять зерна чего-либо’, *seed money* ‘начальные инвестиции’, *seed corn* ‘зачатки чего-либо’. С другой стороны, семена являются конечным продуктом жизненного цикла растения, что отражено в ФЕ – *go / run to seed* ‘1) прийти в запустение (о месте)’, *go / run to seed* ‘2) опуститься (о человеке)’. Во втором случае, передается информация о том, что многие растения (такие как латук) становятся непригодными для использования после периода цветения, когда они «уходят в семена». Компонент *roots* ‘корни’ в исследуемых ФЕ предполагает отсылку к началу, исходным предпосылкам, определяющим характер развития, например: *lie at the root of something* ‘лежать в основе’, *to remove root and branch* ‘вырвать с корнем’, *take root* ‘проявиться, укорениться, закрепиться’, *money is the root of an evil* ‘деньги – источник зла’, *go back to one’s roots* ‘возвращаться к истокам’. Данный компонент также может передавать идею

неподвижности, незыблемости – *rooted to the spot* ‘приросший к месту, замерший от страха, шока’, *put down roots* ‘пустить корни’. Бутон и листья растения также передают образ зарождения и развития чего-то нового – *nip something in the bud* ‘пресекать на корню, в зародыше’, *turn over a new leaf* ‘начать новую жизнь’. Идея развития также представлена в ФЕ, включающих компонент *branch* ‘ветви’ – *branch out into new directions* ‘расширить дело, открыть новое отделение’. Рассмотрение процесса развития растения с точки зрения хозяйственной деятельности человека, позволяет выделить также такие фазы как: цветение (*with a flourish* ‘эффектно, широким жестом), прополка (*weed something out* ‘искоренять, устранять, отсеивать’), сбор урожая (*reap the reward* ‘пожинать плоды’), увядание, засыхание (*withering look* ‘испепеляющий взгляд’).

2.4. Иллюстративным примером фетишного культурного кода в английских ФЕ с градуальной семантикой является образ здания, метафорически передающий специфику организации работы на предприятии / в компании. Развитие организации воспринимается как процесс строительства, например: *lay the foundations* ‘заложить основу’, *cement an alliance* ‘закрепить союз’. Стены передают идею препятствия или барьера (*hit a brick wall* ‘преодолеть препятствие’), ворота – имеющиеся возможности и перспективы (*gateway to* ‘ключ к успеху’), потолок – ограничения роста или продвижения (*glass ceiling* ‘невидимый потолок, препятствие для карьерного роста’). Крыша служит одновременно незыблемой защитой (*the roof falls in* ‘обрушились неприятности’) и ограничивающим фактором (*hit the roof* ‘1) неконтролируемо вырасти, 2) взорваться от ярости’). Символика дверей также варьируется. С одной стороны, двери представляют собой имеющиеся возможности, например: *one door closes, another one opens* ‘потеря одной возможности открывает другую’, *open the door* ‘открывать возможность’, *close the door* ‘отрезать путь, сделать невозможным’. С другой стороны, этот компонент вербализует информацию о прилагаемых для достижения цели усилия – *get a leg in the door* ‘начать работу в компании на низкой должности с целью сделать в ней карьеру’. Этот образ символизирует как барьер (*behind closed doors* ‘в тайне, за закрытыми дверями’), так и открытый доступ (*the revolving door* ‘текучка кадров’). Карьерное продвижение представляется как подъем или спуск по лестнице – *at the top of the ladder* ‘на высокой должности’, *at the bottom of the ladder* ‘на низкой должности’.

2.5. Анимический код представлен в исследуемых единицах в основном символами, относящимися к воздушной и водной стихиям. Воздух в английской картине мира имеет неоднозначную символику. С одной стороны, воздушная стихия символизирует информацию, планы, идеи, например: *blow in the wind* ‘находиться на стадии обсуждения’,

shoot the breeze ‘болтать о пустяках’, *into thin air* ‘след простыл’. Наличие компонента, указывающего на одно из проявлений воздушной стихии, часто передает идею иллюзорности, неопределенности или недосказанности – *in the air* ‘неопределенный’, *whistle in the wind* ‘говорить на ветер, впустую’, *spit in the wind* ‘пытаться воплотить нереальные планы’. С другой стороны, воздух представляет сферу эмоций, душевного подъема или взаимопонимания, например: *be floating on air* ‘вне себя от счастья’, *clear the air* ‘разрядить атмосферу’. В редких случаях этот компонент выступает как символ изысканности (*airy-fairy* ‘изящный, причудливый’) или скорости (*like the wind* ‘с ураганной скоростью’).

Символика водной стихии относится к более практичным аспектам жизни. Вода представляется как среда, несущая опасность, и, следовательно, требующая осторожности, продумывания ситуации, например: *test the water* ‘сделать предварительную оценку ситуации’, *tread water* ‘замешкаться, медлить’, *pour cold water on* ‘охладить пыл, опровергнуть’. Другим значением водной символики являются предоставляемые возможности – *catch the wave* ‘воспользоваться открывшейся перспективой’, *make waves* ‘вызывать неприятности, производить впечатление’. ФЕ, включающие образ стоячей (*water under the bridge* ‘дела давно минувших дней’) или грязной воды (*muddy the waters* ‘мутить воду, вносить неразбериху’), имеют тенденцию нести отрицательную коннотацию.

3. Выводы. Среди зафиксированных в исследуемом материале культурных кодов наиболее широко представленным является антропоморфный. Самыми частотными компонентами, актуализирующими образ человека в английских ФЕ с градуальной семантикой, являются голова, сердце, рука и нога. Голова представляется вместилищем интеллектуальных способностей человека и часто посредством метонимического переноса указывает на человека в целом. Примечательно, что некоторые ФЕ с этим компонентом также передают аффектные состояния. Сердце в английской фразеологической картине мира является источником человеческих добродетелей (доброты, милосердия, храбрости) и тревог, реже, оно передает идею центра, средоточия, предельного состояния. Символика руки неоднозначна и передает как значение трудовой деятельности, влияния, власти, так и доверия, близости. Образ ног актуализирует идею опоры и движения, реализующуюся в ФЕ со значением физического, эмоционального состояния, социального статуса.

Акциональный культурный код актуализируется через образы «жизнь – игра», «бизнес – мореплавание», «переговоры – война». В первом случае, образ карт или игральные кости, являющихся неизменными атрибутами азартных игр, передает идею случайности

происходящих в человеческой жизни событий, отсутствие контроля над своей судьбой. События, требующие планирования и выработки соответствующей стратегии, представляются через образы командных спортивных игр. Выполнение бизнес проектов, базирующихся на командной работе, ассоциируется с мореплаванием, где внешние обстоятельства символически представляются как погодные условия, а особенности взаимоотношений передаются через образ команды мореплавателей. Представление о переговорах как о войне актуально уже на протяжении долгого периода времени, что подтверждается значительным количеством образов как холодного, так и огнестрельного оружия. Тип и смертоносность оружия часто характеризуют участников переговоров, а образы его применения передают особенности аргументации и поведения переговорщиков.

Биоморфный код включает образы животного и растительного мира. В первом случае, типичные черты и повадки животных служат для передачи черт характера человека, а взаимоотношения представителей разных видов между собой и их польза для человека вербализуют специфику социального поведения. Во втором случае, жизненный цикл растения метафорически передает фазы того или иного процесса.

Наиболее ярким примером фетишного культурного кода является метафора организация – здание, где местоположение каждого члена организации передает иерархические отношения и карьерное продвижение.

Анимический культурный код в английских ФЕ с градуальной семантикой находится на периферии. Наиболее ярко в исследуемом материале представлена воздушная и водные стихии. Образ воздуха, ветра, легкого бриза передают идею легкости, недолговечности, неопределенности в сфере передачи информации. Вода актуализирует идею опасности, осторожности, появляющихся возможностей.

Таким образом, кодирование культурной информации в ФЕ с градуальной семантикой происходит в основном через метафорическое переосмысление образов одушевленных предметов (человека, животного, растения) и в гораздо меньшей степени через отсылку к неодушевленным предметам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Негативные эмотивные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира // *Studia Linguistica*. Санкт-Петербург, 2013. № XXII. С. 78-87.
2. Горшкова Н. Н. Градуальная семантика фразеологических единиц с временным значением // *Проблемы современной филологии*. Тамбов, 2004. С. 55-57.
3. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. СПб.: СПбГУ, 2011. 136 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 284 с.

5. Маслова В. А. Национальный характер сквозь призму языка. Витебск, 2011. 68 с.
6. Панасенко Н. И. Категория как познавательная форма мышления человека и ее отражение в фитонимической лексике // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання*. Донецьк: ДонНУ, 2009. Т. 6. № 2 (17). С. 107-121.
7. Подуфалова Т. В. Деривационная обусловленность градации языковых единиц (на примере слов, обозначающих количество) // *Мова і культура*. К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. Вип. 8. С. 259-264.
8. Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: 1985. Вып.16. С. 43-78.
9. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена. 2003. 211 с.
10. Трофімова О. В. Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах. Донецьк: ДонНУ, 2013. 269 с. (Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. Т. 1.).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge University Press, 2006. 505 p.
2. Longman Idioms Dictionary. Pearson Education Limited, 1998. 398 p.
3. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. HarperCollins Publishers, 2007. 409 p.
4. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. Oxford University Press, 2010. 461 p.

REFERENCES

1. Bessonova, O. L. (2013). Negativnye emotivnye naimenovaniya litsa v angliyskoy i ukrainskoy natsionalnykh kartinakh mira [Negative emotive nomination of a person in the English and Ukrainian national pictures of the world]. In *Studia Linguistica*. № XXII. Pp. 78-87.
2. Gorshkova, N. N. (2004). Gradualnaya semantika frazeologicheskikh edinit s vremennym znacheniem [Gradual semantics of phraseological units denoting time]. In *Problemy sovremennoy filologii*. Tambov. Pp. 55-57. (In Russ.).
3. Kolesov, V. V., Pimenova M. V. (2011). *Yazykovye osnovy russkoy mentalnosti* [Linguistic basis of Russian mentality]. SPb.: SPbGU. (In Russ.).
4. Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology] M. (In Russ.).
5. Maslova, V. A. (2011). *Natsionalnyy kharakter skvoz prizmu yazyka* [National character in the light of the language]. Vitebsk. (In Russ.).
6. Panasenko, N. I. (2009). Kategoriya kak poznavatel'naya forma myshleniya cheloveka i yeye otrazhenie v fitonimicheskoy leksike [Category as a cognitive form of human thinking and its reflection in the vocabulary denoting plants]. In *Studia Germanica et Romanica: Inozemni movy. Zarubizhna literatura. Metodyka vykladannya*. Donets'k: DonNU. T. 6. № 2 (17). Pp. 107-121. (In Russ.).
7. Podufalova, T. V. (2005). Derivatsionnaya obuslovlennost gradatsii yazykovykh edinit (na primere slov, oboznachayushchikh kolichestvo) [Derivative dependence of language gradation (in wordsdenoting quantity)]. In *Mova i kultura*. K. No.8. Pp. 259-264. (In Russ.).
8. Sapir, E. (1985). *Graduirovanie. Semanticheskoe issledovanie* [Grading. A study in semantics]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. M. No.16. Pp. 43-78. (In Russ.).
9. Tokarev, G. V. (2003). *Kontsept kak obekt lingvokulturologii (na materiale reprezentatsii kontsepta «Trud» v russkom yazyke)* [The concept as an object of linguoculturology (on the material of the concept “LABOUR” in the Russian language)] Volgograd: Peremena. (In Russ.).

10. Trofimova, O. V. (2013). *Frazeologiya negativnikh emotsiy v angliyskiy ta ukraynskiy movakh* [Phraseology of negative emotions in the English and Ukrainian languages]. Donetsk. (Lingvokognitivni ta lingvokulturologichni doslidzhennya. T. 1.). (In Ukr.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Cambridge Idioms Dictionary*. Cambridge University Press, 2006.
2. *Longman Idioms Dictionary*. Pearson Education Limited, 1998.
3. *Collins Cobuild Dictionary of Idioms*. HarperCollins Publishers, 2007.
4. *Oxford Idioms Dictionary for Learners of English*. Oxford University Press, 2010.

Ткаченко София Геннадьевна – аспирант
кафедры английской филологии
(*curuxa.sabia@gmail.com*)
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Tkachenko Sofiia Gennadievna – Postgraduate
Student of English Philology Department
(*curuxa.sabia@gmail.com*)
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 10 сентября 2017 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'373:81-115: 811.111'161.1

© 2017 Ш. Р. Басыров,
Л. А. Сапронова

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ SIN / ГРЕХ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье исследуются особенности формирования и представления понятия sin / грех на лексическом и фразеологическом уровнях английского и русского языков. В результате исследования обобщены основные подходы к пониманию концепта и его структуры; установлены ядро и периферия концепта sin / грех в сопоставляемых языках; выявлены деривационный потенциал, особенности словообразования и номинативная плотность ядерных лексем концепта sin / грех; изучены дистрибутивные свойства ядерных лексем; описан процесс десакрализации исследуемого концепта, а также осуществлена семантическая классификация анализируемых единиц, репрезентирующих концепт sin / грех в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: концепт, ядро, периферия, десакрализация, дистрибутивные свойства, семантические группы.

© 2017 Sh. R. Basyrov,
L. A. Sapronova

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION "SIN" IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC WORLD-IMAGES

The article studies the peculiarities of formation and representation of the concept "sin" on the lexical and phraseological levels of the English and Russian languages. The main approaches to studying the concept and its structure have been generalized. The core and the periphery of the concept "sin" in the contrasted languages have been determined. The derivational potential, the peculiarities of the word formation and the nominal density of the core lexemes of the concept "sin" have been identified. The distributional properties of the core lexemes have been studied. The process of desacralization of the concept under consideration has been described and the semantic classification of the analyzed units representing the concept "sin" in the contrasted languages has been carried out.

Key words: concept, core, periphery, desacralization, distributional properties, semantic groups.

1. Вводные замечания

Актуальность настоящего исследования обусловлена антропоцентрической направленностью современной лингвистики на изучение различных морально-этических концептов, которые входят в языковую картину мира и находят свое отражение в лексике, фразеологии, в художественных текстах каждого этноса и представляют знания людей об

окружающем мире. Ввиду этого возникает необходимость изучения связи языка и религии, поскольку они являются формами выражения духовной культуры народа. Отражение религиозных представлений в языке можно встретить в работах таких авторов, как М. Н. Бушакова [Бушакова, 2010], А. Ю. Кияница [Кияница, 2010], В. В. Сайгин [Сайгин, 2014], Е. А. Семухина [Семухина, 2008] и др.

Целью данной работы является сопоставление и выявление особенностей вербализации концепта *sin / грех* в английском и русском языках.

В качестве **объекта** исследования выступает морально-этический концепт *sin / грех* в английском и русском языках.

Предметом исследования являются структура и семантика лексических и фразеологических единиц, актуализирующих концепт *sin / грех* в английском и русском языках.

Эмпирическим материалом работы послужили лексические и фразеологические единицы, извлеченные из толковых, переводных, синонимических и фразеологических словарей английского и русского языков. Кроме того, в работе были использованы примеры из Национального корпуса русского языка и из произведений художественной литературы англоязычных и русских авторов. Общий объем словарной выборки составляет 196 лексических единиц (англ. – 73 ед., рус. – 123 ед.), 253 фразеологических (далее ФЕ) и паремийных единиц (далее ПЕ) (англ. – 117 ед., рус. – 136 ед.), текстовой – 113 примеров (англ. – 46, рус. – 67).

2. Понятие концепта в лингвистике

Концепт представляет собой одно из центральных понятий современной когнитивной лингвистики. На данный момент существует множество толкований концепта, поскольку он изучается различными науками, в частности философией, логикой, психологией, культурологией и т.д. В результате этого содержание концепта значительно отличается в концепциях разных научных школ и в работах отдельных ученых.

С нашей точки зрения, понимание концепта наиболее точно отражает определение, предложенное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, согласно которому концепт представляет собой базовую единицу мышления, которая является результатом деятельности человека, несет в себе информацию об окружающем мире и обладает упорядоченной внутренней структурой [Попова, 2007: 24].

Исследование концепта через его структуру позволяет говорить о том, что каждому концепту присуще наличие национально-специфических признаков. Подтверждением

этого может служить сопоставление эквивалентных концептов разных языковых картин мира в современной лингвистике.

В настоящей работе термин «языковая картина мира» (ЯКМ) понимается как совокупность представлений о мире и о действительности, которые сформировались в сознании человека в процессе исторического развития и которые находят свое отражение в языке [Попова, 2007: 38].

Следующим важным понятием в лингвистике выступает «религиозная картина мира» (РКМ). Связь языка и религии представляет интерес для многих лингвистов [Бушакова, 2010; Данилова, 2007; Кияница, 2010], которые в своих работах пытаются проанализировать влияние религиозных представлений людей на формирование различных языковых средств.

В статье, посвященной исследованию различных картин мира, В. С. Данилова и Н. Н. Кожевников дают следующее определение РКМ: «РКМ – абстрактное представление о мире, о месте в нем человека, где все сферы человеческой деятельности направляются религией» [Данилова, 2007: 78].

Концепт «грех», который является предметом настоящего исследования, издавна считается одним из ключевых элементов религиозной картины мира [Бушакова, 2010; Семухина, 2008; Сайгин, 2014]. Следовательно, он имеет огромное влияние на язык любого этноса, отражая его ценности и взгляд на мир, раскрывая специфику жизненных установок. Данный этический концепт универсален для всех религий, оказывая непосредственное влияние на нравственность человека.

3. Семантическая структура лексем *sin* / *грех*

Анализ семной структуры лексем *sin* / *грех* в английском и русском языках позволил выявить наличие в них как общих, так и отличительных семантических признаков.

В семантической структуре сопоставляемых ядерных лексем *sin* / *грех* выявлены общие ключевые семантические признаки, которые обозначают действие (*поступок, нарушение*) и объект, на который направлено действие (*Бог, религиозные и нравственные законы*). Таким образом, концепт *sin* / *грех* является, в первую очередь, центральным религиозным концептом как в английском, так и в русском языках.

Общими семами в смысловой структуре анализируемых лексем в сопоставляемых языках являются следующие: «проступок», «нарушение», «действие, вызывающее осуждение / предосудительный поступок», «недостаток». Данные семы выражают светское понимание концепта *sin* / *грех*, характерное для носителей анализируемых лингвокультур.

Вместе с тем семантическая структура лексем *sin / грех* обнаруживает в английском и русском языках ряд отличительных признаков. В английском языке лексема *sin* 'грех' обозначает состояние «отчуждения, отдаления от Бога» (*the condition of estrangement from God*). В смысловой структуре русской лексемы *грех* данный семантический признак не отмечен, вместо него наличествует признак «вина», который проявляется не во время осуществления чего-то запретного, греховного, а является результатом (следствием) такого проступка. К тому же, только для русской лексемы *грех* характерным является наличие в ее структуре семы «распутство», которая часто актуализирует светское понимание концепта *грех* носителями русской культуры. Добавим, что в английском языке подобная сема не обнаружена.

4. Вербализация концепта *sin / грех* на лексическом уровне

Изучение деривационного потенциала ядерных лексем *sin/грех* в английском и русском языках позволило установить неодинаковую словообразовательную активность данных лексем. В русском языке деривационный потенциал лексемы *грех* заметно превышает деривационный потенциал английской лексемы *sin*. Об этом свидетельствуют следующие количественные данные: в английском языке выявлено 7 производных слов, среди них: 2 деривата являются существительными (*sinner* 'грешник', *sinfulness* 'греховность'), 2 – прилагательными (*sinful / sinlike* 'грешный'), 2 – наречием (*sinfully / sinningly* 'грешно') и 1 – глаголом (*to sin* 'грешить'), в то время как в русском языке установлено 53 производных слова, среди них: 34 деривата являются существительными (*погрешность, греховодник, согрешение, грехотворство, и др.*), 9 – прилагательными (*грешный, греховный, греховодный и др.*), 2 – наречиями (*грешно, греховно*) и 8 – глаголами (*грешить, согрешить, греховодничать, нагрешить и др.*).

Производные лексемы *грех* образуются в русском языке по трем словообразовательным моделям: суффиксальной (*грех* → *грешный, грешок, грешник* и др.) (19 ед.); префиксально-суффиксальной (*грех* → *погрешность* и др.) (6 ед.) и по модели словосложения (*грехолюб, греховодничать, грехотворный* и др.) (29 ед.).

В английском языке обнаружены суффиксальные производные с аффиксами деятеля **-er** (*sinner* 'грешник'), свойства или признака **-ful, -ness** (*sinfulness* 'греховность'), сходства **-like** (*sinlike* 'грешный'), качества **-ly** (*sinfully* 'грешно'). В одном случае обнаружена конверсивная пара: *sin* (n) 'грех' ↔ *sin* (v) 'грешить'.

Ядерные лексемы *sin / грех* вступают в сопоставляемых языках в отношения синонимии. Так, по данным английских словарей, у базовой лексемы *sin* выявлено

34 синонима, которые, вслед за О. В. Ваховской, можно распределить по двум смысловым зонам [Ваховская, 2012]. К первой смысловой зоне (*Ungodliness* ‘Безбожие’) относится большая часть синонимов слова *sin* ‘грех’ (*trespass* ‘согрешение’, *profanity* ‘богохульство’, *depravity* ‘греховность’ и др.) (19 ед.). Во вторую смысловую зону (*Wrong* ‘Нарушение’) входят 15 синонимов слова *sin* ‘грех’ (*immorality* ‘аморальный поступок’, *wrongdoing* ‘грех, проступок’, *offence* ‘преступление’, *peccadillo* ‘грешок’ и др.). Кроме того, выявлены 16 прилагательных (*wicked* ‘грешный’, *impious* ‘безбожный’, *peccant* ‘греховный’ и др.), 13 глаголов и их выражений (*to trespass* ‘грешить’, *to backslide* ‘впадать в грех, отступаться от веры’, *to go wrong* ‘согрешить’ и др.) и 3 наречия (*improperly* ‘грешно, ошибочно’ и др.), мотивированные лексемой *sin* ‘грех’ и/или вступающие с ней в синонимические отношения.

По данным русских словарей, базовая лексема *грех* имеет 37 синонимов. В отличие от английского языка, в русском языке большая часть синонимов относится ко второй смысловой зоне (*Wrong* ‘Нарушение’). Данный факт можно объяснить, в частности, процессом десакрализации понятия *грех*, т.е. его вербализаторы утрачивают свое исконное религиозное значение и используются в повседневном общении, приобретая иной смысл.

Итак, к смысловой зоне *Ungodliness* ‘Безбожие’ в русском языке относятся 10 существительных (*согрешение, окаянство, грехопадение, богохульство* и др.). К смысловой зоне *Wrong* ‘Нарушение’, которая актуализирует светское понимание концепта *sin/грех*, относятся 27 синонимов (*проступок, провинность, упущение, ошибка, злодеяние, преступление, дефект, безнравственность, соблазн* и др.). В русском языке выявлены также 13 прилагательных (*неправедный, богопротивный, безнравственный* и др.), 13 глаголов и их выражений (*предаваться греху, развратничать, губить свою душу* и др.) и 6 наречий (*преступно, плохо, предосудительно* и др.).

Широкий синонимический ряд слов концепта *sin/грех* характеризуется в сопоставляемых языках различной стилистической окраской. Так, книжными и устаревшими в английском языке считаются лексемы *fall* ‘грехопадение’, *impiety* ‘нечестивость’, *profanity* ‘профанация’, *blasphemy* ‘богохульство’. Для русского языка также характерно наличие большого количества устаревшей религиозной лексики среди синонимов ядерной лексемы *грех* (например, *согрешение, окаянство, прегрешение, грехотворство*). Кроме того, среди синонимов встречаются слова, которые обозначают не только нарушение религиозных и моральных законов, но и нарушение правовых законов. К ним относятся в английском языке лексемы *transgression* ‘грех, проступок’, *violation* ‘нарушение, осквернение’, *guilt* ‘грех, проступок’, *offense* ‘преступление’, *crime* ‘грех, злодеяние’; в русском языке – *проступок*

(в значении «преступное деяние»), *вина, беззаконие, преступление*. Данные слова часто употребляются в официальной юридической сфере.

5. Дистрибутивные свойства лексем *sin / грех*, их производных и синонимов
Ядерные лексемы *sin / грех*, их производные и синонимы обладают широкой дистрибуцией (сочетаемостью). Здесь выделяются две основные группы: 1) атрибутивные словосочетания, например: *неискупимый / непростительный грех – unpardonable / irremissible / inexpressible sin; страшный / ужасный грех – terrible sin*); 2) глагольно-именные предложные словосочетания (*каяться / сознаваться в грехах – repent of one's sins, confess one's sins*).

В английской художественной литературе часто встречается словосочетание *original sin* 'первородный грех' (около 20% всей текстовой выборки). Данное сочетание раскрывает ядерное значение концепта *sin* – «нарушение религиозных законов», например:

(1) *Humanity takes itself too seriously. It is the world's original sin* 'Человечество преувеличивает свою роль на земле. Это – его первородный грех' [Wilde, 1994].

В приведенном примере понятие «первородного греха» включает в себе нарушение против Бога, вызванное «преувеличением своей роли на земле», т.е. человечество ставит себя выше Бога, что является самым тяжким из грехов.

В русском языке высокую частотность употребления обнаруживает словосочетание *смертный грех* (14% всей выборки), что также указывает на религиозную основу исследуемого концепта *грех*, например:

(2) *Душа моя, утешать тебя бесполезно, но одою скажу: помни, что отчаяние есть смертный грех, что ты не одна в мире, что у тебя есть люди, бесконечно любящие тебя, что у тебя есть дети, дающие тебе высокую цель в жизни, и главное, что ты так ещё молода, что у тебя всё впереди* [НКРЯ].

Кроме того, атрибуты лексем *sin / грех* в сопоставляемых языках вступают в синонимические (*great / deadly* 'тяжкий / великий / смертный') и антонимические отношения (*venial – unforgivable* 'простительный – непростительный'), в то время как для глагольных словосочетаний обоих языков характерны метафорические модели, в которых концепт *sin / грех* представлен не как абстрактное понятие, а как физический предмет или объект (*скрывать, утаивать грех – cover / hide / cloak a sin; снять с себя, смыть – wipe out past sins, wash away one's sin*), товар (*расплатываться – atone for one's sins*), вместилище или пространство (*жить в грехе – live in sin*), а также одушевленное существо (*crime doesn't pay* 'преступление никогда не оправдывается'; *бледнеющее распутство*,

грех попутал). Данные метафорические модели обусловлены процессом реификации, т.е. переходом абстрактных понятий в разряд конкретных имен существительных.

6. Десакрализация концепта *sin / грех*

Для многих языков характерен процесс стилистического снижения слов, которые изначально обозначали высокие духовные и религиозные понятия [Сайгин, 2014]. Анализ примеров из произведений английской и русской художественной литературы показал, что некоторые из известных прилагательных приобретают при сочетании с существительными *sin / грех* новые значения. В художественной литературе наблюдается тенденция к десакрализации лексем *sin / грех*, к изменению их эмоционально-экспрессивной окраски. Исконно негативные коннотации, присущие этим ядерным лексемам в Библии, переходят в нейтральные, а в некоторых случаях приобретают и положительный оттенок. Иногда это обусловлено авторским замыслом, стремлением создать комический эффект и достичь определенных эстетических целей.

Процесс десакрализации греха не является особенностью языковой картины мира отдельного народа и языка, а приобретает, очевидно, универсальный характер. Данное явление становится характерной чертой одновременно нескольких культур, как в нашем случае. Десакрализация концепта *sin / грех* отмечена в двух отдаленно родственных индоевропейских языках – в английском и в русском. Так, процесс изменения оценочных коннотаций лексемы *sin* ‘грех’ в английском языке можно проиллюстрировать следующими примерами:

(3) *They flaunt their conjugal felicity in one's face, as if it were the most fascinating of sins* ‘Они выставляют напоказ свое супружеское счастье, как будто оно – самый соблазнительный грех’ [Wilde, 1994].

В примере (3) лексема *sin* ‘грех’ приобретает положительную оценку, благодаря ее сочетаемости с качественным прилагательным *fascinating* ‘соблазнительный’. Это обусловлено, среди прочего, стремлением человека к удовлетворению своих желаний и потребительским образом жизни, поэтому традиционные грехи переосмысливаются им как такие, которые не влекут за собой наказания. По этой причине в число современных «не-грехов» попадают нередко пьянство, прелюбодеяние, тщеславие, а также поступки, обусловленные понятием долженствования и которые не зависят от желания деятеля. Такие действия не считаются сегодня нарушением религиозных или моральных законов и не требуют раскаяния.

(4) *А ведь это смертный грех – не любить медведя!* [НКРЯ].

Из примера (4) видно, что употребление лексемы *грех* в русском языке служит для создания комического эффекта. Словосочетание *смертный грех*, которое расценивается как одно из самых серьезных нарушений религиозных норм, и предполагает, что это нарушение относится к одному из семи смертных грехов (гордыня, алчность, похоть, гнев, обжорство, зависть, леность) во второй части предложения сталкивается с фразой, совершенно не относящейся к каким-либо нарушениям и религиозной сфере в целом. Таким образом, автор достигает эффекта неожиданности, который порождает шутку, смех, соединяя понятия из разных областей употребления. Ср. следующий аналогичный пример:

(5) *Тут ничего нельзя было пропустить – Ирина Игнатьевна готовила фантастически – и взять, к примеру, соленый груздь, не подцепив заодно фарфоровым ковшиком маринованных опят, – был грех непростительный* [НКРЯ].

Явление десакрализации концепта *sin / грех* в русском языке более распространено, чем в английском. Об этом свидетельствует следующее процентное соотношение: негативная оценка концепта *sin / грех*, т.е. нарушение божественных установок и моральных законов, реализуется в 81% примеров английской выборки, в то время как в русской религиозное понимание концепта реализуется лишь в 66% текстовых примеров. Положительная оценка концепта *sin / грех* (несерьезное отношение людей, совершающих определенные нарушения) в английском языке отмечена в 19% текстовой выборки, а в русском языке их почти в 2 раза больше (34%).

7. Фразеологическая вербализация концепта *sin / грех*

Концепт, являясь базовой единицей мышления [Попова, 2007: 24], вербализуется в различных подсистемах языка, в том числе и во фразеологии. При этом фразеологизмы обладают способностью к культурной референции и к отображению в знаковой форме черт культуры, характерных для того или иного языкового сообщества [Телия, 1996: 13].

В структуре анализируемого концепта выявлены две смысловые составляющие – религиозная и светская. Данная бинарность концепта *sin / грех* позволяет разделить анализируемые ФЕ и ПЕ соответственно на две группы: 1) с религиозным составляющим компонентом (англ. – 67% ФЕ и 69,6% ПЕ; рус. – 51% ФЕ и 60,9% ПЕ) и 2) с нерелигиозным (светским) составляющим компонентом (англ. – 33% ФЕ и 30,4% ПЕ; рус. – 49% ФЕ и 39,1 % ПЕ).

В ходе анализа ФЕ и ПЕ английского и русского языков обнаружены как общие, так и отличительные смысловые группы.

Общей и наиболее многочисленной в сопоставляемых языках является группа ФЕ со значением «совершение греховных поступков» (англ. – 12 ед.; рус. – 13 ед.): англ. *to fall from grace* ‘отойти от истинной веры, погубить свою душу’; рус. *взять грех на душу* и др. В свою очередь, среди ПЕ религиозного микрополя более продуктивной является группа паремий, обозначающих наказание за совершение греха (англ. – 7 ед.; рус. – 8 ед.), ср.: англ. *Every sin brings its punishment with it* ‘Каждый грех несет за собой наказание’; рус. *Пьяного грехи, да трезвого ответ* и др.

Кроме того, среди ФЕ и ПЕ микрополя «нарушение религиозных законов» выявлены ФЕ и ПЕ, обозначающие:

1) смертный грех, а также включающие наименования семи смертных грехов (англ. *sins of the flesh* ‘плотские грехи’; рус. *Ленивому всегда праздник*);

2) освобождение, искупление греха (англ. *to wash away one's sin* ‘искупить грех’; рус. *Праздник на небе, когда грешник плачет*);

3) библейские мотивы и реалии (англ. *Adam's sons, conceived all and born in sin* ‘Сыны Адамовы, зачаты и рождены в грехе’; рус. *запретный плод*);

4) осознание своей греховности (англ. *steeped to the lips in vice* ‘по горло погрязший в пороках’; рус. *носить грех на душе*);

5) наказание за совершение греха (англ. *the wages of sin* ‘расплата за грехи’; рус. *быть греху над кем-то*);

6) постороннее негативное влияние (англ. *Evil communications corrupt good manners* ‘Плохие знакомства развращают хорошие манеры’; рус. *С ним и нехотя согрешишь*);

ФЕ и ПЕ, обозначающие светское понимание греха, в сопоставляемых языках распадаются на группы, характеризующие и/или описывающие:

1) человеческие недостатки (англ. *Many without punishment, none without sin* ‘Многие без наказания, но никто не без греха’; рус. *кто без греха*);

2) оценку действия, времени (англ. *it is a sin to do smth* ‘грех делать что-то’; рус. *Обиженного обижать – двойной грех*);

3) внешнюю непривлекательность (англ. *as ugly as sin*; рус. *страшен как смертный грех*);

4) осуждение действия (англ. *to go to the bad* ‘сбиться с пути истинного’; рус. *идти ко дну*);

5) греховное удовольствие (англ. *If not for fear, sin would be sweet* ‘Если бы не страх, грех был бы сладок’; рус. *Во грехах, да на ногах*).

В русском языке выявлены ФЕ и ПЕ, отсутствующие в английском языке, в частности: ФЕ, обозначающие принуждение (прямое или косвенное) к совершению греховного поступка (*довести кого-то до греха*), предостережение (*от греха подальше*), одобрение (*не грех сделать что-то*) и ПЕ со значением назидания (*Гневайся, да не согрешай* и др.), неотвратимости наказания (*Грешному путь вначале широк, да после крут*) и веселья (*Где грех, там и смех*).

В свою очередь, в английском языке обнаружены смысловые группы, не отмеченные в русском языке: ПЕ со значением «осознание своей греховности» (англ. *A guilty conscience is a self-accuser* ‘Нечистая совесть спать не даёт’), ПЕ, обозначающие неискупимость (*Crime doesn't pay* ‘Преступление никогда не оправдывается’) и оправдание греха (*The devil can quote scripture for his purpose* ‘букв. Дьявол может цитировать библейский текст для своих целей’).

8. Выводы

Основные результаты проведенного исследования можно сформулировать следующим образом:

1. Концепт *sin / грех* в анализируемых лингвокультурах является одним из ключевых морально-этических концептов религиозной картины мира, отражая связь языка и религии.

2. В словарных толкованиях ключевых лексем *sin / грех* выделяются ядро и периферия данного концепта. Ядро в обоих языках составляют базовые семантические признаки, обозначающие действие и объект, на который направлено действие.

3. Ключевые семы концепта *sin / грех* в сопоставляемых языках определяют две центральные парадигмы – религию и мораль, которые обуславливают соответственно религиозный и светский подходы к пониманию греха. В сопоставляемых языках наблюдается тенденция к десакрализации анализируемого концепта.

4. Лексемы *sin / грех* в сопоставляемых языках характеризуется различным деривационным потенциалом, который в русском языке значительно преобладает над английским (рус. – 54 ед.; англ. – 7 ед.). В обоих языках концепт *sin / грех* обладает высокой номинативной плотностью, заданной ядерными лексемами и их синонимами (англ. – 34 ед., рус. – 37 ед.), которые часто выявляют различную стилистическую окраску.

5. В плане дистрибуции у лексем *sin / грех* английского и русского языков выделяются две основные группы: 1) атрибутивные словосочетания и 2) глагольно-именные предложные словосочетания. Дистрибутивная сочетаемость ядерных лексем *sin / грех* влечет за собой процесс реификации, т.е. переход абстрактного понятия *sin / грех*

в разряд конкретных имен существительных, что порождает появление в языке метафорических моделей.

6. Процесс десакрализации концепта *sin / грех* обусловлен изменением моральных ориентиров и потребительским отношением современного общества к высоким духовным ценностям и установкам. Религиозный смысл концепта *sin / грех* часто утрачивается на уровне бытового общения. Десакрализация концепта *sin / грех* встречается в основном в разговорной речи и служит для создания комического эффекта. Данный процесс наиболее активно протекает в русском языке.

7. ФЕ и ПЕ, репрезентирующие концепт *sin / грех* в английском и русском языках, отражают мировоззрение английского и русского этноса, его верования и отношение к нарушению законов Божьих. Процесс десакрализации концепта *sin / грех* оказывает влияние на выделение двух основных групп ФЕ и ПЕ, представляющие соответственно религиозную и нерелигиозную (светскую) области данного концепта.

8. Фразеологическая вербализация концепта *sin / грех* в английском и русском языках обнаруживает национально-культурные особенности формирования и представления концепта *sin / грех*, которые отражают духовную культуру английского и русского народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушакова М. Н. Лексико-семантические и православно-культурные параметры концепта «грех» в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 22 с.
2. Ваховская О. В. Вербализация концепта грех в англоязычном дискурсе XIV–XXI веков // Когниция, коммуникация, дискурс. 2012. № 5. С. 17-36.
3. Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Картины мира и методы их исследования // Вестник Якутского государственного университета. 2007. Т. 4. № 3. С. 77-82.
4. Кияница А. Ю. Особенности экспликации концепта «грех» в текстах религиозно-этической публицистики // Система ценностей современного общества. Новосибирск, 2010. С. 58-62.
5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «Восток – Запад», 2007. 314 с.
7. Сайгин В. В. Десакрализация концепта «грех» в национальном сознании (по данным современного русского языка) // Мова. 2014. № 21. С. 89-93.
8. Семухина Е. А. Концепт «грех» в национальных картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 22 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 287 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Куприн А. И. Яма. М.: Азбука, 2014. 384 с.
2. Национальный корпус русского языка. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 15.09.2017).
3. Толстой Л. Н. Дьявол // Отец Сергей. М.: Проф-Издат, 2015. 368 с.
4. Толстой Л. Н. Крейцера соната. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изда-во, 1978. 224 с.
5. Толстой, Л. Н. Отец Сергей // Отец Сергей. М.: Проф-Издат, 2015. 368 с.
6. Шмелев И. С. История любовная. М.: Москва, 1995. 416 с.
7. Dreiser Theodore. An American Tragedy. Penguin Putnam Inc, 2010. 870 p.
8. Dreiser Theodore. The Genius. University of Illinois Press, 2008. 922 p.
9. Greene Graham. The Power and the Glory. Viking Books, 1990. 295 p.
10. Hardy Thomas. Far from the Madding Crowd. Penguin Classics, 2003. 433 p.
11. Hemingway Ernest. For Whom the Bell Tolls. Cornerstone, 1994. 496 p.
12. London Jack. Martin Eden. Kindle Edition, 2011. 446 p.
13. Mitchell Margaret. Gone with the Wind. First Warner Books Printing, 1993. 868 p.
14. Steinbeck John. The grapes of wrath. Penguin Publishing Group, 1976. 592 p.
15. Stevenson Robert Louis. Catriona. Soft Editions Ltd, 2005. 260 p.
16. Wilde Oscar. The Picture of Dorian Gray. Dover Publications Inc., 1994. 176 p.

REFERENCES

1. Bushakova, M. N. (2010). *Leksiko-semanticheskie i pravoslavno-kulturnye parametry koncepta «grekh» v russkom yazyke* [Lexical-semantic and orthodox-cultural characteristics of the concept “sin” in the Russian language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Stavropol. (In Russ.).
2. Vakhovskaya, O. V. (2012). Verbalizatsiya kontsepta grekh v angloyazychnom diskurse XIV–XXI vekov [Verbalization of the concept “sin” in the English discourse of XIV–XXI centuries]. In *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs*. № 5. Pp. 17-36. (In Russ.).
3. Danilova, B. C., Kozhevnikov, H. H. (2007). Kartiny mira i metody ikh issledovaniya [Worldviews and methods of their investigation]. In *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 4. № 3. Pp. 77-82. (In Russ.).
4. Kiyanitsa, A. Yu. (2010). Osobennosti eksplikatsii kontsepta «grekh» v tekstakh religiozno-eticheskoi publitsistiki [Peculiarities of explication of the concept “sin” in the texts of religious-ethical publicistic writing]. In *Sistema tsennosteyi sovremennogo obshchestva*. Novosibirsk. Pp. 58-62. (In Russ.).
5. Maslova, V. A. (2004). *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. M.: Flinta: Nauka. (In Russ.).
6. Popova, Z. D., Stermin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. M.: AST «Vostok – Zapad». (In Russ.).
7. Saygin, V. V. (2014). Desakralizatsiya kontsepta «grekh» v natsionalnom soznanii (po dannym sovremennogo russkogo yazyka) [Desacralization of the concept “sin” in the national consciousness (according to the data of the modern Russian language)]. In *Mova*. N 21. Pp. 89-93. (In Russ.).
8. Semukhina, E. A. (2008). *Kontsept «grekh» v natsionalnykh kartinakh mira* [Concept “sin” in the national worldviews]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov. (In Russ.).
9. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. M.: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Kuprin, A. I. (2014). *Yama* [The Pit]. M.: Azbuka. (In Russ.).
2. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of Russian]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 15.09.2017). (In Russ.).
3. Tolstoy, L. N. (2015). *Dyavol* [The Devil]. In *Otets Sergiy*. M.: Prof-Izdat, 2015. 368 s. (In Russ.).
4. Tolstoy, L. N. (1978). *Kreytserova sonata* [Kreutzer Sonata]. Yuzhno-Sakhalinsk: Dalnevost. kn. izda-vo. (In Russ.).
5. Tolstoy, L. N. (2015). *Otets Sergiy* [Father Sergius]. In *Otets Sergiy*. M.: Prof-Izdat. (In Russ.).
6. Shmelev, I. S. (1995). *Istoriya lyubovnaya* [Love Story]. M.: Moskva. (In Russ.).
7. Dreiser, Theodore. (2010). *An American Tragedy*. Penguin Putnam Inc.
8. Dreiser, Theodore. (2008). *The Genius*. University of Illinois Press.
9. Greene, Graham. (1990). *The Power and the Glory*. Viking Books.
10. Hardy, Thomas. (2003). *Far from the Madding Crowd*. Penguin Classics.
11. Hemingway, Ernest. (1994). *For Whom the Bell Tolls*. Cornerstone.
12. London, Jack. (2011). *Martin Eden*. Kindle Edition.
13. Mitchell, Margaret. (1993). *Gone with the Wind*. First Warner Books Printing.
14. Steinbeck, John. (1976). *The grapes of wrath*. Penguin Publishing Group.
15. Stevenson, Robert Louis. *Catriona*. Soft Editions Ltd.
16. Wilde, Oscar. *The Picture of Dorian Gray*. Dover Publications Inc.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Сапронова Лилия Александровна – магистр 1-го курса направления «Теория перевода и межкультурная коммуникация» кафедры английской филологии (e-mail: l.sapronova@bk.ru) Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Sapronova Liliya A. – 1st year master of the program 'Theory of translation and intercultural communication' of department of English philology (e-mail: l.sapronova@bk.ru) Federal State Autonomous Educational Establishment of Higher Professional Education "Southern Federal University" 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006

Поступила в редакцию 18 сентября 2017 г.

РЕЧЕВЫЕ МОДЕЛИ ПОЖЕЛАНИЙ ДОБРА В ЛЕЗГИНСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья содержит результаты сопоставительного анализа пожеланий добра в лезгинской и украинской лингвокультурах. Исследуется семантическая структура этикетных формул, описываются особенности их грамматической и коммуникативной организации. Особое внимание уделяется определению типичных речевых моделей пожеланий добра в сопоставляемых языках, выявлению общих и дифференциальных признаков в их языковом оформлении и функционировании в реальных условиях коммуникации.

Ключевые слова: этикетные формулы, пожелания добра, перформатив, объект, субъект, лезгинский язык, украинский язык.

© 2017 E. S. Vetrova

GOOD WISHES' SPEECH PATTERNS IN THE LEZGHIN AND UKRAINIAN LINGUOCULTURES

The article deals with the results of the comparative analysis of good wishes' speech patterns in the Lezghin and Ukrainian linguistic cultures. The semantic structure of etiquette formulas is considered, the special features of their grammatical and communicative organization are described. Special attention is given to the definition of typical good wishes' speech patterns in the languages under investigation to show common and differential features of their linguistic expression and their function in communication.

Key words: etiquette formulas, good wishes', speech patterns, object, subject, Lezghin language, Ukrainian language.

1. В данной работе рассматриваются лезгинские и украинские этикетные формулы (далее – ЭФ) пожелания добра, например: лезг. *Куь кIвал къени хьурай!* 'Пусть крепок будет Ваш дом!'; *Куьн Аллагдам аманат хьурай!* 'Пусть приведет Вас Аллах к лучшему!'; укр. *Дай, Боже, діждати онуків! Будь багатий, як свята земля!*

1.1. Актуальность исследования обусловлена тем, что современный этап развития языкознания характеризуется повышенным вниманием ученых к изучению особенностей речевого поведения человека в различных ситуациях общения. Объектом научных исследований все чаще становятся единицы речевого этикета как базисные элементы коммуникации, способствующие регуляции поведения человека в обществе, гармонизации межличностных и межнациональных отношений. Однако многие вопросы, связанные с формированием и функционированием различных ЭФ в конкретных коммуникативных условиях, до сих пор остаются нерешенными. Данное утверждение справедливо и по отношению к ЭФ пожелания добра, на особой роли которых в достижении коммуникативного успеха и воссоздании национальной картины мира, уже в течение нескольких десятилетий акцентируется внимание представителей различных

научных направлений: лингвистической прагматики, лингвокультурологии, социолингвистики, межкультурной коммуникации и др. [Апресян, 1995; Балакай, 2002; Остин, 1986; Ранних, 1994; Трофимова, 2008, Формановская, 2006 и др.]. В последнее время с расширением межнациональных контактов и все более тесным взаимодействием культур активизировались исследования сопоставительного характера, направленные на выявление общих и дифференциальных признаков языковых явлений, в том числе и ЭФ пожелания добра, в различных языках мира [см., например: Алиева, 2009; Вежбицкая, 1985; Воробьева 2017; Коморова, 2004; Мекеко, 2001; Kaliuščenko, 2013; Pisarek, 1992 и др.]. Вместе с тем, следует отметить, что основная масса научных изысканий в данной области касается в первую очередь сопоставления детально изученных языков: русского и английского, русского и немецкого, немецкого и французского и т.д., тогда как языкам, менее распространенным в международной практике общения и соответственно менее подробно описанным, уделяется недостаточно внимания.

1.2. Цель статьи заключается в сопоставительном анализе лезгинских и украинских ЭФ пожелания добра, выявлении общих и дифференциальных признаков в их семантике, грамматической структуре и коммуникативной организации.

1.3. Эмпирическим материалом исследования послужили ЭФ, собранные автором посредством интервьюирования и анкетирования информантов-носителей языка, а также данные, полученные методом включенного наблюдения. Всего проанализирована 1361 этикетная формула, из них 650 – в лезгинском языке и 711 – в украинском языке.

2. Под пожеланием добра в лингвистике традиционно понимается «вежливое речевое действие, которое реализуется говорящим с целью выразить внимание и симпатию по отношению к адресату и надежду на благополучие в его жизни в будущем и тем самым соответствовать нормам этикета, принятым в данном обществе» [Вдовина, 2007: 15]. Выражая надежду на будущее исполнение пожелания, говорящий не побуждает адресата к какому-либо действию и не берет на себя ответственность за его осуществление [Marten-Cleef, 1991].

2.1. ЭФ пожелания добра характеризуются ярко выраженным прагматическим характером. Их семантика формируется не из буквального смысла компонентов, образующих высказывание, а определяется с учетом прагматического контекста – времени, места, субъекта и объекта речи, а также фоновых знаний коммуникантов. Устойчивость лексического состава, воспроизводимость в типичных ситуациях общения, отсутствие полноценной семантики позволяют рассматривать данные формы как высокочастотные стереотипные коммуникативные единицы, закрепленные за

определенными коммуникативными ситуациями [Ранних, 1994; Трофимова, 2008]. Вместе с тем, перечисленные выше характеристики не дают основания рассматривать ЭФ пожелания добра как формальные вербальные знаки, главная функция которых – обеспечение фатического взаимодействия коммуникантов и декорирование речи. Данные речевые единицы выступают носителями различных этнокультурных смыслов и эффективным средством регуляции поведения человека в обществе, а значит, представляют собой самостоятельное лингвокультурное и коммуникативное явление.

2.2. ЭФ пожелания добра являются одновременно категорией универсальной и национально-специфической. С одной стороны, они строятся в соответствии с устоявшимися моделями и принципами поведения, входящими в общее пространство коммуникативной культуры, и отражают общие мировоззренческие установки и нравственные понятия. Однако, с другой стороны, освоение окружающей действительности через ЭФ пожелания добра происходит специфическим, присущим определенной национально-культурной общности способом, что позволяет рассматривать их как национально-маркированные элементы языковой системы, своеобразные культурные знаки, которые указывают на особое видение вещей и характер познания действительности представителями различных культурных сообществ.

2.3. В коммуникативной практике лезгин и украинцев ЭФ пожелания добра являются неотъемлемой частью общения, сопровождая практически все жизненные ситуации (свадьба, рождение ребенка, прием гостей, болезнь, покупка, принятие пищи, новоселье и т.д.) и стадии вербального взаимодействия (привлечение внимание собеседника, установление и завершение контакта). Данные ЭФ обладают высокой степенью вариативности, широкими функциональными возможностями и играют одну из главных ролей в достижении коммуникативного успеха, что дает основания рассматривать их как ключевые элементы этнического сознания лезгин и украинцев, неотъемлемые компоненты их национальной картины мира.

2.4. Характерной особенностью ЭФ пожелания добра в сопоставляемых языках является их способность употребляться в контексте различных речевых актов: приветствия, прощания, благодарности, поздравления, соболезнования и др., что обусловлено потенциальной многозначностью данных речевых единиц.

3. Типичным воплощением семантики ЭФ пожелания добра во многих языках мира является коммуникативно-семантическая модель – адресант (*Я/мы*) + действие (*желаю*) + адресат (*тебе/Вам*) + мотив пожелания (*что желает адресант*): *Я желаю Вам счастья!* Однако в реальной практике общения текстовая реализация данной схемы редко

осуществляется в полной мере, что дает основания говорить о наличии в ней обязательных и факультативных компонентов.

3.1. Пожелания добра в сопоставляемых языках реализуются в разветвленной системе ЭФ с определенной семантической структурой и формально-грамматическими особенностями, сложившимися под влиянием как собственно лингвистических (прагматические условия общения, типологические особенности языков), так и экстралингвистических факторов (развитие общества, тип культуры, специфика национального сознания и мировосприятия и др.), специфичных для каждого из сопоставляемых языков.

3.2. Обязательным компонентом ЭФ пожелания добра является перформатив (термин Дж. Остина), под которым в лингвистической прагматике подразумевается слово, эквивалентное действию, поступку [Остин, 1986]. Перформатив входит в контекст жизненных событий, создавая социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определенные последствия.

3.2.1. **В структуре ЭФ пожелания добра перформатив может быть представлен эксплицитно** – глаголом в форме 1-го лица, единственного или множественного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения, несовершенного вида – ‘желаю’ либо его грамматическими эквивалентами: *я хочу (хотел бы) пожелать, мне хотелось бы пожелать* и др. В украинском языке пожелания добра с эксплицитно выраженным перформативом *бажаю* относятся к малоупотребительным этикетным формулам. Их использование, как правило, ограничено определенными коммуникативными параметрами, в частности специфическими условиями коммуникации (торжественное мероприятие, юбилей и т.д.) и социальными признаками коммуникантов (ассиметричное общение): *Я бажаю Вам міцного здоров'я, щастя, здійснення найзаповітніших мрій!* В лезгинском языке этикетные формулы подобной структуры не зафиксированы.

3.2.2. В коммуникативной практике обеих культур широко распространены ЭФ с имплицитной перформативностью, в которых интенция пожелания добра реализуется без непосредственного участия перформативного глагола: укр. *Щастя Вам!; Смачного!; У добрий час!*; лезг. *Ваз шадвилер хьурай!* ‘Радости тебе!’, *Квез кьуватлу!* ‘Бог в помощь!’, *Квез (ваз) бахтар гурай!* ‘Счастья тебе (Вам!)’ и др. В приведенных примерах перформативный компонент формально не представлен и не нуждается в «восстановлении», поскольку подсказывается самой ситуацией общения. В сопоставляемых языках подобные этикетные конструкции функционируют преимущественно в устной речи, в условиях непринужденного симметричного общения,

что соотносится с принципом Кооперации Г. П. Грайса (максимой «количество»): «высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога» [Grice, 1975].

3.3. Важную роль в структуре пожелания добра играет мотив пожелания (что желает адресант своему собеседнику), который сигнализирует о добрых намерениях говорящего и является транслятором этнокультурных смыслов, отражая ментальные установки и моральные приоритеты носителей языка, например: укр. *Дай, Боже, здоров'я!*; *Щоб ви були такі веселі, як весна!*; лезг. *Хийирдин хабарар хьуй!* ‘Добрых известий!’; *Ваз сагъ чан хьурай!* ‘Чтоб душа была здорова!’ и др.

В лезгинских и украинских ЭФ пожелания добра реализуются общие для исследуемых языков мотивы: ‘добро’, ‘здоровье’, ‘счастье’, ‘удача’, ‘покровительство Бога’, ‘рождение детей’, ‘богатство’, ‘долголетие’ и т.д. Вместе с тем, особенности их коммуникативного воплощения, а также степень значимости для представителей исследуемых лингвокультур различны, о чем свидетельствуют количественные данные, приведенные в таблице 1.

Таблица 1. Количественная характеристика ЭФ пожелания добра с различными мотивами в лезгинской и украинской лингвокультурах

Мотивы ЭФ пожелания добра	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
	К-во ЭФ	%	К-во ЭФ	%
‘здоровье’	90	13,8	130	18,3
‘долголетие’	75	11,5	50	7
‘добро’	65	10	80	11,3
‘счастье и удача’	53	8,2	71	10
‘рождение детей’, в т.ч.	107	16,5	94	13,2
– независимо от пола:	20	3,1	63	8,9
– ‘рождение сына’;	63	9,7	15	2,1
– ‘рождение дочери’	24	3,7	16	2,2
‘богатство’	30	4,6	64	9
‘покровительство Бога/Аллаха’	230	35,4	222	31,2
Всего	650	100	711	100

3.3.1. Таким образом, в лезгинской и украинской лингвокультурах ценностные приоритеты, отраженные в ЭФ пожелания добра, распределяются следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2. Иерархия мотивов ЭФ пожелания добра в лезгинской и украинской лингвокультурах

Место в иерархии	Мотивы ЭФ пожелания добра	
	Лезгинская лингвокультура	Украинская лингвокультура
первое	‘покровительство Аллаха’	‘покровительство Бога’
второе	‘рождение детей’	‘здоровье’
третье	‘здоровье’	‘рождение детей’
четвертое	‘долголетие’	‘добро’
пятое	‘добро’	‘счастье и удача’
шестое	‘счастье и удача’	‘богатство’
седьмое	‘богатство’	‘долголетие’

3.3.1.1. Первое место в иерархии традиционных духовных ценностей обоих языков занимает мотив ‘покровительство Бога/Аллаха’. Данный факт свидетельствует о том, что вера в могущество Всевышнего – ключевой элемент национального сознания украинцев и лезгин. В обоих языках ЭФ пожелания добра имеют религиозную основу.

3.3.1.2. Понятие ‘здоровье’ занимает разные позиции. В украинском языке количественные показатели использования ЭФ с данным мотивом выше, нежели в лезгинском языке. Это дает основания предполагать, что в украинской лингвокультуре здоровье ценится больше. Кроме того, следует отметить, что украинские ЭФ пожелания здоровья более разнообразны, что объясняется, с одной стороны, структурными и грамматическими особенностями сопоставляемых языков, с другой стороны, экстралингвистическими факторами, в частности особенностями национального сознания и мировосприятия. Как отмечают ученые, «каждый естественный язык имеет свой определенный способ восприятия и концептуализации мира» [Бессонова, 2002: 48]. В результате анализа зафиксировано, что украинским ЭФ пожелания здоровья, употребляющимся в качестве прощания, – *Будь здоров!, Бувай здоров!, Иди здоров!, Ходи здоров!, Залишайся здоров!, Зоставайся здоров!* в лезгинском языке соответствуют всего лишь две фразы – *Сагъ хьуй!, Сагърай!* ‘Будь здоров (‘Желаю здоровья!’), которые имеют универсальный характер и уместны в любых ситуациях общения. Данный факт говорит о том, что украинцы склонны к вариативности и более детальному членению коммуникативной ситуации, тогда как лезгины в выборе ЭФ опираются на традицию и воспринимают мир более абстрактно и синкретично. Кроме того, расширению состава ЭФ пожелания добра в украинском языке способствуют диминутивные суффиксы: *-еньк-, -ечк-, -к-* и др. (*Здоровенькі були! Доброго здоров’ячка!*), которые в лезгинском языке, несмотря на его агглютинативный характер, отсутствуют.

3.3.1.3. Примечательно, что количество ЭФ пожелания добра с мотивом ‘долголетие’ в лезгинском речевом этикете выше по сравнению с украинской

лингвокультурной традицией. Это можно объяснить тем, что долголетие с древних времен является мировоззренческой доминантой всех кавказских народов. По мнению ученых, данное явление имеет этнопсихологическую природу и заложено в особенном менталитете и культурных традициях кавказских горцев, согласно которым почетная роль в обществе принадлежит именно глубоким старцам.

3.3.1.4. Этнокультурные особенности имеют конструкции с мотивом ‘рождение детей’. В обеих культурах зафиксировано приблизительно одинаковое количество данных ЭФ. Это обусловлено тем, что наличие потомков и для лезгин, и для украинцев – главное условие семейного благополучия, то, без чего семья не может считаться полноценной. И все же в иерархии моральных и духовных ценностей лезгин ‘рождение детей’ занимает более высокую ступень. При этом следует отметить, что если в украинских ЭФ пожеланиях добра на половой принадлежности ребенка внимание, как правило, не акцентируется, то в лезгинской лингвокультурной традиции молодым на свадьбе принято желать побольше сыновей, поскольку именно они являются продолжателями рода, тогда как дочь создает семью для чужих: ср.: укр. *Щоб у вас було стільки діточок, як у небі зірочок!*; *Бодай на вас добра година та грошей торбина, а до того дівчорі сотні півчорі!*; *Скільки в стелі дощок, щоб у тебе було стільки дочок!*; *Скільки в лісі пеньків, щоб у тебе було стільки синків!*; лезг. *Хадайбур рухаяр хьуй!* ‘Чтоб рожала только сыновей!’; *Кьул ацІай рухваяр хьуй!* ‘Пусть вокруг очага много сыновей будет!’ и др. Роль своеобразных вербальных оберегов в лезгинском языке играют отрицательные ЭФ, адресованные матери (сестре) младенца: *Хва текьей!* ‘Сын твой пусть не умрет / будет жив!’; *Стха текьий тараллай хвад кьванди!* ‘Пусть брат, подобно сливе, не умрет!’.

3.3.1.5. Высокие количественные показатели в обоих языках имеют ЭФ с мотивами ‘добро’, ‘счастье и удача’. В представлениях обоих народов это ключевые понятия народного сознания, главные моральные категории, о чем свидетельствует приблизительно одинаковое количество ЭФ с данными мотивами. Вместе с тем, в украинской лингвокультуре эти понятия ценятся выше.

3.3.1.6. К наименее значимым мотивам в лезгинском языке относится ‘богатство’, украинском – ‘долголетие’.

4. Существенные различия наблюдаются в формально-грамматической организации лезгинских и украинских ЭФ пожелания добра.

В формально-грамматическом плане ЭФ пожелания добра представляют собой речевые конструкции, оформленные в виде опатива, – грамматической категории глагола, которая служит для выражения желания адресанта. Опатив выражает желание «в

чистом виде»; с его помощью говорящий сообщает, что ему хотелось бы, чтобы та или иная предполагаемая ситуация осуществилась [Шахбиева, 1999].

В различных языках категория оптатива выражается по-разному. В одних – она имеет специализированные формы, предназначенные для реализации именно этого значения, в других – выражается посредством альтернативных грамматических категорий.

4.1. В лезгинском языке, как и в других кавказских языках, оптатив – специализированная грамматическая категория, которая, по мнению исследователей, является ареальной чертой Кавказского региона, сформировавшейся под влиянием местных культур. Как отмечают исследователи, пожелания добра входят в повседневный этикет многих кавказских народов [Добрушина, 2005].

4.1.1. В лезгинском языке первостепенную роль в реализации оптативной семантики играет следующая грамматическая модель: глагольная форма, совпадающая с основой масдара (масдар в дагестанских языках – начальная форма глагола, сочетающая в себе признаки глагола и имени) + аффикс *-рай*, например: *авун* ‘делать’ – *авурай* ‘пусть сделает’; *хьун* ‘быть’ – *хьурай* ‘пусть будет’; *агакьун* ‘достигать’ – *агакьрай* ‘пусть достигнешь’: *Алад, чан хва, ваз хьсан рехь хьурай, вун ви метлебрихь агакьрай!* ‘Ступай, сын, счастливого тебе пути, да сопутствует тебе успех’ (дословно: ‘Иди, дорогой сын, тебе хорошая дорога пусть будет, ты своих целей пусть достигнешь’); *Хьсанвилер хьурай!* ‘Пусть будет с Вами благополучие!'; *Бахтар гурай!* ‘Удачи во всем!’ (дословно: ‘Пусть будет счастье / удача’); *Квез Аллагь куьмек хьурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!'; *Квез Аллагьди сагьвал ва шадвал гурай!* ‘Пусть даст Аллах Вам здоровье и радость на всю жизнь!'; *Куь кьвалахар Аллагьди вичи вилик кутурай!* ‘Дай, Аллах, чтоб Ваши дела пошли удачно!'; *Ви кьвалахар Аллагьди туйкьГуьррай!*; *Вун сагь-саламатдиз элкьвена хтурай!* ‘Твои дела пусть пойдут на пользу с Божьей помощью!; Чтоб ты благополучно вернулся!’ и др. В коммуникативной практике лезгин ЭФ подобной структуры наиболее востребованы.

4.1.2. Оптатив в лезгинском языке может иметь отрицательную форму, показателями которой являются аффиксы *т-/та-/те-*: *Ин азабар ваз такурай!* ‘Таких страданий пусть не увидишь ты’.

4.2. В украинском языке оптатив не выделяется в качестве самостоятельной грамматической категории, однако его значение реализуется с помощью других грамматических средств, в частности, императива. ЭФ пожелания добра в форме императива имеют явные черты формально-смыслового сходства с обычными императивными высказываниями со значением побуждения к действию. Однако в ЭФ пожелания добра предикат выражен «неволевым» глаголом, который не оказывает

прямого воздействия на собеседника, представляя собой своего рода «заклинание словом», выражение надежды на ближайшее осуществление желаемого (так называемый «вежливый императив»): *Будь здорова та весела!* Императив с семантикой ‘желание’ в составе ЭФ может быть представлен эксплицитно – формой глагола 2-3 лица единственного или множественного числа повелительного наклонения *Дай Боже (Бог) здоров'я!*; *Живіть з Богом!*, *Хай тобі Бог дає вік – і щасливий і добрий!* либо имплицитно, например, с помощью инфинитива – *Жити вам, поживати та добра наживати!* В украинском языке широко распространены ЭФ с компонентом *щоб*: *Щоб у вас руки не боліли!*; *Щоб ти добре вчився!*; *Щоб ви були такі веселі, як весна!*

4.3. В обоих языках ЭФ, реализующие оптативное значение, обнаруживают структурную неоднородность и представлены 2 типами:

1) ЭФ, в которых пожелание обращено непосредственно к собеседнику: лезг. *Ацукьдай сагьвал хьурай!* ‘Пусть войдет в Ваш дом здоровье!’, *Ваз шадвилер хьурай!* ‘Радости тебе!’, *КІвал кьени хьуй* ‘Да будет богат твой дом!’, укр. *Будь здорова, як вода, а багата, як земля!*; *Щоб у вас руки не боліли!*; *Щоб ти добре вчився!*;

2) ЭФ, в которых желание выражается опосредованно – через обращение к третьему лицу (чаще всего Богу/Аллаху), на которого возлагается ответственность за реализацию желаемого: укр. *Дай, Боже, час і пору добру!*; *Дай вам, Боже, легкого прожитку в новій хаті!*; лезг. *Вазни Аллагьди сагьвал гурай!* ‘Дай Аллах тебе здоровья!’, *Квез Аллагь куьмек хьурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!’. В современной коммуникативной практике обоих народов ЭФ первой группы встречаются чаще. Пожелания добра второй группы относятся к более древним по происхождению ЭФ, которые в прошлом использовались при совершении магических ритуалов.

5. Проведенное сопоставительное исследование позволяет сделать следующие выводы (см. пп. 5.1–5.10).

5.1. Пожелания добра в сопоставляемых языках – многочисленные, частоупотребительные ЭФ, которые являются неотъемлемой частью коммуникативного процесса, обслуживая различные ситуации общения (см. пп. 2.3, 2.4).

5.2. ЭФ пожелания добра относятся к перформативным высказываниям, в которых значение перформативности реализуется эксплицитно либо имплицитно. В обеих лингвокультурах к наиболее продуктивным коммуникативно-семантическим моделям относятся ЭФ с имплицитной перформативностью. ЭФ с эксплицитным перформативом зафиксированы только в украинском языке, в котором их использование ограничено определенными коммуникативными обстоятельствами (см. пп. 3.2.1, 3.2.2).

5.3. Обязательным элементом исследуемых ЭФ в обеих культурах является мотив пожелания. Украинские и лезгинские ЭФ пожелания добра характеризуются наличием общих мотивов: ‘покровительство Бога’, ‘добро’, ‘здоровье’, ‘счастье и удача’, ‘богатство’, ‘долголетие’ которые, однако, занимают разные позиции в иерархии духовных ценностей лезгин и украинцев (см. таблицы 1-2).

5.4. Как свидетельствуют статистические данные, первое место в ценностной иерархии обеих лингвокультур занимает мотив ‘покровительство Бога/Аллаха’ (см. п. 3.3.1.1.). Остальные мотивы распределяются по-разному.

5.5. В лезгинском языке вторым по значимости является мотив ‘долголетие’, в украинском – ‘здоровье’ (см. таблицы 1-2).

5.6. В обеих лингвокультурах зафиксирована значительная продуктивность ЭФ с мотивом ‘рождение детей’. Вместе с тем, в лезгинском языке они имеют более высокие количественные показатели. При этом в большинстве украинских ЭФ внимание на половой принадлежности ребенка не акцентируется, тогда как в лезгинской лингвокультуре доминируют ЭФ пожелания рождения сыновей (см. п. 3.3.1.4).

5.7. В украинском языке мотивы ‘здоровье’, ‘добро’, ‘счастье и удача’, ‘богатство’ занимают более высокий ранг по сравнению с лезгинским языком. В свою очередь, в лезгинской лингвокультуре мотивы ‘долголетие’ и ‘рождение детей’ ценятся выше по сравнению с украинской лингвокультурой (см. таблицы 1-2).

5.8. Самую низкую ступень иерархии в лезгинском языке занимает мотив ‘богатство’, украинском – ‘долголетие’ (см. п. 3.3.1.6).

5.9. В формально-грамматическом плане лезгинские ЭФ пожелания добра представляют собой оптативные высказывания, которые имеют специализированные формы выражения – положительные и отрицательные (см. пп. 4.1.1, 4.1.2). В украинском языке оптативность реализуется преимущественно с помощью императива, т.е. является семантической, а не грамматической категорией (см. п. 4.2).

5.10. ЭФ пожелания добра в сопоставляемых языках неоднородны и делятся на 2 группы: 1) ЭФ, обращенные непосредственно к адресату; 2) ЭФ, в которых пожелание выражается опосредованно – через обращение к Богу/Аллаху. В современном речевом этикете лезгин и украинцев ЭФ первой группы встречаются чаще (см. п. 4.3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Э. Н. Значения желательного наклонения (морфологического и синтаксического) лезгинского языка и их соответствия в английском и русском // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2009. № 4. С. 182-184.

2. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и языке // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
3. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк: НГПИ, 2002. 228 с.
4. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. Донецьк: ДонНУ, 2002. 362 с.
5. Вдовина Е. В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.
6. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 251-276.
7. Воробьева О. С. Семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов с первичным пространственным значением «внутри» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2017. Т. 13. Вып. 1-2 (35-36). С. 129-140.
8. Добрушина Н. Р. Семантическая зона опатива в нахско-дагестанских языках // *Вопросы языкознания*. 2005. № 5. С. 48-75.
9. Коморова Д. Ф. Контрастивный анализ межкультурных особенностей функционирования речевого акта пожелания на основе теории поля (на примере немецкого и русского языков) // *Иностранный язык и иноязычная культура в образовании: тенденции, проблемы, решения*. Томск: Ветер, 2004. С. 38-41
10. Мекеко Н. М. Сопоставительный анализ функционирования единиц речевого этикета тематической группы «Пожелание» в английском и русском языках: дисс. ...канд. филол. наук. М., 2001. 207 с.
11. Остин Дж. Л. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986. Вып. 17. С. 23-130.
12. Ранних Н. А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: дисс. ...канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.
13. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
14. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
15. Шахбиева М. Х. Структура формулы пожелания (на материале нахских языков) // *Фразеология в контексте культуры*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 318-327.
16. Grice H. P. *Logic and conversation* // *Syntax and Semantics*. 1975. Vol. 3. P. 41-58.
17. Kaliuščenko V. D. *Die Nominationstypologie eines Begriffs* // *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2013. S. 13-18 (*Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik 1*).
18. Marten-Cleef S. *Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte*. Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. 371 p.
19. Pisarek L. *Gratulacje jako akt mowy w języku rosyjskim w porównaniu z językiem polskim* // *Studia Neerlandica et Germanica*. Bratislawie, 1992. S. 295-302.

REFERENCES

1. Alieva, Je. N. (2009). Znacheniya zhelatelnogo nakloneniya (morfologicheskogo i sintaksicheskogo) lezghinskogo yazyka i ikh sootvetstviya v angliyskom i russkom [The values of the desired inclination (morphological and syntactic) of the Lezghin language and their correspondence in English and Russian]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya «Lingvistika». N 4. Pp.182-184. (In Russ.).
2. Апресян, Ю. Д. (1995). *Performativy v grammatike i yazyke* [Performatives in grammar and language]. In *Izbrannyye trudy*. M.: Yazyki russkoy kultury. T. 2. (In Russ.).

3. Balakay, A. G. (2002). *Russkiy rechevoy etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisaniya* [Russian speech etiquette and the principles of its lexicographic description]. Novokuznetsk: NGPI. (In Russ.).
4. Bessonova, O. L. (2002). *Otsinniy tezaurus angliyskoy movy: kognityvno-genderni aspekty* [Evaluative thesaurus of the English language: cognitive and gender aspect]. Donetsk: DonNU. (In Ukr.).
5. Vdovina, E. V. (2007). *Pozdravlenie i pozhelanie v rechevom etikete: kontseptualnyy i kommunikativnyy analiz* [Congratulation and wish in speech etiquette: conceptual and communicative analysis]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M. (In Russ.).
6. Wierzbicka, A. (1985). Rechevye akty. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Lingvisticheskaya pragmatika* [Speech acts]. M.: Progress. Vol. XVI. Pp. 251-276 (In Russ.).
7. Vorobeva, O. S. (2017). Semantika angliyskikh frazovykh i russkikh pristavochnykh glagolov s pervichnym prostranstvennym znacheniem «vnutr» [Semantics of English Phrasal and Russian Prefixal Verbs with the Primary Spatial Meaning «Inside»]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 13. Vyp. 1-2 (35-36). Pp. 129-140. (In Russ.).
8. Dobrushina, N. R. (2005). Semanticheskaya zona optativa v nakhsko-dagestanskikh yazykakh [Semantic Optative Zone in the Nakh-Dagestani Languages]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. N 5. Pp. 48-75. (In Russ.).
9. Komorova, D. F. (2004). Kontrastivnyy analiz mezhkulturnykh osobennostey funktsionirovaniya rechevogo akta pozhelaniya na osnove teorii polya (na primere nemetskogo i russkogo yazykov) [Contrastive analysis of intercultural features of the functioning of the speech act of desire on the basis of field theory (on the example of German and Russian languages)]. In *Inostrannyy yazyk i inoyazychnaya kultura v obrazovanii: tendentsii, problemy, resheniya*. Tomsk: Veter. Pp. 38-41. (In Russ.).
10. Mekeko, N. M. (2001). *Sopostavitelnyy analiz funktsionirovaniya edinits rechevogo etiketa tematicheskoy gruppy «Pozhelanie» v angliyskom i russkom yazykakh* [Comparative analysis of the functioning of speech etiquette units of the thematic group «Wish» in English and Russian]: diss. ... kand. filol. nauk. M. (In Russ.).
11. Ostin, Dzh. L. (1986). Slovo kak deystvie [Word as action]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 17. Pp. 23-130. (In Russ.).
12. Rannikh, N. A. (1994). *Rechevoy akt pozhelaniya i sposoby ego vyrazheniya v russkom yazyke* [Speech act of wishes and ways to express it in Russian]: diss. ... kand. filol. nauk. M. (In Russ.).
13. Trofimova, N. A. (2008). *Ekspressivnye rechevye akty. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz* [Expressive speech acts. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]. SPb: Izd-vo VVM. (In Russ.).
14. Formanovskaya, N. I. (2002). *Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticheskii podhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. M.: Russkiy yazyk. (In Russ.).
15. Shakhbieva, M. H. (1999). Struktura formuly pozhelaniya (na materiale nakhskich yazykov) [The structure of the wish formula (based on the Nakh language)]. In *Frazeologiya v kontekste kulture*. M.: Yazyki russkoy kulture. Pp. 318-327. (In Russ.).
16. Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Pp.41-58.
17. Kaliušchenko, V. D. (2013). Die Nominationstypologie eines Begriffs. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang. S. 13-18 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik 1).
18. Marten-Cleef, S. (1991). *Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte*. Göppingen: Kümmerle Verlag.

19. Pisarek, L. (1992). Gratulacje jako akt mowy w języku rosyjskim w porównaniu z językiem polskim. In *Studia Neerlandica et Germania*. Bratislawie. Pp. 295-302.

Ветрова Эльвира Сабировна – кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь
(e-mail: vetrova-75@ukr.net)
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий педагогический институт»
283001, Донецк, ул. Артема, 125

Vetrova Elvira S. – Candidate of Philology, Associate Profesor, Academic Secretary
(e-mail: vetrova-75@ukr.net)
State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk Pedagogical Institute»
125 Artyema, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 5 сентября 2017 г.

УДК 81'37'367.625

© 2017 О. С. Воробьева

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ И РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Статья посвящена сопоставительному исследованию семантики английских фразовых и русских приставочных глаголов. Устанавливается и описывается парадигма прямых и переносных значений рассматриваемых глагольных лексем, выявляются общие и отличительные черты в их семантической организации.

Ключевые слова: фразовый глагол, приставочный глагол, семантика, семантическая структура, прямое значение, переносное значение, метафорическое переосмысление.

© 2017 O. S. Vorobyova

MECHANISM OF FORMING THE SEMANTICS OF ENGLISH PHRASAL AND RUSSIAN PREFIXAL VERBS

The paper focuses on the contrastive semantic analysis of English phrasal and Russian prefixal verbs. The paradigm of direct and figurative meanings of the verbal lexemes under study is determined and described, common and distinctive features of their semantic organization are revealed.

Key words: phrasal verb, prefixal verb, semantics, semantic structure, direct meaning, figurative meaning, metaphoric transfer.

1. Теоретические основы сопоставительного изучения английских фразовых и русских приставочных глаголов. Словообразование как особый раздел лингвистики изучает, с одной стороны, закономерности образования новых слов, продуктивные словообразовательные модели, а с другой – результат предыдущих словообразовательных процессов, то есть лексем, состоящие из элементов более низкого уровня языка – словообразовательных морфем – и являющиеся, таким образом, производными единицами с точки зрения структуры и семантики. В глагольной таксономии современного английского языка к таким единицами, в частности, относятся так называемые «фразовые глаголы» (ФГ), представляющие собой устойчивые структурно-семантические сочетания монолексемного глагола и постозитивного компонента комплексной наречно-предложной природы, т.е. единицы типа *to get in* ‘входить’ – *to get out* ‘выходить’, *to count in* ‘привлекать (к участию)’ – *to count out* ‘исключать (из совместной деятельности)’. Несмотря на раздельноформленность указанных выше единиц и существование так называемого «словосочетательного» подхода к трактовке их категориального статуса [Аничков, 1961; Гурский, 1975; Берлизон, 1958], многие исследователи [Жлуктенко, 1954; Кубрякова, Ногина, 1975; Николаева, 1988; Bolinger, 1988; Kovács, 2014; Moon, 2009;

Vorobyova, 2015 и другие] придерживаются мнения, что второй, «постпозитивный», компонент («постпозитив») в структуре английских фразовых глаголов является словообразовательным элементом, а все сочетание – аналитическим словом.

В английском языке идея аналитических слов была предложена А. С. Ахмановой в связи с трактовкой фразовых глаголов, имеющих идиоматический характер [Ахманова, 1950: 480-482], а позже это понятие было перенесено Ю. А. Жлуктенко и на неидиоматические сочетания [Жлуктенко, 1954].

Е. С. Кубрякова и И. В. Ногина рассматривают фразовые глаголы как аналитические слова, появляющиеся в результате аналитической деривации, которая, в свою очередь, представляет собой «создание аналитического слова как производного, представляющего со структурной точки зрения несколькословное (обычно двусловное) наименование, а с семантической же точки зрения – единый номинативный знак, по смыслу эквивалентный слову, но не обладающий признаком его цельнооформленности» [Кубрякова, Ногина, 1975: 108-109]. Объективными критериями, подтверждающими эту точку зрения, являются: во-первых, вековая лексикографическая традиция, согласно которой исследуемые глагольные сочетания существуют для носителей английского языка как готовые словарные единицы; во-вторых, использование при толковании фразовых глаголов не только описательных оборотов, но и глаголов-синонимов, напр.: *to call off* = *to cancel* ‘отменять’, *to come in* = *to enter* ‘входить’; в-третьих, их постоянная и регулярная эквивалентность синтетическим словам при переводе на другие языки, напр.: *to finish off* – *заканчивать* (рус.) – *beenden* (нем.); в-четвертых, возможность ФГ функционировать с обстоятельствами, обычно места и времени, относящимися ко всему комплексу, напр.: *She was let out in the morning* – ‘Ее выпустили утром’; в-пятых, возможность образовывать с ними отрицательные формы (с помощью отрицательных частиц), а также причастные формы и обороты, адъективные и субстантивные дериваты.

И. Е. Аничков относит ФГ к разряду так называемых «составных глаголов», состоящих из двух компонентов, которые пишутся раздельно, но выражают одно понятие и выполняют функцию одного члена предложения [Аничков, 1961: 227].

«Сложными глаголами» называет исследуемые единицы Ю. А. Жлуктенко, который считает, что постпозитивные компоненты типа *up*, *down*, *in*, *out*, *on*, *off* выполняют в английском внутреннем глагольном словообразовании роль префиксов, образующих с глаголом одно семантическое целое, одно понятие [Жлуктенко, 1954: 106].

Впервые мысль о возможности функционирования английских постпозитивных компонентов (ПК) в качестве (постпозитивных) префиксов высказал профессор

В. А. Богородицкий. Тогда он дал им определение – «позиционно присоединенные к глаголу префиксы» [Богородицкий, 1959: 102-103].

Предположение о том, что постпозитивные компоненты в составе английских фразовых глаголов могут рассматриваться как единицы, функционально идентичные префиксам и удовлетворяющие определению словообразовательного форманта как компонента структуры деривата, выражается и в ряде современных работ по данной проблематике. В частности, вопросу о важной роли английских постпозитивов и русских приставок в обозначении пространственных ориентиров действия, а также английских фразовых и русских приставочных глаголов, способных передавать как первичные (пространственные), так и вторичные (отпространственные) смыслы, посвящена статья Е. В. Трубниковой «Пространственная семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов: сопоставительный аспект» [Трубникова, 2015]. Научный интерес в области исторического становления фразовых глаголов, а именно, их развития из префиксных глаголов в процессе анализации английского языка представляет также работа Г. Н. Игнатюк «Фразовые глаголы английского языка в диахроническом аспекте» [Игнатюк, 2016].

Соотношению глаголов с пространственными приставками и глагольно-постпозитивных сочетаний в английском языке посвящены и работы Т. Н. Николаевой, в которых эмпирически подтверждается точка зрения, что глаголы с постпозитивными компонентами появились в языке в результате исторического развития глаголов с пространственными приставками, а именно, за счет перехода безударного префикса, а, впоследствии, и отделяемой приставки в постпозицию. Этот процесс, в свою очередь, вызвал семантический сдвиг, в результате которого постпозитивные компоненты начали обозначать пространственную ориентацию действия, а префиксы, на основе ранее конкретных локальных значений, развили переносные качественно-оценочные значения, ср.: *to pick up* ‘поднимать, подбирать’, *to outdo* ‘превосходить, превышать’ [Николаева, 1988].

Данное исследование нацелено на то, чтобы подтвердить высказанную выше мысль об участии ПК в выражении пространственной ориентации действия, но в то же время расширить тезис о том, что английские префиксы «развили переносные значения», подтвердив результатами эмпирического исследования возможность переосмысления прямой конкретно-пространственной семантики и в семантической структуре постпозитивных компонентов.

Эта работа представляет собой фрагмент исследования, посвященного изучению изоморфных и алломорфных признаков в словообразовательной и семантической системах английских фразовых и русских приставочных глаголов (ПГ) на материале оппозиционных пар рассматриваемых глагольных единиц, имеющих первичные

пространственные значения «внутри» и «наружу», а именно, фразовых глаголов с компонентами *in* и *out* и русских глаголов с приставками *-в* и *-вы*.

В качестве эмпирического материала для данной статьи были выбраны английские фразовые глаголы с постпозитивным компонентом *in* (ФГ-*in*) и русские глаголы с приставкой *в-* (ПГ-*в*), в структуре которых постпозитив и префикс имеют первичное пространственное значение ‘внутри’. За единицу исследования принимаются однозначные ФГ-*in* и ПГ-*в* или лексико-семантические варианты (ЛСВ) двузначных или многозначных ФГ-*in* и ПГ-*в*. Общий объем выборки составляет 491 единицу (271 и 220 в английском и русском языках соответственно).

Задачи исследования можно сформулировать следующим образом: проследить развитие семантической структуры взятых для анализа постпозитивов и префиксов в значениях ФГ-*in* и ПГ-*в* от пространственных значений к абстрактным; выявить в этой связи закономерности и основные направления метафорического переосмысления первичных локативных значений постпозитива *in* и префикса *в-* в сопоставляемых языках; определить сходные и отличительные черты семантики рассматриваемых глагольных лексем и их речевой актуализации.

2. Механизм формирования семантики английских фразовых глаголов с постпозитивом *in* и русских глаголов с префиксом *в-*. Анализируемые фразовые и приставочные глаголы рассматриваются нами как словообразовательно мотивированные языковые единицы, имеющие прямые значения, во многом определяемые первичным пространственным значением постпозитива или префикса, а также переносные значения, основанные на метафорическом переосмыслении прямых значений постпозитивного компонента / префикса и исходного глагола (для ФГ) / глагольной основы (для ПГ).

2.1. Прямые значения ФГ-*in* и ПГ-*в*. Пространственная семантика деривационных формантов *in* и *в-* в сопоставляемых языках представлена первичным значением ‘внутри объекта локативной семантики’, которое реализуется в определенных сходных и отличных прямых, конкретно-пространственных значениях анализируемых фразовых и префиксных глаголов. В количественном отношении они представлены следующим образом: в общем объеме материала, включающем 310 единиц с прямым значением, 150 единиц составляют ФГ-*in* и 160 – ПГ-*в*.

2.1.1 Общие прямые значения рассматриваемых фразовых и префиксных глаголов могут быть объединены в следующую семантическую парадигму, иерархию выводимых друг из друга значений:

– ‘перемещаться внутрь объекта локативной семантики’ (35 ФГ-*in* и 38 ПГ-*в*), ср.: англ.: *to creep in* ‘вползать’, *to flutter in* ‘впорхнуть’; рус.: *вбегать*, *вплывать*;

– ‘помещать лицо, объект предметной семантики или субстанцию внутрь объекта локативной семантики’ (32 ФГ-*in* и 44 ПГ-*в*), ср.: англ.: *to bring in* ‘вносить’, *to cram in* ‘втискивать, впихивать’; рус.: *вталкивать, вгонять*;

– помещать один объект предметной семантики внутрь другого объекта предметной семантики (обычно с целью закрепления одного объекта в другом)’ (55 ФГ-*in* и 64 ПГ-*в*), ср.: англ.: *to dig in* ‘вкапывать’, *to brick in* ‘закладывать, заделывать кирпичами’; рус.: *вбивать, ввинчивать*;

– ‘оказывать физическое воздействие на лицо или предмет’ (8 ФГ-*in* и 5 ПГ-*в*), ср.: англ.: *to break in* ‘разнашивать (новую обувь, одежду)’, *to burn in* ‘обжигать гончарное изделие, чтобы закрепить рисунок’; рус.: *влеплять* (пощечину) кому-либо, *вписывать* (хук) кому-либо;

– ‘вводить в действие объект предметной семантики’ (6 ФГ-*in* и 4 ПГ-*в*), ср.: англ.: *to plug in* ‘включать (в розетку), подключать’, *to plumb in* ‘подключать (обычно предмет сантехники) к источнику воды’; рус.: *включать, врубать* (свет, прибор)’.

Несмотря на возможность описываемых фразовых и приставочных глаголов образовывать идентичную парадигму развития прямых значений, данные единицы, даже в рамках аналогичных значений, могут проявлять алломорфные свойства, в частности, в таких показателях, как объем семантической деривации, лексический состав деривационной базы, способы речевой актуализации. Это происходит, прежде всего, в силу разной морфологической структуры языков, которые данные производные единицы представляют.

Говоря об объеме семантической деривации, следует отметить, что английские глаголы, обозначающие ‘перемещение внутрь объекта локативной семантики’, в большей степени, чем их русские префиксные эквиваленты, могут допускать определенное переосмысление первичного конкретного значения, его модификацию дополнительными семантическими характеристиками. Так, например, английский глагол *to breeze in* имеет в своей семантической структуре кроме наиболее конкретно-пространственного первичного значения ‘вбегать, влетать’, соотносимого в первую очередь с семантикой его деривационной базы – существительного *breeze* ‘легкий ветер, бриз’, еще и другие, в определенной степени переосмысленные, но по-прежнему конкретно-пространственные значения ‘неожиданно приходиться, приезжать’ и ‘приходить в хорошем настроении, расположении духа’, а такие ФГ-*in*, как *to box in* и *to bundle in*, которые входят в группу каузативных локативных глаголов, объединенных толкованием ‘помещать лицо, объект предметной семантики или субстанцию внутрь объекта локативной семантики’ наряду с указанными выше ФГ *to bring in* ‘вносить’, *to cram in* ‘втискивать, впихивать’, проявляют генерализацию своих первичных пространственных значений ‘помещать в ящик, коробку’ и ‘завязывать в узел’, которые

трансформируются в конкретные, но все же более обобщенные ‘втискивать, впихивать куда-либо’ (*to box in*) и ‘наспех упаковывать (вещи)’ (*to bundle in*).

Анализ рассмотренных выше глаголов, обозначающих собственно перемещение в объект локативной семантики и каузацию перемещения с последующим нахождением в объекте локативной или предметной семантики, показывает, что лексический состав деривационной базы ФГ-*in* и ПГ-*в* в большинстве случаев является изоморфным и демонстрирует способ перемещения внутрь локативного или предметного объекта (ср. англ. *to twist in* и рус. *вкручивать*, которые могут быть объединены общим толкованием ‘помещать один объект предметной семантики в другой объект предметной семантики, выполняя действие, выраженное исходным глаголом или исходной глагольной основой’). Тем не менее, в некоторых случаях английский язык может проявлять большую степень деривационной диверсификации и допускать использование в качестве деривационной базы ФГ существительных: напр. *breeze* ‘легкий ветер, бриз’ в многозначном ФГ-*in to breeze in* 1) ‘вбегать, влетать’; 2) ‘неожиданно приходить, приезжать’; 3) ‘приходить в хорошем настроении, расположении духа’; *brick* ‘кирпич’ в глаголе *to brick in* ‘закладывать, заделывать кирпичами’.

Несмотря на сходство семантики английских ФГ-*in* и русских ПГ-*в*, обозначающих собственно перемещение или каузацию перемещения, при актуализации данных единиц в контексте наблюдается определенный алломорфизм. Так, в случае речевой реализации указанных фразовых глаголов локативный объект, внутрь которого направлено действие, имплицитруется контекстом, в то время, как соответствующие им русские приставочные глаголы обычно требуют вербализации локативного объекта в виде обобщенных фраз типа ‘в помещение’, ‘на территорию’, ‘внутри предмета’, в которых предлог дублирует значение ‘внутри локативного/предметного объекта’, заключенное в префиксе. В английском языке, главным образом в силу его аналитизма и большей склонности к экономии языковых средств, при необходимости вербально эксплицировать объектную валентность таких комплексных глаголов они трансформируются в сочетания типа *to run into a house* ‘вбегать в дом’, *to bring a ship into a harbor* ‘вводить судно в гавань’, которые подавляющее большинство лингвистов, занимающихся проблемой фразовых глаголов, рассматривают не как комплексные глагольные единицы, а как свободные сочетания глагола, предлога и существительного.

2.1.2. Констатируя наличие у английских ФГ-*in* и русских ПГ-*в* парадигмы общих прямых, конкретно-пространственных значений и совпадающую во многом продуктивность рассмотренных значений, необходимо отметить, что семантические

системы данных глагольных единиц содержат также и дифференциальные значения, характерные исключительно для фразовых или префиксных глаголов.

Английские ФГ-*in* обладают большим, по сравнению с русскими ПГ-*в*, набором дифференциальных значений. Так, специфическими для рассматриваемых фразовых глаголов являются статично локативное значение 'находиться, пребывать где-либо, обычно с определенной целью' (4 единицы), реализуемое в непереходных глаголах типа *to live in* 'жить по месту работы, учебы', *to eat in* 'есть дома (т.е. не в кафе или ресторане)', и каузативное локативное значение 'обеспечивать кого-либо местом встречи, кровом и т.п.', которое можно перефразировать как 'каузировать кого-либо находиться где-либо с определенной целью или временно проживать' (2 ЛСВ глагола *to have in*: 1) 'обеспечивать кровом (обычно работников)' и 2) 'принимать гостей'). Отсутствие в русском языке сопоставимых приставочных глаголов можно объяснить способностью постпозитивного компонента проявлять свою ярко выраженную наречную природу в составе непереходных ФГ и, в результате, употребляться без объекта пространственной семантики, что не характерно для русских приставок, в том числе и для префикса *в-*, в их локативных значениях. Специфичность конкретной локативной семантики фразовых глаголов с *in* заключается также в значении 'блокировать объект предметной семантики определенным образом' (8 единиц), которое можно проиллюстрировать синонимичными *to box in* и *to hem in* 'блокировать движение (напр., одного автомобиля или автомобилей другими автомобилями)', а также синонимичными *to lock in* и *to shut in*, которые имеют общее значение 'запирать кого-либо/что-либо'.

Дифференциальность конкретно-пространственной семантики русских ПГ-*в* заключается в наличии только двух значений, не обнаруженных в системе ФГ-*in*, а именно, статично локативного значения 'быть вместилищем, локативным объектом для лиц или объектов предметной семантики', реализуемого в глаголе *вместать* и значения 'проникать внутрь объекта предметной семантики', где 'проникновение' осуществляется человеком или другим живым существом, часто с помощью определенных частей тела или организма в целом' (4 единицы), напр.: *вгрызаться* (зубами), *впиваться* (губами (о человеке), всем телом (о пиявках)); *вцепляться* (руками, зубами).

2.2. Переносные значения ФГ-*in* и ПГ-*в*. Формирование в семантической структуре постпозитива *in* и приставки *в-* системы переносных значений осуществляется благодаря метафорическому переосмыслению описанного ранее конкретно-пространственного значения 'внутри локативного / предметного объекта', которое трансформируется в базовое переносное значение 'внутри абстрактного объекта, ситуации, состояния'. Данное исходное переносное значение анализируемых деривационных формантов наряду со значениями исходных глаголов (для ФГ-*in*) и

глагольных основ (для ПГ-в) обеспечивает развитие переносной (абстрактной) семантики изучаемых фразовых и приставочных глаголов.

В этой связи необходимо отметить, что в отличие от прямых конкретно-пространственных значений, которые в семантической системе рассматриваемых ФГ-*in* и ПГ-в в целом совпадают, их переносная семантика развивается в основном по-разному, проявляя больше отличий, чем сходств. В количественном отношении переносные ФГ-*in* и ПГ-в составляют 121 единицу и 60 единиц соответственно.

2.2.1. Для исследуемого эмпирического материала общей является следующая парадигма переносных значений:

– ‘приобщаться к объекту абстрактной семантики’ (26 ФГ-*in* и 20 ПГ-в), ср.: англ.: *to dig in* ‘укореняться, закрепляться (напр., о человеке в коллективе, о фирме на рынке и т.п.)’, *to dabble in* ‘вмешиваться (в дело, разговор)’; рус.: *вмешиваться* (в чьи-либо дела); *впутываться* (в неприятную ситуацию); *вживаться* (в образ, атмосферу); *вкушать* (славу, благодать);

– ‘вовлекать лицо в объект абстрактной семантики’ (32 ФГ-*in* и 12 ПГ-в), ср.: англ.: *to ease in* ‘постепенно приучать к работе (напр., новичка)’, *to drag in* ‘вовлекать, втягивать (в ситуацию, дело, обычно неприятные)’; рус.: *вовлекать, втягивать* (в неприятности); *ввергать, вгонять* (в тоску, печаль);

– ‘вводить в действие объект абстрактной семантики’ (12 ФГ-*in* и 4 ПГ-в), ср.: англ.: *to bring in* ‘вводить в силу, в действие (законопроект, норму, приговор и т.п.)’, *to phase in* ‘вводить (налоги, реформы); рус.: *воплощать* (планы, желания, мечты); *водворять* (мир, спокойствие);

– ‘овладевать объектом абстрактной семантики’ (4 ФГ-*in* и 2 ПГ-в), ср.: англ.: *to take in* ‘вбирать (знания, информацию)’; рус.: *впитывать* (знания, впечатления); *впивать* (напр., дыхание весны).

Несмотря на проиллюстрированную выше общность переносной семантики ФГ-*in* и ПГ-в, данные единицы могут проявлять алломорфные признаки, когда предметом исследования становятся средства реализации их объектной валентности.

Так, если английские ФГ-*in*, обозначающие ‘приобщение к абстрактному объекту’, сочетаются в основном с существительными, обозначающими совместную деятельность (напр., дело, разговор и т.п.), то сопоставимые с ними ПГ-в могут реализовывать свою объектную валентность за счет большего количества существительных разной абстрактной семантики (см. примеры выше).

2.2.2. Как и парадигма прямых значений рассматриваемых глагольных лексем, так и система их переносных значений характеризуется наличием значений, типичных только

для фразовых или приставочных глаголов. Большую семантическую прозрачность в этом отношении проявляют русские префиксные глаголы.

К специфическим значениям русских глаголов с префиксом *в-* относятся следующие: ‘проникать внутрь объекта абстрактной семантики’ (8 единиц), напр.: *вникать*, *вдумываться*, *вчитываться*; ‘помещать один объект абстрактной семантики внутрь другого объекта абстрактной семантики’ (12 единиц), напр.: *внедрять* (результаты, достижения в практику); *вносить* (поправки и т.п.); ‘передавать объект абстрактной семантики в пользование лицу’ (2 единицы), напр.: *вручать*, *вверять* (кому-либо свою судьбу, честь).

Представленным выше русским приставочным глаголам в английском языке могут соответствовать глагольно-адвербиальные фразы с предлогом *into* типа *to go deep into* для *вникать*, *to look closely into* ‘вдумываться’, а также глаголы с префиксом *in-*, реже – *en-*, ср.: *to inculcate* / *to engrain* ‘внедрять (результаты и т.п.) / укоренять (привычки и т.п.)’; *to include* ‘включать (информацию и т.п.)’, *to introduce* ‘вносить (напр. поправки); *to intrust* / *to entrust* ‘вверять (жизнь, судьбу и т.п.)’.

Английские фразовые глаголы с постпозитивом *in*, в отличие от сопоставляемых с ними русских глаголов с префиксом *в-*, могут выражать как семантически прозрачные, в большей степени выводимые из конкретно-пространственных значений переносные значения, так и более переосмысленные, в какой-то степени даже идиоматические значения. Среди них выделяются: производное от прямого ‘блокировать объект предметной семантики определенным образом’ переносное ‘блокировать абстрактное действие (14 единиц), напр.: *to box in* ‘препятствовать развитию (бизнеса)’, *to fence in* ‘ограничивать в возможностях’; производные от прямого ‘перемещаться внутрь объекта локативной семантики’ переносные ‘вступать в определенное межперсональное взаимодействие’ (18 единиц), напр.: *to drop in* ‘заходить в гости’; *to ring in* ‘звонить на радио, телевидение, чтобы выразить мнение, спросить совета’; *to muck in* ‘делать что-либо вместе, разделять участь’ и ‘вступать в определенное абстрактное взаимодействие’, напр.: *to merge in* = *to blend in* ‘сочетаться (о цветах, стилях); квалификативные значения ‘интенсифицироваться (о свойстве, качестве)’ (6 единиц), напр.: *to fade in* постепенно усиливаться (о звуке); становиться яснее, отчетливее (об изображении) и ‘терять присущее ранее свойство, качество’ (6 единиц), напр.: *to draw in* = *to close in* ‘становиться короче, сокращаться (напр. о днях)’, в которых постпозитив выполняет в большей степени эмфатическую функцию; а также значение, предполагающее выполнение социального или физиологического действия с ярко выраженной темпоральной характеристикой – ‘выполнять действие дольше, чем это необходимо’ (3 единицы), напр.: *to work in* ‘задерживаться на работе’, *to sleep in* = *to lie in* ‘спать допоздна, больше обычного’.

3. Выводы. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы и обобщения.

3.1. Данные анализа словообразовательных и семантических особенностей одной из наиболее продуктивных групп английских фразовых и русских приставочных глаголов, а именно, глаголов с постпозитивом *in* и префиксом *-в*, имеющих первичное пространственное значение «внутри», подтверждают тезис о том, что разноструктурные языки (аналитический английский и синтетический русский) могут проявлять значительные сходства в области словообразовательной и семантической деривации.

3.2. Обобщая информацию, полученную в результате изучения прямой, конкретно-пространственной семантики исследуемых глагольных единиц в общем и семантики постпозитивов / префиксов и исходных глаголов / глагольных основ в их составе в частности, можно говорить о семантическом изоморфизме рассматриваемых единиц, обусловленном четкой корреляцией направительной семантики постпозитива / префикса и семантически близких им глагольных значений движения, перемещения или нахождения в пространстве, физического воздействия на предмет, которые, в свою очередь, эксплицируют или имплицитно указывают способ 'проникновения *внутри* объекта локативной или предметной семантики' При этом количественные характеристики и продуктивность проанализированных единиц в прямых значениях в сопоставляемых языках во многом совпадают (см. 2.1. – 2.1.1).

3.3. Вместе с тем, отличия в морфологической структуре сопоставляемых языков, разная природа и категориальный статус постпозитивных компонентов и префиксов в составе рассматриваемых фразовых и префиксных глаголов приводят к тому, что сходные в семантическом плане единицы проявляют алломорфные черты, когда речь заходит о конкретных механизмах развития значений и об особенностях актуализации данных единиц в тексте. Так, русские глаголы, образованные с помощью префиксов, более тяготеющих по своей природе к предлогам, обычно нуждаются в экспликации своей объектной валентности посредством предложных фраз, при этом английские фразовые глаголы, в составе которых второй компонент проявляет комплексную наречно-предложную природу, могут обходиться без этой объектной экспликации, чаще употребляться как непереходные глаголы (см. 2.1.1 – 2.1.2).

3.4. В ходе исследования было установлено, что процесс формирования переносной (абстрактной) семантики рассматриваемых глаголов, носит в основном закономерный характер, основанный на метафорическом переосмыслении прямых значений постпозитивов и префиксов в структуре комплексной лексики английского фразового и русского приставочного глагола. При этом образование вторичных, отпространственных

значений русских префиксных глаголов осуществляется более предсказуемо, чаще всего посредством метафоризации прямых значений с сопутствующим изменением качественного состава объектной валентности; в английском языке фразовые глаголы, предположительно, в силу проявления наречного характера постпозитивов, могут развивать свою абстрактную семантику в направлении более широкой парадигмы переосмысленных значений (см. 2.2 – 2.2.2).

3.5. Преобладание в количественном отношении английских ФГ-*in* и русских ПГ-*в* с прямым, пространственным значением (см. 2.1.) может свидетельствовать о том, что несмотря на активное развитие переносной семантики данных единиц, постпозитив и префикс в их составе остаются, прежде всего, средствами выражения пространственных ориентиров действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничков И. Е. Адвербиальные послелогои в современном английском языке. Вопросы германской и романской филологии // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института. Пятигорск, 1961. Т. 24. С. 221-253.
2. Ахманова О. С. К вопросу о словосочетании в современном английском языке // Известия АН СССР. Отдел литературы и языка. М., 1950. Т. 9. С. 476-499.
3. Берлизон С. Б. Сочетания типа *to go in, to cry out, to speed up, to give up* в современном английском языке // Иностранные языки в школе. М., 1958. № 6. С. 9-24.
4. Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 184 с.
5. Гурский С. Е. Глагольные сочетания типа *go out, melt away* в современном английском языке. Львов: Вища школа, 1975. 183 с.
6. Жлуктенко Ю. А. О так называемых «сложных глаголах» типа *stand up* в современном английском языке // Вопросы языкознания. М., 1954. № 5. С. 105-113.
7. Игнатюк Г. Н. Фразовые глаголы английского языка в диахроническом аспекте // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий / под ред. Л. Н. Ягуповой. Пятигорск, 2016. С. 85-91.
8. Кубрякова Е. С., Ногина И. В. Проблемы функционирования частиц типа *out* в системе словообразования современного английского языка // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1975. Вып. 3. С. 107-115.
9. Николаева Т. Н. Номинативный характер глагольно-постпозитивных образований и глаголов с пространственными префиксами в современном английском языке // Вестник Киевского университета. Романо-германская филология. Киев, 1988. Вып. 22. С. 35-37.
10. Трубникова Е. В. Пространственная семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов: сопоставительный аспект // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 394. С. 66-73.
11. Bolinger D. The Phrasal Verbs in English. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1988. 307 p.
12. Kovács E. Spotighting English Phrasal Verbs // Journal of Languages for Specific Purposes. 2014. 1 (1). P. 7-21. Available at <https://doaj.org/article/6b79f9be4a97b46d7a9ffe9a2191d40cc> (accessed: 25/05/2015).
13. Moon R. Metaphor and Phrasal Verbs // The Macmillan Phrasal Verbs Plus Dictionary. Language Study. Oxford: Macmillan, 2009. P. 5-9.
14. Vorobyova O. Derivation within English Phrasal Verbs // International Research Journal. 2015. № 1 (32). Part 3. P. 45-48. Available at: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2015/02/1-3-32.pdf>. (accessed: 03.03.2015).

REFERENCES

1. Anichkov, I. E. (1961). Adverbialnye poslelogi v sovremennom angliyskom yazyke [Adverbial postpositions in Modern English]. In *Uchenye zapiski Pyatigorskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Pyatigorsk. Vol. 24. Pp. 221-253. (In Russ.).
2. Ahmanova O. S. (1950). K voprosu o slovosochetanii v sovremennom angliyskom yazyke [On the word combination in Modern English]. In *Izvestiya AN SSSR*. Moskva. Vol. 9. Pp. 476-499. (In Russ.).
3. Berlizon, S. B. (1958). Sochetaniya tipa *to go in, to cry out, to speed up, to give up* v sovremennom angliyskom yazyke [Combinations like *to go in, to cry out, to speed up, to give up* in Modern English]. In *Inostrannye yazyki v shkole*. No 6. Pp. 9-24. (In Russ.).
4. Bogoroditskiy, V. A. (1959). *Vvedenie v izuchenie sovremennykh romanskikh i germanskikh yazykov* [An Introduction to the study of modern Romanic and Germanic languages]. Moskva: Izd-vo lit. na inostr. yaz. (In Russ.).
5. Gurskiy, S. E. (1975). *Glagolnye sochetaniya tipa go out, melt away* v sovremennom angliyskom yazyke [Verbal combinations like *go out, melt away* in Modern English]. Lvov: Vishcha shkola. (In Russ.).
6. Zhluktenko, Yu. A. (1954). O tak nazyvaemykh «slozhnykh glagolakh» tipa *stand up* v sovremennom angliyskom yazyke [On the so called «compound verbs» like *stand up* in Modern English]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No 5. Pp. 105-113. (In Russ.).
7. Ignatyuk, G. N. (2016). Frazovye glagoly angliyskogo yazyka v diakhronicheskom aspekte [English phrasal verbs in diachronic aspect]. In L. N. Yagupova (ed.) *Sopostavitelnye i diakhronicheskie issledovaniya yazykovykh edinits i kategoriy*. Pyatigorsk. Pp. 85-91. (In Russ.).
8. Kubryakova, E. S., Nogina, I. V. (1975). Problemy funktsionirovaniya chastits tipa *out* v sisteme slovoobrazovaniya sovremennogo angliyskogo yazyka [The problems of functioning of particles like *out* in the word-building system of Modern English]. In *Slovoobrazovanie i ego mesto v kurse obucheniya inostrannomu yazyku*. Vol. 3. Pp. 107-115. (In Russ.).
9. Nikolaeva, T. N. (1988). Nominativnyy kharakter glagolno-postpozitivnykh obrazovaniy i glagolov s prostranstvennymi prefiksami v sovremennom angliyskom yazyke [Nominative character of verbal-postpositive combinations and verbs with spatial prefixes in Modern English]. In *Vestnik Kievskogo universiteta*. Vol. 22. Pp. 35-37. (In Russ.).
10. Trubnikova, E. V. (2015). Prostranstvennaya semantika angliyskikh frazovykh i russkikh pristavochnykh glagolov: sopostavitelnyy aspekt [Spatial semantics of English phrasal and Russian prefixal verbs: contrastive study]. In *Vestn Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 394. Pp. 66-73. (In Russ.).
11. Bolinger, D. (1988). *The Phrasal Verbs in English*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
12. Kovács, E. (2014). Spotighting English Phrasal Verbs. In *Journal of Languages for Specific Purposes*. 1 (1). Pp. 7-21. Available at <https://doaj.org/article/6b79fbc4a97b46d7a9ffe9a2191d40cc> (accessed: 25/05/2015).
13. Moon, R. (2009). Metaphor and Phrasal Verbs. In *Language Study of The Macmillan Phrasal Verbs Plus Dictionary*. Oxford: Macmillan. Pp. 5-9.
14. Vorobyova, O. (2015). Derivation within English Phrasal Verbs. In *International Research Journal*. No 1 (32). Part 3. Pp. 45-48. Available at: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2015/02/1-3-32.pdf>. (accessed: 03.03.2015).

Воробьева Оксана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры германской филологии (e-mail: vorobyovaoksana27@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Vorobyova Oksana S. – Candidate of Philology, Associate Professor, Doctorate Student at the Department of German Philology (e-mail: vorobyovaoksana27@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 12 сентября 2017 г.

MORPHOLOGICAL NATURE OF SYNTAGMAS AND FREQUENCY OF THEIR USAGE IN THE ENGLISH SPEECH

The paper deals with the minimal common speech structure – syntagma which is in the core of all kinds and forms of speech activity. Attention is paid to morphological nature of syntagmas. Typological features of the syntagma as the utmost minimal non-discrete speech unit are enumerated. The comparative analysis of the structure, length and frequency of syntagmas in belles-lettres, colloquial and scientific speech is carried out.

Key words: *speech, noun syntagma, verbal syntagma, nature, adverbial, frequency, context.*

© 2017 E. V. Филатова

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СИНТАГМ И ЧАСТОТНОСТЬ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена минимальной общеречевой структуре – синтагме, которая лежит в основе всех видов и форм речевой деятельности. Уделяется внимание морфологической природе синтагм. Перечисляются типологические признаки синтагмы как предельно минимальной (недискретной) речевой единицы. Осуществляется сопоставительный анализ структуры, длины и частотности синтагм в художественной, разговорной и научной речи.

Ключевые слова: *речь, именная синтагма, глагольная синтагма, природа, наречный, частотность, контекст.*

The practical part of the scientific research provided here is the continuation of the material given in the author's scientific article [Filatova, 2016]. It is based both on the basic work [Scherba, 2004] and contemporary investigations [Demyankov, 1996; Kalashnikova, 2015, Kishalova, 2015; Rayeva, Riyehakaynen, 2015; Rodionova, 2014; Sinitsina, 2010; Aarts, 2001].

The syntagmatic nature of the speech makes researchers pay more attention to syntagmas as initial units of speech creation and perception. Syntagmas are multifold units. Their typological characteristics are realized by means of different factors: 1) structure; 2) size; 3) internal and external constraints and meanings; 4) morphological nature; 5) frequency of usage in speech; 6) functions; 7) relations with oral and written forms of speech; 8) relations with other speech units.

As for the structure syntagmas are simple, one-word, composite including more than one word. As for dividedness / nondividedness being minimal speech components they are non-discrete in spite of their composite character because they are made by instant coalescence of some words to denote a minimal single fact or an indivisible fragment of a certain situation.

As for the size their syntagmas are divided into one-word, two-word, three-word, etc. In the English speech a syntagma includes up to 14 words.

Frequency of syntagmas in speech is a very important indicator of their functioning activity. It is determined by their size and morphological nature. The most active syntagmas in the English speech are four-word and three-word ones. They comprise correspondingly 18 and 16 percent of the text. With the increase of syntagmas' size (starting with six-word ones) their frequency gradually goes down. For example, in the Russian and Ukrainian speech syntagmas' frequency goes down starting with four-word structures. As for morphological nature noun and verbal syntagmas are the most frequent ones. Other morphological types of syntagmas are single in speech.

Syntagmas have several functions but there are only two main ones: speech creation in consequent linear augment and its perception via their consequent comprehension. These functions are obvious in the oral speech but in the written one there is no difficulty in its determination by means of the author's intonation modeling "inscribed" in the text.

Morphological nature of syntagma is determined by its keyword belonging to a definite part of speech. By this feature we distinguish **noun** syntagmas (their keyword may be a noun, a pronoun, an adjective, a numeral or any other category of state naming this or that condition). There is a great number of realities in the world. They are all characterized by their features, qualities, characteristics. It is natural that in the world of realities in the people's speech life noun syntagmas are very active. Realities carry out different actions or they are subject to them, they find themselves in different conditions. In such a way we distinguish **verbal** or **adverbial** syntagmas. They may be presented by words of special lexical group which are used as parentheses in the speech (*however, say, well, please, therefore, etc.*). Their morphological qualification is difficult to define as this word group is not studied well. V. V. Vinogradov defined it as "modal words" [Vinogradov, 1975: 53].

Syntagmas may be represented by interjections, prepositions, particles, conjunctions, i.e. different morphological means with a certain speech meaning. A syntagma symbolizes both a combination and unity of words as a means of precise and definite linguistic reflection of reality. In the language system while studying the combinability of words the stress is made on word combinations as metalanguage structures. For example, in lexicology it is a study of sense combinability, in morphology it is a clarification of analytical forms of words, in syntax it is a study of semantic and grammar collocations.

Usually they are regarded on the level of binary combinations. As a result the morphological nature of a word-combination is determined by means of a part-of-speech representation of both lexical components, i. e. *substantive adjective word-combination, verbal substantive, verbal adverbial* and so on. Typical stable phenomena of the language sphere are reflected.

But in the speech sphere this approach to syntagmas is not appropriate. Because, firstly, the speech is an individual, creative phenomenon supposing both typical nature and subjectivity; secondly, the structure of a syntagma may include more than ten components referring to several parts of speech. Nevertheless, a syntagma remains a **nondiscrete speech unit** as it is an ultimate minimal speech structure. There are no speech units less than a syntagma. Therefore it is appropriate to define its morphological nature by its keyword.

To illustrate the mentioned above let us refer to the English speech and clarify the morphological nature of the syntagmas in the short story “A Friend in Need” by Somerset Maugham on the basis of the context in one hundred syntagmas.

<i>For thirty years now</i>	— adverbial;
<i>I have been studying my fellow-men.</i>	— verbal;
<i>I do not know very much about them.</i>	— verbal;
<i>I suppose</i>	— verbal;
<i>it is on,</i>	— verbal;
<i>the face</i>	— noun;
<i>that for the most part</i>	— noun;
<i>we judge the persons</i>	— verbal;
<i>we meet.</i>	— verbal;
<i>We draw our conclusions</i>	— verbal;
<i>from the shape of the jaw,</i>	— noun;
<i>the look in the eyes,</i>	— noun;
<i>the shape of the mouth.</i>	— noun;
<i>I shrug my shoulders</i>	— verbal;
<i>when people tell me</i>	— verbal;
<i>that their first impressions of a person</i>	— noun;
<i>are always right.</i>	— verbal;
<i>For my own part</i>	— noun;
<i>I find</i>	— verbal;
<i>that the longer I know people</i>	— verbal;
<i>the more they puzzle me:</i>	— verbal;
<i>my oldest friends</i>	— noun;
<i>are just those</i>	— verbal;
<i>of whom</i>	— noun;
<i>I can say</i>	— verbal;
<i>that I don't know anything about them.</i>	— verbal;
<i>These thoughts have occurred to me</i>	— verbal;
<i>because I read in this morning's paper</i>	— verbal;
<i>that Edward Hyde Burton had died at Kobe.</i>	— verbal;
<i>He was a merchant</i>	— verbal;
<i>and he had been in Japan</i>	— verbal;
<i>for many years.</i>	— adverbial;
<i>I knew him very little,</i>	— verbal;

<i>but he interested me</i>	— verbal;
<i>because once</i>	— adverbial;
<i>he gave me a great surprise.</i>	— verbal;
<i>If I had not heard the story from his own lips</i>	— verbal;
<i>I should never have believed</i>	— verbal;
<i>that he was capable of such an action.</i>	— verbal;
<i>It was the more startling</i>	— verbal;
<i>because both his appearance and his manner</i>	— noun;
<i>gave the impression of a very different man.</i>	— verbal;
<i>He was a tiny little fellow,</i>	— verbal;
<i>very slender,</i>	— noun;
<i>with white hair,</i>	— noun;
<i>a red face much wrinkled,</i>	— noun;
<i>and blue eyes.</i>	— noun;
<i>I suppose</i>	— verbal;
<i>he was about sixty</i>	— verbal;
<i>when I knew him.</i>	— verbal;
<i>He was always neatly and quietly dressed</i>	— verbal;
<i>in accordance with his age and station.</i>	— noun;
<i>Though his offices were in Kobe</i>	— verbal;
<i>Burton often came down to Yokohama.</i>	— verbal;
<i>I happened</i>	— verbal;
<i>on one occasion</i>	— adverbial;
<i>to be spending a few days there,</i>	— verbal;
<i>waiting for a ship,</i>	— verbal;
<i>and I was introduced to him at the British Club.</i>	— verbal;
<i>We played bridge together.</i>	— verbal;
<i>He played a good game</i>	— verbal;
<i>and a generous one.</i>	— noun;
<i>He did not talk very much,</i>	— verbal;
<i>either then or later</i>	— adverbial;
<i>when we were having drinks,</i>	— verbal;
<i>but what he said</i>	— verbal;
<i>was sensible.</i>	— verbal;
<i>He had a quiet, dry humour.</i>	— verbal;
<i>He seemed</i>	— verbal;
<i>to be popular at the club</i>	— verbal;
<i>and afterwards,</i>	— adverbial;
<i>when he had gone,</i>	— verbal;
<i>they described him</i>	— verbal;
<i>as one of the best.</i>	— noun;
<i>It happened</i>	— verbal;
<i>that we were both staying at the Grand Hotel</i>	— verbal;
<i>and next day</i>	— adverbial;
<i>he asked me</i>	— verbal;

<i>to dine with him.</i>	— verbal;
<i>I met his wife,</i>	— verbal;
<i>fat,</i>	— noun;
<i>elderly</i>	— noun;
<i>and smiling,</i>	— noun;
<i>and his two daughters.</i>	— noun;
<i>It was evidently a united</i>	— verbal;
<i>and loving family.</i>	— noun;
<i>I think</i>	— verbal;
<i>the chief thing</i>	— noun;
<i>that struck me about Burton</i>	— verbal;
<i>was his kindness.</i>	— verbal;
<i>There was something very pleasing</i>	— verbal;
<i>in his mild blue eyes.</i>	— noun;
<i>His voice was gentle;</i>	— verbal;
<i>you could not imagine</i>	— verbal;
<i>that he could raise it in anger;</i>	— verbal;
<i>his smile was kind.</i>	— verbal;
<i>Here was a man</i>	— verbal;
<i>who attracted you</i>	— verbal;
<i>because you felt in him</i>	— verbal;
<i>a real love for his fellows</i>	— noun.

Basic data: 100 syntagmas. They are:

Verbal	— 68;
Noun	— 25;
Adverbial	— 7.

In the belles-lettres speech by Somerset Maugham verbal syntagmas prevail: 68%. Noun syntagmas – 25%. Adverbial syntagmas – 7%. There are essential distinctions in their frequency.

The similar task was made with the belles-lettres speech by J. D. Salinger (“The Catcher in the Rye”), with colloquial and scientific speech (N. Chomsky and L. Bloomfield), two contexts and the length of one hundred syntagmas each. The comparison of data of three speech spheres – belles-lettres, colloquial and scientific – allowed us to conclude in regard to morphological types of its functioning syntagmas and their frequency of usage. They are represented in Table 1.

Table 1. *Morphological structure of syntagmas and their frequency in English belles-lettres, colloquial and scientific speech*

Morphological nature of syntagmas and their frequency in English speech						
№ seriatim	Morphological types of syntagmas	Belles-lettres speech	Colloquial speech	Scientific speech	Total	Usage %
1	Verbal	133	129	111	373	62,2
2	Noun	55	49	74	178	29,7
3	Adverbial	12	17	15	44	7,3
4	Interjection	–	3		3	0,5
5	Conjunction	–	2		2	0,3
	SUM TOTAL	200	200	200	600	100

While comparing these results with the situation in similar Russian and Ukrainian speech it was ascertained:

1. Noun syntagmas comprise:

in **Russian** belles-lettres speech – 48% of its format,

in colloquial speech – 44%,

in scientific speech – 60%,

in Russian speech total – 52%;

in **Ukrainian** belles-lettres speech – 40%,

in colloquial speech – 38%,

in scientific speech – 77%,

in Ukrainian speech total – 55%;

in **English** belles-lettres speech – 28%,

in colloquial speech – 25%,

in scientific speech – 37;

in English speech total – 29,7 %

2. Verbal syntagmas comprise:

in **Russian** belles-lettres speech – 48%,

in colloquial speech – 46%,

in scientific speech – 35%,

in Russian speech total – 44%;

in **Ukrainian** belles-lettres speech – 56%,

in colloquial speech – 58%,

in scientific speech – 22%,

in Ukrainian speech total – 43%;

in **English** belles-lettres speech – 66,7%,

in colloquial speech – 64,5%,

in scientific speech – 55,5%,

in English speech total – 62,2%.

Table 2. Morphological nature of syntagmas and their frequency in Russian, Ukrainian and English speech

Morphological nature of syntagmas	Quantity of syntagmas in different types of speech and percentage of their frequency														
	Russian speech					Ukrainian speech					English speech				
	BS*	CS	SS	Total Russian speech	Speech frequency percentage %	BS	CS	SS	Total Ukrainian speech	Speech frequency percentage %	BS	CS	SS	Total English speech	Speech frequency percentage %
Noun	144	44	121	309	51,6	80	38	154	272	54,4	55	49	74	178	29,7
Verbal	145	46	71	262	43,6	115	58	44	217	43,4	133	129	111	373	62,2
Adverbial	7	7	5	19	3,2	4	2	1	7	1,4	12	17	15	44	7,3
Modal words as syntagmas	2	3	3	8	1,3	1			1	0,2					
Interjections as syntagmas												3		3	0,5
Conjunctions as syntagmas												2		2	0,3
Particles as syntagmas	2			2	0,3		2	1	3	0,6					
Prepositions as syntagmas															
Total syntagmas	300	100	200	600	100	200	100	200	500	100	200	200	200	600	100

* Note: **BS** – belles-lettres speech, **CS** – colloquial speech, **SS** – scientific speech.

Table 2 represents a set of factors. In Russian belles-lettres and colloquial speech noun and verbal syntagmas are in terms of numbers used roughly identically. In scientific speech noun syntagmas are used more often than verbal ones in 1,7 times. Their correlation is about three to two.

In Ukrainian belles-lettres and colloquial speech verbal syntagmas prevail correspondingly but in scientific speech noun syntagmas are used more often than verbal ones in 3,5 times.

In English speech in all spheres verbal syntagmas prevail notably. In belles-lettres speech they are used more often than noun ones in 2,4 times, in colloquial speech – in 2,6 times, in scientific speech – in 1,5 times. In total verbal syntagmas are used in 2 times more often than noun ones in English speech.

REFERENCES

1. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53-87.
2. Демьянков В. З. Продуцирование, или порождение речи // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 129-134.
3. Калашникова А. Р. Синтагма как основная единица ритма прозаического текста (на материале газетной публицистики) // Известия Волгоградского государственного университета. 2015. № 9-10 (104). С. 109-116.
4. Кишалова Л. В. Экспериментальное исследование роли ритма прозаического текста в процессе его восприятия // Известия Волгоградского государственного университета. 2016. № 2 (106). С. 142-149.
5. Раева О. В., Риехакайнен Е. И. Синтагма и сегментация в устной спонтанной речи // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4 (32). С. 14-20.
6. Родионова О. С. К вопросу о синтагме и средствах ее реализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. Вып. № 5 (100). С. 171-177.
7. Синицына Л. В. К вопросу о принципах синтагматического членения современной дикторской речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 167-170.
8. Филатова Е. В. Сопоставительное исследование объёма синтагм в русской, украинской и английской речи // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2016. Вып. 1. С. 104-112.
9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
10. Aarts B. *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001. 368 p. (Modern linguistics series).
11. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2010. 2081 p.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Bloomfield L. *Language*. London. George Allen & Unwin Ltd. Museum Street. 1973. 566 p.
2. Chomsky N. *Syntactic structures*. The Hague, Mouton, 1957. 120 p.
3. Chomsky N. *Language and Mind*. Third Edition. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge University Press, 2006. 142 p.

4. Maugham S. A Friend in Need. Available at http://www.study.ru/books/william_somerset_maugham/12958.html. (accessed: 12.07.2017).
5. Palmer A. The art of asking. Available at https://youtu.be/xMj_P_6H69g. (accessed: 10.07.2017).
6. Ricci F. How to Change Careers when You're Lost. Available at <https://youtu.be/TUtx-wC5mqA>. (accessed: 15.07.2017).
7. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. Available at http://www.pu.if.ua/depart/Inmov/resource/file/samostijna_robota/Catcher_In_The_Rye_-_J_D_Salinger.pdf (accessed: 14.07.2017).

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1975). O kategorii modalnosti i modalnykh slovakh v russkom yazyke [About category of modality and modal words in Russian]. In *Izbrannye Trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike*. Moskva: Nauka. Pp. 53-87. (In Russ.).
2. Demyankov, V. Z. (1996). Produktivirovaniye, ili porozhdeniye rechi [Production or speech creation]. In E. S. Kubryakova (ed.) *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov*. Moskva. Pp. 129-134. (In Russ.).
3. Kalashnikova, A. P. (2015). Sintagma kak osnovnaya edinitsa ritma prozaicheskogo teksta (na materialye gazetnoy publitsistiki [A syntagma as the basic unit of the rhythm of a prosaic text]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. N 9-10 (104). Pp. 109-116. (In Russ.).
4. Kishalova, L. V. (2016). Experimentalnoe issledovanie roli ritma prozaicheskogo teksta v protsesse ego vospriyatiya [Experimental research of the role of rhyme in a prosaic text in the process of perception]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. N 2 (106). Pp. 142-149. (In Russ.).
5. Raeva, O. V., Riekhakaynen, E. I. (2015). Sintagma i segmentatsiya v ustnoy spontannoy rechi [Syntagma and segmentation of spontaneous speech]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. Vol. 4(32). Pp. 14-20. (In Russ.).
6. Rodionova, O. S. (2014). K voprosu o sintagme i sredstvakh yeyo realizatsii [To the question of syntagma and the means of its implementation]. In *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. Vol. 5 (100). Pp. 171-177. (In Russ.).
7. Sinitsina, L. V. (2010). K voprosu o printsipakh sintagmaticheskogo chleneniya sovremennoy diktorskoy rechi [On principles of syntagmatic segmentation of announcer's speech]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniiye*. No 1 (11). Pp. 167-170. (In Russ.).
8. Filatova, E. V. (2016). Sopostavitelnoye issledovaniye obyoma sintagm v russkoy, ukrainskoy i angliyskoy rechi [Contrastive study of syntagmas range in Russian, Ukrainian and English speech]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. N 1. Pp. 104-112. (In Russ.).
9. Scherba, L. V. (2004). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language system and speech activity]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
10. Aarts, B. (2001). *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol. (Modern linguistics series).
11. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Pearson Education Limited, 2010. 2081 p.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Bloomfield, L. (1973). *Language*. London. George Allen & Unwin Ltd. Museum Street.
2. Chomsky, N. (2006). *Language and Mind*. Third Edition. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge University Press.
3. Chomsky N. (1957). *Syntactic structures*. The Hague, Mouton.

4. Maugham S. *A Friend in Need*. Available at http://www.study.ru/books/william_somerset_maugham/12958.html. (accessed: 12.07.2017).

5. Palmer A. *The art of asking*. Available at https://youtu.be/xMj_P_6H69g. (accessed: 10.07.2017).

6. Ricci F. *How to Change Careers when You're Lost*. Available at <https://youtu.be/TUtx-wC5mqA>. (accessed: 15.07.2017).

7. Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. Available at http://www.pu.if.ua/depart/Inmov/resource/file/samostijna_robota/Catcher_In_The_Rye_-_J_D_Salinger.pdf (accessed: 14.07.2017).

Филатова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: taranushchenko@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Filatova Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of English for Natural Sciences and Humanities (e-mail: taranushchenko@mail.ru) State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 18 сентября 2017 г.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.124:378.461

© 2017 А. А. Агаркова,
О. А. Ширина

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению целей изучения латинского языка в медицинском вузе в сравнении с общедидактическими целями изучения иностранного языка вообще и целями изучения латинского языка как общеобразовательной дисциплины в филологическом вузе.

Ключевые слова: *государственный образовательный стандарт, цель дисциплины, практическая, общеобразовательная, воспитательная, развивающая цели; самореализация.*

© 2017 А. А. Agarkova,
О. А. Shirina

PURPOSES AND OBJECTIVES OF STUDYING LATIN IN THE SYSTEM OF HIGHER MEDICAL EDUCATION

The article presents the analysis of purposes and objectives of studying Latin in the higher medical educational establishment in comparison with the didactic aims of studying a foreign language in general and Latin in particular in a higher philological educational establishment.

Key words: *state educational standard, objective (goal) of the academic discipline, practical, general, didactic, progressive aims, self-actualization.*

In via est via in medicina sine lingua Latina – с этой пословицы обычно начинаются учебники латинского языка для профильных медицинских учебных заведений разного уровня аккредитации, эта пословица зачастую приветствует студентов на соответствующих кафедрах, смотрит на будущих врачей со стендов и плакатов. Нередко первое занятие по латинскому языку, для большинства студентов – совершенно незнакомому и новому предмету, – начинается именно с этой пословицы. Оспорить это утверждение, применимое к медицине как к современной системе наук практически невозможно, но нелишним представляется еще раз уточнить некоторые нюансы в понимании целей и задач изучения латинского языка на 1 курсе медицинского вуза.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по разным направлениям подготовки (лечебное дело, медико-профилактическое дело, педиатрия, стоматология и т.д.) от 2010 года предусматривает изучение в базовой части гуманитарного, социального и экономического цикла следующих обязательных дисциплин: «История отечества», «История медицины»,

«Философия», «Иностранный язык», «Латинский язык». Среди общих целей и задач, сформулированных для дисциплин всего гуманитарного, социального и экономического цикла, можно выделить следующие требования к результатам изучения собственно латинского языка:

«Знать: основную медицинскую и фармацевтическую терминологию на латинском и иностранном языках;

Уметь: использовать не менее 900 терминологических единиц и терминологических элементов;

Владеть: навыками чтения и письма на латинском языке клинических и фармацевтических терминов и рецептов» [Приказ об утверждении и введении в действие федерального государственного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 060101 лечебное дело, 2010; Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 060105 Медико-профилактическое дело, 2010].

При разработке программ дисциплины для разных направлений подготовки данные общие требования уточняются и незначительно корректируются под требования направления подготовки (например, для фармацевтического факультета почти полностью исключается гистолого-анатомическая номенклатура).

Цели дисциплины:

Заложить основы терминологической подготовки будущих специалистов, способных сознательно и грамотно применять фармацевтические термины на латинском языке.

А также термины греко-латинского происхождения на русском языке, понимать способы образования терминов и знать специфику в различных подсистемах фармацевтической терминологии.

Задачи дисциплины:

Научить студентов грамотно употреблять фармацевтические термины.

Научить студентов строить клинические термины по данным терминологическим элементам.

Определять общий смысл терминов на основании знания смысла отдельных его компонентов.

Сформировать у студентов умение быстро и грамотно переводить рецепты с русского языка на латинский и наоборот» [Лаптева, Наумченко, Брюховская, 2011: 4].

В программе изучения латинского языка Ивано-Франковского медицинского института конечная цель обозначена: «Використовувати греко-латинські медичні терміни

в практичній діяльності фахівця» (Использовать греко-латинские медицинские термины в практической деятельности специалиста).

Необходимость изучения латинского языка и практическая польза его для будущего врача во многом аксиоматична, хоть и доказывается в каждом учебнике, изданном и допущенном в качестве учебного пособия для студентов медицинских вузов: «A knowledge of the meaning of the roots, prefixes, and suffixes enables the student to analyze the medical terms into component parts. This is of the greatest aid in learning to understand the vocabulary of medicine» [Banay, 2013: 1].

Так, например, в учебнике С. А. Бельского под редакцией профессора П. И. Карузина, изданном в 1930 г. в Ленинграде, необходимость и обоснованность изучения латинского языка не ставится под сомнение, и аргументируется не в начале книги, а в отдельной статье приложения, впрочем, и там всего лишь мельком. В данном пособии краткое введение лишь описывает структуру учебника и поясняет методику работы с обращением к дополнительной справочной литературе и вариантами возможной погруженности в предмет: «Целью настоящего труда было дать пособие для студента-медика и молодого врача по латинскому языку, причем составитель исходил из желания представить вкратце полный обзор латинской грамматики с упражнениями и хрестоматией из Цельса... Кто не пожелает читать хрестоматию, тот сумеет обойтись и без синтаксиса» [Бельский, 1930: 4-5]. Приложение же состоит из отдельной статьи, как указывает составитель, специально написанной, чтобы развеять сомнения в правилах написания и произношения медицинских терминов, т.е. направленной всего лишь на пояснение сложных и сомнительных случаев орфографии и орфоэпии слов греческого происхождения.

В классическом, многократно переизданном, учебнике под редакцией Ю. Ф. Шульца, утверждается: «В наши дни греческий и латинский языки являются как бы строительным материалом, с помощью которого создаются новые и совершенствуются уже существующие в медицине наименования-термины; обогащается научная терминология ... Единая, постоянно обновляющаяся латино-греческая в своей основе терминология медицины способствует научному общению и обмену между учеными различных стран ... Поэтому медицинское образование немислимо без знания основ этой разветвленной и обновляющейся терминологии, преимуществом которой является точность и емкость» [Шульц, 1982: 13, 15-16].

Не менее распространенный, принятый как основное учебное пособие в современной системе медицинского образования Российской Федерации, учебник М. Н. Чернявского в третьем переиздании, видит своей целью недопущение снижения

профессионально-культурного уровня поколения новых врачей. «Автор исходит из убеждения, подкрепленного несколькими десятилетиями преподавательской деятельности и тесными контактами с представителями фундаментальных и клинических наук, что профессионально ориентированная дисциплина «Латинский язык и медицинская терминология» является неотъемлемым элементом обучения любой медицинской специальности. Усвоение этой дисциплины в рамках базового медицинского образования на 1 курсе способствует подготовке студентов второго и третьего уровней высшего образования и в конечном итоге, формированию терминологически грамотного врача, его профессиональной языковой культуры» [Чернявский, 2007: 5]. «Известно, что овладение профессией происходит в процессе последовательного усвоения профессионального языка, в том числе системы специальных понятий и выражающих их терминов» [Чернявский, 2007: 7].

Таким образом, цитату из введения в учебник [Чернявский, 2007: 4]: «Обучение элементам латинского языка строго подчинено обучению основам медицинской терминологии. Это значит, что студенты обучаются знаниям и умениям, необходимым главным образом для номинации – выражения латинскими терминами научных понятий в теоретических и практических дисциплинах медико-биологического и медицинского содержания», – можно принять за сконцентрированное выражение как целей и задач, так и методик изучения латинского языка на первом курсе медицинского вуза. Подобное же мнение высказывается и в зарубежных источниках, как в учебниках латинского языка для медицинских колледжей и университетов, так и в научных статьях. Стоит, однако, отметить, что в англоязычной традиции принят более утилитарный подход к изучению медицинской терминологии, в котором зачастую внимание полностью концентрируется на практических целях, на заучивании наизусть анатомических терминов, терминологических элементов, производных частиц, окончаний, а пониманием грамматики, взаимосвязью языков и культурологическим аспектом изучения языка пренебрегают [Basic of Medical Terminology ..., 2013: 7; Wulff, 2004: 187].

По нашему мнению, подобное во многом обусловлено спецификой медицинской лексики английского языка, которая практически полностью представляет собой упрощения латинских слов. Опыт показывает, что при изучении англоязычными студентами-иностранцами (представители Индии, Малайзии, Африки) анатомии и латинского языка на первом курсе медицинского вуза, преподаватель латинского языка сталкивается со множеством трудностей. Студенты не дифференцируют латинский и

английский медицинский термин, не понимают и с огромным трудом воспринимают принципы языка флективного типа, не понимают и, иногда, не воспринимают роль префиксов и суффиксов в медицинской терминологии. Особенную трудность в работе с этими студентами представляет их нацеленность на исключительную утилитарность любой информации из курса латинского языка, и, что наиболее интересно, непосредственно связанную с настоящим моментом времени (при изучении этики и медицинской этики, на наш взгляд, подобного не наблюдается, студенты осознают перспективы данных дисциплин и весьма адекватно воспринимают эти дисциплины, их прагматический подход полностью совпадает с реакциями отечественных студентов). Преподавателю латинского языка исключительно трудно реализовать общеобразовательную и развивающие цели в группах англоязычных студентов, центральной и доминирующей оказывается задача усвоения медицинской терминологии.

Следовательно, основная цель изучения латинского языка в медицинском вузе – усвоение медицинской терминологии; основные задачи – обучение анализу и синтезу клинических терминов, употреблению фармацевтических терминов в рецепте и заучивание основных единиц анатомо-гистологической терминологии.

Однако столь ограниченный фактический круг целей и задач изучения дисциплины не способствует формированию профессиональных и общекультурных компетенций, закрепленных в программах и федеральном стандарте: «Владеть: навыками изложения самостоятельной точки зрения, анализа и логического мышления, публичной речи, морально-этической аргументации, ведения дискуссий и круглых столов; принципами врачебной деонтологии и медицинской этики; навыками информирования пациентов различных возрастных групп в соответствии с требованиями правил «информированного согласия»; иностранным языком в объеме, необходимом для возможности получения информации из зарубежных источников» [Федеральный государственный образовательный стандарт..., 2010: 7].

Такие требования как владение навыками изложения (и, очевидно, формирования) самостоятельной точки зрения, анализа, логического мышления, морально-этической аргументации (и, по-видимому, в первую очередь – навыками морально-этического или нравственного суждения, создания собственного мировоззрения и системы морально-этических ценностей), формируются не в процессе изучения какой-либо одной дисциплины, а требуют комплексного подхода, создаются на стыке учебных дисциплин и воспитательного процесса.

Следовательно, декларируемые цели изучения латинского языка недостаточны, и требуют уточнения и, возможно, расширения. Попробуем рассмотреть спектр целей, которые выдвигаются в процессе изучения латинского языка в вузах другой направленности, среднем образовании.

Н. Л. Кацман, рассматривая изучение латинского языка в высшем филологическом образовании, выделяет следующие цели: «расширение лингвистического кругозора учащихся, развитие у них абстрактного грамматического мышления и научного подхода к родному и изучаемому западноевропейскому языку ... общекультурное развитие студентов через усвоение элементов античной культуры» [Кацман, 2003: 9].

А. В. Подосинов выдвигает те же три основных положения при определении целей изучения латинского языка в школе, делая особый упор на осознании учащимися принципов организации языка и общности языков индо-европейской семьи [Подосинов, 1996: 32].

Д. В. Дроздова соотносит декларируемые цели изучения латинского языка как общеобразовательного предмета с классификацией целей преподавания иностранного языка вообще, где, вслед за современными методистами [Щукин, 2002: 97], выделяет следующие: практическая; общеобразовательная; воспитательная; развивающая цели.

Под реализацией практической цели в высшем образовании (где латынь выступает не в качестве основной профессиональной дисциплины) понимается усвоение грамматики и лексики латинского языка в объеме, необходимом для чтения оригинальных латинских текстов со словарем [Дроздова, 2012: 6-7]. Сравним с требованием федерального стандарта для врачей «знать основную медицинскую и фармацевтическую терминологию на латинском и иностранном языках; уметь использовать не менее 900 терминологических единиц и терминологических элементов; и владеть навыками чтения и письма на латинском языке клинических и фармацевтических терминов и рецептов» [Федеральный государственный образовательный стандарт ..., 2010: 10-12]. Таким образом, практическая цель выступает как основная при изучении латинского языка, и определяет профессиональную компетентность врача, т.е. качество владения профессиональным языком, что многие исследователи считают непременным условием для собственно профессиональной компетентности специалиста.

И если Д. В. Дроздова справедливо указывает на объективную невозможность практического осуществления в полном объеме цели для филологического вуза (не

классической направленности), то достижения цели, заложенной в высшем медицинском образовании, вполне возможно даже в течение 72 часов практических занятий.

Возможность достижения практической цели обусловлена, в первую очередь, местом и ролью латинского языка в науке вообще и в медицине в частности. Латинский язык выступает как основа всей медицинской лексики, и источник терминологических элементов для создания новых терминов. Таким образом, латинский язык в медицинском вузе становится центральным предметом, обеспечивающим изучение всех профессиональных, доклинических и клинических дисциплин.

Выбор фактического материала для проведения занятий позволяет скоординировать усилия преподавателей и обеспечить достаточный уровень междисциплинарного единства. Опыт показывает, что дедуктивный и сравнительно-сопоставительный способы подачи и изучения материала, когда студенты (в определенных частностях, разумеется) реконструируют правила латинского языка, используя знания русского, украинского и иностранных изучаемых языков (английский, в основном, в сравнении лексики, немецкий и французский – грамматики), весьма продуктивны.

Так, при изучении первой темы – алфавита и правил чтения, – мы начинаем занятие с крылатых выражений, акцентируя внимание на взаимосвязи языков индоевропейской семьи. Так, первое крылатое выражение (*Alma mater*) анализируется с точки зрения:

1) единства корней (лексики);

2) синтаксической структуры латинского языка (правил согласования слов в словосочетании в сравнении с русским, украинским, английским – чаще всего – языками);

3) морфологии – частеречной принадлежности слов и признаков, ее определяющих (сразу же вводится понятие основы существительного в сопоставлении с русским языком, закладывается понимание рода существительного и согласования с ним прилагательного, равно как и формальных признаков отношения к роду у прилагательных 1-й группы – в сопоставлении с русским окончанием женского рода прилагательных и в противовес английскому прилагательному);

4) отношение языка к группе флективной или синтетической – что способствует выведению единых принципов строения языков разных групп, и впоследствии, при изучении общей психологии и педагогики (и клинических дисциплин, например, психиатрии), содействует пониманию единства базиса психологии человека;

5) особенности орфоэпии латинского языка как «мертвого», с указанием вариативности произношения, вытекающих из особенностей родного языка.

Следующие предложенные выражения (*Nota bene. Salve(te). Vale(te). Qui scribit, bis legit. Qui seminat mala, melet mala*) рассматриваются подобным же образом, предоставляя отличный материал для перспективной подачи темы глагол (основа глагола, повелительное наклонение в сравнении с русским, окончание *-te* латинского множественного числа и *-те* русского и украинского; окончание 3-го лица единственного числа в русском языке и в латинском, по возможности, сравнение с французским).

Интересным и перспективным является также вопрос об изменениях, которые претерпевают одни корни в различных языках как в истории языков, так и в настоящее время, взаимное влияние языков и разные способы заимствования слов и их жизни в языке-рецепторе. Также мы обращаем внимание студентов на так называемые «ложные друзья переводчика», по определению Норы Галль. Так, на втором занятии мы рассматриваем такие выражения как «*Lux in tenebris*» и «*Lux veritatis*». Помимо достаточно интересного материала для повторения темы долготы и краткости гласных, и рассмотрения новой темы постановки ударения, мы обращаем внимание на изменение значения слов: от латинского слова «*lux*» до английского «*luxury*», русского «люкс» и современной кальки «лакшери». К сожалению, большой объем материала, подлежащего усвоению, и недостаточное количество времени почти не дают возможности затронуть общекультурологические темы и вопросы чистоты языка как русского, так и английского (как наиболее распространенного сейчас иностранного языка).

Интересным и перспективным было бы обращение к общим культурологическим нюансам, но по причине ограниченности времени и нацеленности на медицинскую терминологию мы только упоминаем имя Люцифер, с анализом двух терминоэлементов: люкс – свет и фер – нести. Рассматривая слово «*veritatis*», студенты обращаются не только к только что усвоенным терминам «*costa vera*» и «*vertebra vera*», видят словарную форму прилагательного «*verus*», вспоминают «Незнакомку» А. Блока, и сравнивают с русскими словами «верный», «вера», выводя значение латинского слова из массива уже известного (разумеется, с некоторой помощью преподавателя).

Таким образом, с первого занятия, еще до рассмотрения собственно первой темы, мы начинаем закладывать основы для развития аналитического чтения и, шире, базис для формирования навыков синтеза и анализа, критической оценки исходного материала, отбора его, поиска единства или сходных характеристик, становления мышления.

На первом занятии, рассматривая правила чтения на латинском языке, мы концентрируем внимание именно на фонетике, из лексики включаем только те

термины, которые студенты уже использовали или только впервые услышат на первом занятии по анатомии.

Впоследствии, кроме отбора фактической лексики по конкретным темам занятий, мы предлагаем как обязательный компонент занятия «анатомический минимум». Методы работы с «анатомическим минимумом» различаются, в зависимости от задач конкретного этапа работы, но, в общем, суть заключается в тематическом сближении латыни с анатомией, постоянном повторении уже изученных на анатомии тем и, что весьма существенно, в проспективной работе: используя словари студенты самостоятельно переводят описания тех анатомических структур, которые еще не изучали. В таком случае студенты не задействуют механическую память, а именно работают со структурой и принципами языка, вырабатывают навыки анализа и синтеза терминов. Опыт показывает, что должным образом подготовленные студенты весьма успешно справляются с переводом с русского на латинский язык новых, незнакомых для них терминов, как используя словарь, так и самостоятельно формируя верные термины с помощью производных морфем и флексий (которые изучаются в том числе в виде терминоположений). Основные сложности, с которыми сталкиваются студенты, связаны с традиционными терминами и выбором из возможных синонимов для определенного тезауруса (например, какую именно из основных 3 возможных приставок со значением «ниже, под, пониженный» принято применять в слове «подъязычный» и какой из 3 вероятных синонимов этого прилагательного принято использовать в разных разделах анатомии).

Д. В. Дроздова традиционно определяет реализацию воспитательной цели через этически значимое содержание подобранных для чтения античных текстов, справедливо указывая сомнительность данной возможности из-за ограниченности во времени. В медицинском вузе, учитывая важность латыни, и концентрации усилий на изучении медицинской терминологии, чтение текстов осуществляется только в виде домашнего чтения текстов медицинского плана, анатомических, в основном. Поэтому реализация воспитательной цели осуществляется, по большей части, через анализ крылатых выражений, в комплексе со сравнительно-сопоставительным изучением таковых. Вопрос соотношения при изучении крылатых выражений всех четырех целей весьма интересен, но требует отдельного изучения. Здесь же укажем только на необходимость отбора крылатых выражений, и контроля их понимания: опыт показывает, что студенты часто грешат отсутствием общекультурных знаний и недостатком общей эрудированности, зачастую испытывают сложности с пониманием и истолкованием пословиц, хотя стоит признать, что причин тому можно выделить несколько.

Определение общеобразовательной и развивающей целей у разных методистов зачастую различается, в данной работе, учитывая специфику предмета в медицинском вузе, мы объединим их. Д. В. Дроздова проанализировав источники, предложила следующий комплекс трактовок развивающей цели:

1. Развитие языковой догадки, способность к выявлению языковых закономерностей, прогнозированию и установлению смысловых связей (Ш. Ф. Мустафина, А. Н. Щукин, Henrik R. Wulff, E. Marec`ková, F. S`imon, L. C`ervený');

2. Расширение лингвистического кругозора, развитие абстрактного грамматического мышления и научного подхода к родному и изучаемому западноевропейскому языку (Н. Л. Кацман);

3. Латинские корни в лексике европейских языков;

4. Понимание незнакомых слов с опорой на знакомые словообразовательные элементы (Е. А. Цывкунова, Henrik R. Wulff, E. Marec`ková, F. S`imon, L. C`ervený');

5. Влияние латыни на грамматический строй европейских языков;

6. Понимание грамматической структуры предложения независимо от знания лексики. Необходимость «отвязать учащегося от словаря»;

7. Понимание того, что «одинаковое лексическое значение выражается в разных языках разными способами» (Н. Л. Кацман, E. Marec`ková, F. S`imon, L. C`ervený');

8. Развитие учебной автономности (Е. А. Цывкунова, Henrik R. Wulff), то есть умение «в дальнейшем сознательно, а не вслепую подходить к изучению любого другого языка мира» (А. В. Подосинов).

И общеобразовательную цель автор трактует как понимание латинского языка и античной культуры как основы европейской цивилизации [Дроздова, 2012: 9].

Автор понимает комплекс этих двух целей как самое перспективное в изучении латинского языка, поскольку именно эти навыки останутся и будут активными после того, как студенты забудут и грамматику, и лексику, и крылатые выражения, изученные в курсе латинского языка.

Нельзя не согласиться с подобным утверждением, поскольку автор указывает на забывание не актуализированных умений и навыков, на забывание частных, отдельных корней и структур латинского предложения, на забывание употребления падежей в сложных грамматических конструкциях, не подкрепленных фактическим совпадением с конструкциями родного, в первую очередь, русского языка. Однако, даже после забывания не актуализированных умений и частных, отдельных слов, останется

актуальным и задействованным функционирование организованного мышления, развиваемого в процессе изучения латинского языка. Также, что актуально для студентов медицинского вуза, у будущего врача останется некоторая дотошность в анализе информации, внимание к деталям, понимание изменчивости, которая свойственна реальной жизни, в отличие от описания абстрактных конструкций. Латинский язык всего лишь закладывает основы такого понимания, подготавливает сознание будущего врача, что может облегчить понимание принципов и улучшить усвоение профильных клинических дисциплин.

Таким образом, можно сделать вывод о превалировании общеобразовательных и развивающих целей в изучении латыни в филологическом (не классическом образовании).

В системе медицинского образования основными целями будут практическая и развивающая, воспитательная же цель занимает скорее второе место, учитывая отбор именно медицинских крылатых выражений, и междисциплинарную связь с историей медицины, деонтологией, медицинской этикой и всеми клиническими дисциплинами.

Интересно, что в иноязычной литературе иногда предлагается такая экзотическая для отечественного образования цель изучения латинского языка, как повышение уровня доверия пациента к доктору и укрепление авторитета последнего. «Thus the doctor speaks an incomprehensible language and, through a reversed logical process, the impression may arise that if somebody uses an incomprehensible terminology, she or he is a good doctor. We might designate this phenomenon as the mystery of the foreign-language medical communication at the doctor versus patient or professional versus layman level» [Marešková, Šimon, Červený, 2002: 582]. И хотя, безусловно, общая эрудированность полезна и свидетельствует об уровне образования, вряд ли разумно оценивать профессионализм врача по знанию иностранного, даже латинского, языка. Мы можем согласиться с авторами в том, что существование подобного мнения в наши дни до некоторой степени загадочно, хотя и прослеживается четкая связь с исторической обособленностью, священным характером и загадочностью медицинской профессии в ретроспективе. Правда, подобное мнение ставит вопрос и о сохранении кастового характера медицинского образования и профессии в наше время, но социальные аспекты медицинского образования не являются предметом данной статьи.

Хотя, следует признать, что вычленение отдельных нюансов среди целей и задач изучения латинского языка в медицинском вузе весьма условно, в качестве общей цели можно предложить становление и развитие мышления, формирование профессионального языка врача, обеспечение профессиональной состоятельности, представление возможностей для дальнейшего саморазвития и совершенствования. Знание основ

латинской грамматики, специальной лексики и основного греко-латинского словообразовательного фонда обеспечивает профессиональную подготовку, терминологическую грамотность специалиста, позволяя одновременно повышать уровень его общекультурного развития и способствовать самореализации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельский С. А. Учебник латинского языка для студентов-медиков и врачей. Москва, Ленинград, 1930. 173 с.
2. Дроздова Д. В. Интеграция предмета «латинский язык» в современное образовательное пространство. Санкт-Петербург, 2012. Доступ: http://www.dvkaysarova.ru/.../Integracija_latinskogo_jazyka_v_sovremennoe_obrazovatelnoe_pro... (дата обращения: 27.04.2017).
3. Кацман Н. Л. Методика преподавания латинского языка. Библиотека учителя иностранного языка. М.: Владос, 2003. 256 с.
4. Лаптева Е. А., Наумченко Л. А., Брюховская Л. Г. Рабочая программа по дисциплине «Латинский язык» на 2011–2012 уч. гг. Доступ: <http://www.usma.ru/>. (дата обращения: 27.04.2017).
5. Латинский язык и основы терминологии / под ред. Ю. Ф. Шульца. Москва: Медицина, 1982. 336 с.
6. Мустафина Ф. Ш. Методика преподавания иностранных языков. Уфа: Вост. ун-т, 2004. 192 с.
7. Подосинов А. В. Латинский язык в школе. История, задачи и методика преподавания. М.: Русское слово, 1996. 92 с.
8. Приказ от 8 ноября 2010 г. N 1118 об утверждении и введении в действие федерального государственного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 060101 лечебное дело (квалификация (степень) «специалист»). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108943/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/. (дата обращения: 27.04.2017).
9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 060105 Медико-профилактическое дело (квалификация (степень) «специалист») (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 12 августа 2010 г. № 847). Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71505938/>. (дата обращения: 27.04.2017).
10. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы терминологии. Москва: Шико, 2007, 448 с.
11. Щукин А. Н. Методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 2002. 239 с.
12. Banay G. L. An Introduction to Medical Terminology. I. Greek and Latin Derivations. Bull Med Libr Assoc. 1948 Jan; 36(1):1-27. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/.../mlab00247-0013.pdf>. (accessed: 27.04.2017).
13. Basic of Medical Terminology: Latin and Greek Origin. Textbook for 1st year Students of Medicine. Compiled by László Répás. Proofread by Judith Bodnar M. D. Debregen, 2013.
14. Marečková Elena, Šimon František, Červený Ladislav. Latin as the language of medical terminology: some remarks on its role and prospects //Swiss medical weekly: official journal of the Swiss Society of Infectious Diseases, the Swiss Society of Internal Medicine, the Swiss Society of Pneumology. December 2002. Available at: <https://www.researchgate.net/>

publication/10913254_Latin_as_the_language_of_medical_terminology_Some_remarks_on_its_role_and_prospects. (accessed: 27.04.2017).

15. Wulff Henrik R. The language of medicine // Journal of the Royal Society of Medicine. 2004 Apr; 97 (4). P. 187-188. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1079361/>. (accessed: 27.04.2017).

REFERENCES

1. Belskiy, S. A. (1930). *Uchebnik latinskogo yazyka dlya studentov-medikov i vrachey* [Textbook of the Latin Language for medical students]. Moskva, Leningrad. (In Russ.).

2. Drozdova, D. V. (2012). *Integratsiya predmeta «latinskiy yazyk» v sovremennoe obrazovatelnoe prostranstvo* [The Integration of the subject “Latin” into the Modern Educational Space]. Sankt-Peterburg. Available at: http://www.dvkaysarova.ru/.../Integracija_latinskogo_yazyka_v_sovremennoe_obrazovatelnoe_pro... (accessed: 27.04.2017). (In Russ.).

3. Katsman, N. L. (2003). *Metodika prepodavaniya latinskogo yazyka* [Latin Language Teaching Methodology]. Biblioteka uchitelya inostrannogo yazyka. M.: Vldos. (In Russ.).

4. Lapteva, E. A., Naumchenko, L. A., Bryukhovskaya, L. G. *Rabochaya programma po distsipline «Latinskiy yazyk» na 2011–2012 uch. gg.* [Curriculum at Subject “Latin Language”]. Available at: <http://www.usma.ru/>. (accessed: 27.04.2017). (In Russ.).

5. *Latinskiy yazyk i osnovy terminologii* [Latin Language and the Basis of Terminology] / pod red. Yu. F. Shultsa. Moskva: Meditsina, 1982. (In Russ.).

6. Mustafina, F. Sh. (2004). *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Foreign Languages Teaching Methodology]. Ufa: Vost. un-t. (In Russ.).

7. Podosinov, A. V. (1996). *Latinskiy yazyk v shkole. Istoriya, zadachi i metodika prepodavaniya* [Latin Language at School. History, Goals and Teaching Methodology]. M.: Russkoe slovo. (In Russ.).

8. *Prikaz ob utverzhdenii i vvedenii v deistvie federalnogo gosudarstvennogo standarta vysshego professionalnogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki (spetsialnosti) 060101 lechbnoe delo (kvalifikatsiya (stepen) «spetsialist»)* [Order of affirmance and consummation of the federal state standards of the higher professional education at specialty 060101 “medical specialist”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108943/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/. (accessed: 27.04.2017). (In Russ.).

9. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart vysshego professionalnogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki (spetsialnosti) 060105 Mediko-profilakticheskoe delo (kvalifikatsiya (stepen) «spetsialist»)* [Federal state standards of the higher professional education at specialty 060105 Medical-prophylactic specialist]. (utv. Prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 12 avgusta 2010 g. N 847). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71505938/>. (accessed: 27.04.2017). (In Russ.).

10. Chernyavskiy, M. N. (2007). *Latinskiy yazyk i osnovy terminologii* [Latin Language and the Basis of Terminology]. Moskva: Shiko. (In Russ.).

11. Shchukin, A. N. (2002). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Foreign Languages Teaching Methodology]. M.: Prosveshchenie. (In Russ.).

12. Banay, G. L. (2013). *An Introduction to Medical Terminology. I. Greek and Latin Derivations*. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/.../mlab00247-0013.pdf>. (accessed: 27.04.2017).

13. *Basic of Medical Terminology: Latin and Greek Origin*. Textbook for 1st year Students of Medicine. Compiled by László Répás. Proofread by Judith Bodnar M.D. Debregen, 2013.

14. Marečková Elena, Šimon František, Červený Ladislav (2002). Latin as the language of medical terminology: some remarks on its role and prospects. In *Swiss medical weekly: official journal of the Swiss Society of Infectious Diseases, the Swiss Society of Internal Medicine, the Swiss Society of Pneumology*. December 2002. Available at:

https://www.researchgate.net/publication/10913254_Latin_as_the_language_of_medical_terminology_Some_remarks_on_its_role_and_prospects. (accessed: 27.04.2017).

15. Wulff Henrik R. (2004). The language of medicine. In *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2004 Apr; 97(4). Pp. 187-188. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1079361/>. (accessed: 27.04.2017).

Агаркова Алла Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией
(e-mail: fkkjs@mail.ru)
Государственное учреждение Луганской Народной Республики «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки»
91045, Луганск, кв. 50-летия Обороны Луганска, 1г

Agarkova Alla A. – Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Latin and Medical Terminology
(e-mail: fkkjs@mail.ru)
State Institution of Lugansk People's Republic "Lugansk State Medical University Named after Sainted Hierarch Luka"
1, 50-letiya oborony of Lugansk Street, Lugansk, 91045

Ширина Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией
(e-mail: shirina_olga@mail.ru)
Государственное учреждение Луганской Народной Республики «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки»
91045, Луганск, кв. 50-летия Обороны Луганска, 1г

Shirina Olga A. – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Latin and Medical Terminology
(e-mail: shirina_olga@mail.ru)
State Institution of Lugansk People's Republic "Lugansk State Medical University Named after Sainted Hierarch Luka"
1, 50-letiya oborony of Lugansk Street, Lugansk, 91045

Поступила в редакцию 24 июня 2017 г.

ПОРТРЕТ УЧЁНОГО

Редколлегия журнала, преподаватели и студенты факультета иностранных языков сердечно поздравляют доктора филологических наук, профессора, заведующую кафедрой английской филологии Ольгу Леонидовну Бессонову с юбилеем и желают ей дальнейших научных достижений, творческой энергии и бодрости, крепкого здоровья, счастья, талантливых учеников.

ОЛЬГА БЕССОНОВА: ЧЕЛОВЕК СЛОВА И ДЕЛА

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

Б. Пастернак

15 ноября 2017 года наш факультет отмечает знаменательное событие – юбилей известного ученого, доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой английской филологии Донецкого национального университета Ольги Леонидовны Бессоновой.

Человек очень работоспособный, с высоким творческим научным и педагогическим потенциалом, с неповторимым обаянием, О. Л. Бессонова обладает замечательной способностью преодолевать любые сложности, продолжая двигаться только вперед к новым научным, профессиональным, личностным вершинам.

Труды профессора О. Л. Бессоновой – широко известны в стране и за рубежом. Круг ее профессиональных интересов очень широк и охватывает актуальные вопросы лексической семантики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концептологии, аксиологической и гендерной лингвистики.

Ольга Леонидовна родилась в городе Мариуполь. Отец Леонид Иванович – строитель, мать Галина Алексеевна – экономист, сумели привить дочери такие важные качества как целеустремлённость, добросовестность, ответственность, сопереживание, инициативность. Окончила Мариупольскую среднюю школу № 34 с золотой медалью.

В 1991 году О. Л. Бессонова с отличием окончила Московский государственный лингвистический университет (Московский ордена Дружбы народов государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза), специальность «Иностранные языки», квалификация «Преподаватель английского и французского языков». С 1991 г. по 1992 г. работала преподавателем кафедры иностранных языков № 1 Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). В 1992 г. была принята на работу старшим преподавателем кафедры иностранных дисциплин в гуманитарный институт в ее родном городе Мариуполе, где за 10 лет прошла путь от старшего преподавателя кафедры до проректора по международным связям. Талант, упорство и трудолюбие, хорошая вузовская подготовка позволили Ольге Леонидовне уже в 1995 г. написать и защитить кандидатскую диссертацию на тему «Оценка как семантический компонент лексического значения слова (на материале существительных-наименований лица в английском, французском и украинском языках)». Первые научные исследования О. Л. Бессоновой были связаны с актуальным и бурно развивающимся направлением в языкознании – когнитивной лингвистикой. Научным руководителем Ольги Леонидовны при обучении в аспирантуре, а затем и научным консультантом в докторантуре был декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой германской филологии, академик АН высшей школы, доктор филологических наук, профессор Владимир Дмитриевич Калиущенко, создатель и руководитель научной школы «Германистика, типология, сопоставительная лингвистика: лексико-семантические и словообразовательные исследования», который пригласил Ольгу Леонидовну на работу в Донецкий национальный университет на должность заведующей кафедрой английской филологии.

В 2003 г. Ольга Леонидовна успешно защитила докторскую диссертацию по одной из актуальных проблем языкознания – «Оценочный тезаурус английского языка: когнитивный и гендерный аспекты».

С 2001 года О. Л. Бессонова возглавляет кафедру английской филологии. Во многом благодаря плодотворному труду О. Л. Бессоновой кафедра сохраняет свой высокий статус, имидж ведущего центра подготовки специалистов по английскому языку, будущих преподавателей. Служение науке, отношение к своему любимому делу и есть самая суть Ольги Леонидовны. Она обладает широкой эрудицией, разносторонними знаниями, умеет

критически мыслить и стремится проникнуть в проблемы кафедры, факультета, подсказать оптимальные варианты их решения.

О. Л. Бессонова является автором более 150 публикаций, среди которых монографии, научные статьи, рецензии, учебники, учебные пособия.

Интерес профессора О. Л. Бессоновой к лингвистике как к науке является, в конечном счете, интересом к человеку и его жизни во всех ее проявлениях. Ей присущи отзывчивость, сила чувства, умение сплотить коллектив. Как истинный патриот своей кафедры и университета она проникается духом сопереживания и ответственности за дело, которому посвящает свою жизнь. У Ольги Леонидовны есть замечательная способность – позаботиться о каждом, помочь в трудную минуту и словом, и делом, внести уют, придать оптимистичности, настроить на правильный лад.

Много сил уделяет О. Л. Бессонова научно-исследовательской деятельности кафедры, возглавляя научное направление «Лингвокультурологические и лингвокогнитивные исследования языковых категорий». По инициативе О. Л. Бессоновой основана монографическая серия с международной редколлегией «Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования», что стало значимым событием в научной жизни факультета. На сегодняшний день вышли в свет четыре выпуска серии.

Неутомимый труженик и талантливый ученый, профессор О. Л. Бессонова немало времени отдает подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации. Под научным руководством проф. О. Л. Бессоновой были защищены 12 кандидатских диссертаций. Аспиранты, студенты, коллеги Ольги Леонидовны знают ее как человека, преданного делу, требовательного к себе, и открытого, чуткого к другим людям, готового оказать профессиональную и человеческую поддержку. Творческая работоспособность, научная щедрость О. Л. Бессоновой помогают молодым ученым выбрать правильный курс, вселяют веру в успех в достижении желаемого результата.

О. Л. Бессонова постоянно следит за появлением в современном языкознании новых направлений, теорий и разработок. Как признанный и авторитетный специалист является заместителем ответственного редактора научных изданий: «*Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*», «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки». Во многом благодаря энергии, целеустремленности, таланту Ольги Леонидовны реализуются новые научные проекты по развитию межкультурного и межъязыкового общения в стране и за рубежом. По ее инициативе заключен договор о сотрудничестве с Университетом св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава, Словакия), в результате чего были опубликованы два сборника научных статей “*Humanities across the Borders*” (2012, 2017 гг.).

Высокий уровень профессионализма, житейской мудрости в сочетании с целеустремленностью и работоспособностью позволяют О. Л. Бессоновой выполнять много разных функций. О. Л. Бессонова – член диссертационного совета Д 01.021.06, работающего на факультете иностранных языков, эксперт ВАК ДНР, неоднократно выступала оппонентом на защитах докторских и кандидатских диссертаций.

В сложное для страны и университета время на факультете иностранных языков продолжается активная работа по обеспечению и совершенствованию учебного процесса. Неоценимый вклад в эту работу вносит Бессонова О.Л. как председатель учебно-методической комиссии факультета, стремясь сохранить накопленные богатые традиции факультета в сочетании с внедрением новых образовательных стандартов, технологий обучения, что позволяет факультету качественно и достойно осуществлять свою профессиональную деятельность.

Ольга Леонидовна не только успешный ученый и педагог. Коллеги знают юбиляра как заботливую маму двоих сыновей, внимательную дочь, любящую жену, трепетно относящуюся к главной ценности в жизни женщины – семье. Ольга Леонидовна поистине считается образцом того, как можно гармонично сочетать такие несочетаемые на первый взгляд ипостаси, как талантливый руководитель, активный научный деятель, педагог и хранительница семейного очага. По ее «лингвистическим» стопам пошел старший сын – Никита Юрьевич, преподаватель кафедры теории и практики перевода, отлично закончил ДонНУ и в сентябре 2017 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Ольга Леонидовна – человек слова. Как известно, слова имеют огромную движущую силу. Энергия слова и идеи вдохновляет окружающих и заражает других людей, подталкивает их не останавливаться на достигнутом и постоянно ставить перед собой новые цели.

Ольга Леонидовна – человек дела. Всегда на шаг впереди, в процессе научного и профессионального поиска.

Дорогая Ольга Леонидовна, в день Вашего юбилея вместе со всем факультетом и Вашей кафедрой английской филологии искренне желаем Вам неутомимой энергии и бодрости, крепкого здоровья, счастья, добра, благополучия, успехов во всех ваших делах и начинаниях! Пусть Ваша жизнь всегда остается наполненной плодотворным трудом, поддержкой единомышленников и пониманием близких людей!

К.филол.н., доцент кафедры английской филологии ДонНУ Е. С. Сысоева,
к.филол.н., доцент кафедры английской филологии ДонНУ Е. В. Трофимова

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ОЛЬГИ ЛЕОНИДОВНЫ БЕССОНОВОЙ

Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти: монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362с.

Ієрархія цінностей та її відображення в англійській картині світу // Процедури концептуального аналізу в різноструктурних мовах: колективна монографія / за заг. ред. О. Л. Бессонової. – Донецьк: ДонНУ, 2012. – 361 с. (Типологічні, зіставні, діяхронічні дослідження. Т. 7). (соавтори О. С. Сарбаш, О. В. Трофімова, С. В. Олійник, І. Д. Стоянова).

Процедури аналізу концептів при проведенні порівняльно-типологічних досліджень // Лінгвоконцептологія: перспективні напрями: колективна монографія / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. – Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. – С. 87–117.

Оценка в семантике и прагматике // Значение языковых единиц в сравнительном и типологическом аспектах: сб. науч. трудов. – Донецк: ДонГУ, 1995. – С. 16–26.

Типы аксиологической шкалы как элемента структуры категории оценки // Типологія мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах: зб. наук. праць / ред. кол.: В. Д. Калішченко (відп. ред.) та ін. – Донецьк: ДонДУ, 1999. – Вип. 2. – С. 33–36.

Структурно-семантическая характеристика нестандартных оценочных наименований лица // Вісник Донецького університету. Серія Б Гуманітарні науки. – 1999. – Вип. 2. – С. 148–153.

До питання про положення частин мови на аксіологічній шкалі // Наукові праці Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського / редкол.: О. С. Онищенко та ін. – К.: НБУВ, 2000. – Вип. 3. – С. 334–342.

Оценочный компонент в семантике глагола // Наука і сучасність: зб. наук. пр. Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: Логос, 2000. – Т. XXII. – Вип. 2. – Ч. 2. – С. 206–212.

Оценочные абстрактные существительные в когнитивном аспекте // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія романо-германська філологія. – 2000. – № 500. – С. 27–34.

Гендер и лексикография // Вісник Донецького університету. Серія Б Гуманітарні науки. – 2001. – Вип. 1. – С. 42 – 49.

Оценочные стереотипы в контексте гендерных исследований // Нова філологія. – Запоріжжя: ЗДУ, 2001. – № 1 (10). – С. 41–57.

Мужская и женская этика как основание гендерной оценки // Наука і сучасність: зб. наук. пр. Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: Логос, 2001. – Т. XXVIII. – С. 3–15.

Концепты “женское” и “мужское” в английском языке // Вісник Донецького університету. Серія Б Гуманітарні науки. – 2001. – Вип. 2. – С. 85–94.

Грамматический род в гендерном аспекте // Діяхронічне, типологічне і контрастивне дослідження германських, романських і слов'янських мов (семантика й словотвір): матеріали міжнародної наукової конференції. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – С. 26–31.

Особенности речевого поведения женщин и мужчин: материал эксперимента // Південний архів. Філологічні науки: зб. наук. пр. – Херсон: Айлант, 2002. – Вип. XIV. – С. 323–327.

Ієрархія цінностей в концептуальній та мовній картині світу чоловіків та жінок // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – Вип. 5. – С. 45–52.

Социальные роли в концептуальной и языковой картине мира мужчин и женщин: материал эксперимента // Наука і сучасність: зб. наук. праць Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: Логос, 2002. – Том XXXI. – С. 163–173.

Особенности мовленнєвої поведінки жінок і чоловіків: матеріал експерименту // Проблеми семантики слова, речення та тексту: зб. наук. пр. – К.: КНЛУ, 2002. – Вип. 8. – С. 25–29.

Способи вираження оцінки й оцінні стратегії в мовленнєвій поведінці чоловіків та жінок // Нова філологія. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – № 3 (14). – С. 41–48.

Ціннісна картина світу: гендерний аспект // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – Вип. 6. – С. 23–28.

Концептуальне моделювання оцінного значення // Наука і сучасність: зб. наук. праць Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: Логос, 2002. – Т. XXXIII. – С. 181–188.

Основные концепції мовленнєвої поведінки чоловіків та жінок // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 2002. – Вып. 8. – С. 335–341.

Гендерный аспект языкового выражения категории рода // Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. – 2002. – Вип. 7. – С. 43–51.

Семантичні типи абстрактних оцінних імен // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики: зб. наук. пр. – К.: ВПЦ “Київський університет”, 2002. – Вип. 2. – С. 27–31.

Порівняльний опис гендерних концептів у структурі ціннісної картини світу в англійській та українській мовах // Вісник Сумського державного університету. Серія Філологічні науки. – Суми: Видавництво СумДУ, 2002. – № 4 (37). – С. 15–21.

Гендерные концепты и ценностная картина мира в английском и украинском языках // Форма, значение и функции единиц языка и речи: материалы Междунар. научной конференции, Минск, 16–17 мая 2002 г.: в 3 ч. – Минск: МГЛУ, 2002. – Ч. 3. – С. 104–105.

Концепты эмоций в структуре оценочного тезауруса английского языка // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць: у 2-х ч. – Донецьк: ДонНУ, 2003. – Вип. 11. – Ч. 1. – С. 256–265.

Оценочный тезаурус английского языка: общая характеристика // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2003. – Вип. 586. – С. 14–17.

Проблеми тезаурусного опису лексики // Дослідження різнорівневих одиниць романських, германських і слов'янських мов: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2003. – Вип. 2. – С. 55–67.

Гендерний аспект оцінного тезауруса: експериментальне дослідження // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – Житомир, 2004. – Вип. 17. – С. 76–78.

Оцінний тезаурус англійської мови: модель опису // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко.* – Донецьк: ДонНУ, 2004. – Т. 1. – Вип. 2. – С. 5–20.

Гендерный аспект оценочного тезауруса: экспериментальное исследование // Языковые категории: границы и свойства: материалы международной научной конференции. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 9–12.

Рецензия на учебное пособие Э. Г. Хоменко „Грамматика английского языка” // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко.* – Донецьк: ДонНУ, 2004. – Т. 1. – №2. – С. 145–148. (соавтор С. Т. Богатырєва)

Концептуальна організація оцінного тезауруса англійської мови // Лінгвістичні студії: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Вип. 13. – С. 241–246.

Загальнооцінні концепти в структурі оцінного тезауруса // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Вип. 11. – С. 4–13.

Вираження оцінки одиницями різних частин мови // Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки. – Запоріжжя: ЗДУ, 2005. – Вып. 1 – С. 13–17.

Оценочные абстрактные существительные в когнитивном аспекте // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2005. – Вип. 667. – С. 82–85.

Портрет ученого: Світлана Олексіївна Швачко // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко.* – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Т.2. – № 3 (6). – С. 137–139. (співавтор В. Д. Каліущенко).

Гендерные концепты в разноструктурных языках: материал эксперимента // Стилистика и теория языковой коммуникации: конференция, посвященная 100-летию со дня рождения И. Р. Гальперина. – Москва, 2005. – С. 129–132.

Рецензія на монографію С. І. Потапенка «Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу)». – К.: Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с. // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко.* – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Т. 2. – № 1 (4). – С. 115–118.

Рецензія на монографію Ш. Р. Басирова «Типологія дієслів із рефлексивним комплексом в індоєвропейських мовах». – Донецьк: ДонНУ, 2004. – 333 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. – Т. 1) // *Наука і сучасність: зб. наук. праць Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова.* – К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2005. – Т. 48. – С. 218–223.

Проект незалежного тестування з іноземних мов в Україні // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко.* – Донецьк: ДонНУ, 2006. – Т. 3. – № 3 (9). – С. 5-15. (співавтор О. В. Завгородня).

Портрет ученого: Владимир Дмитриевич Калиущенко // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – Т. 4. – № 1 (10). – С. 158–163.* (соавтор Л. И. Кислякова)

Модель експериментального вивчення особливостей вербалізації ціннісної картини світу // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – Т. 4. – № 1 (10). – С. 5–15.*

Особливості дієслівної вербалізації оцінних концептів в англійській мові // *Одиниці та категорії сучасної лінгвістики (на російській та українській мові): збірник статей, присвячений ювілею В. Д. Калиущенка / відповід. ред. О. Л. Бессонова. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2007. – С. 227–241.*

Отражение особенностей речевого поведения женщин и мужчин в разноструктурных языках // *Проблеми типологічної та квантитативної лексикології: зб. наук. пр. – Чернівці: Рута, 2007. – С. 252–275.*

Концепти сприйняття в англійській ціннісній картині світу // *Грані мов і культур: зб. ст., присвячений ювілею М. О. Луценка. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – С. 108–124.*

Closing Plenary: Summary // *A TESOL Symposium English Language Assessment: October 26, 2007. – Kyiv, 2007. – P. 1–8.*

Вербалізація ядерних концептів оцінного тезауруса англійської мови чоловіками та жінками // *Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя професора В.В. Левицького: зб. наук. пр. – Чернівці: Книги – XXI, 2008. – С. 409–412.*

Оценочный тезаурус английского языка: общая характеристика // *Записки з романо-германської філології. – Одеса: Фенікс, 2008. – Вип. 20. Ювілейний присвячений 80-річчю професора В. А. Кухаренко. – С. 17–24.*

Insights into Language Testing // *Linguistic Research: The Selection of Research Papers. – Horlivka–Trnava, 2008. – Issue 6. – P. 10–14.*

Особенности вербализации ключевых гендерных концептов: материал эксперимента // *Linguistics and Didactics in the 21st Century. Trends, Analyses, and Prognoses 1. – Praha: Kernberg Publishing, s.r.o., 2008. – P. 6–23.*

Особенности вербализации эмоциональных концептов в английском языке // *Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава ДонНУ. – Донецьк: ДонНУ, 2009. – С. – Т. 2 – 84–85.*

Рецензия на учебное пособие А. Э. Левицького «Сравнительная грамматика английского и украинского языков». – К., 2008. – 264 с. // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2009. – Т.6. – № 2 (17). – С. 165–167.*

Структурные особенности оценочных наименований лица в английском, французском и украинском языках // *Записки з романо-германської філології. – Одеса: Фенікс, 2010. – Вип. 25. Ювілейний присвячений 145-річчю ОНУ імені І. І. Мечникова та 50-річчю факультету РГФ у складі ОНУ імені І. І. Мечникова. – С. 7–14.*

Эмотивные концепты в ценностной картине мира // *Материалы VIII международной научно-практической конференции «Наука и культура России», посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и*

Мефодия: 26-27 мая 2011. – Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2011.

Рецензия на монографию Н. И. Панасенко «Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономазиологического и когнитивного анализа)» // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання наук. журнал* / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2011. – Т. 8. – № 2 (23). – С. 153–155.

Hierarchy of values in the English language model of the world // *Humanities across the Borders: collection of papers / editors-in-chief O. Byessonova, N. Panasenko. – Donetsk–Trnava : DonNU, 2012. – P. 5–24.*

Emotive component in the meaning of nomination of person in English and Ukrainian // *Interdisciplinary aspects of language study / Daniel Lančarič (ed.). – 1. vyd. – Davle: Kernberg, 2012. – P. 7–16.*

Reconstruction of Value concepts in the Language Model of the World (in English) // *Language, Literature and Culture in a Changing Transatlantic World II. (Part I. Linguistics, Translation, Cultural Studies) / M. Ferenčík, K. Bednárová-Gibová (eds.). – Prešov, 2012. – P. 13–21.*

Standardized External Testing in Foreign Languages: Ukraine's Experience // *US-China Foreign Language. – Volume 11, Number 1, January 2013. – P. 68–75. ISSN 1539-8080 (Print), ISSN 1935-9667 (Online) (соавтор О. В. Трофимова).*

Ценностная картина мира и ее отражение в оценочном тезаурусе английского языка // *Человек. Язык. Культура. К юбилею В. И. Карасика. – К.: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Ч. 1. – С. 5–11.*

Негативные эмотивные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира // *STUDIA LINGUISTICA: сб. науч. тр. СПб.: Политехника-сервис, 2013. – Вып. XXII. Язык. Текст. Дискурс: Современные аспекты исследований. – С. 78–87. ISBN 978-5-906078-80-3.*

Рецензія на навчальний посібник С. І. Потапенка «Вступ до когнітивної лінгвістики». – Ніжин, 2013. – 136 с. // *Studia Germanica et Romanica: наук. журнал* / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – Т. 10. – № 3 (30). – С. 149–151. (співавтор А. Е. Левицький).

Лингвокультурный концепт *ДУША* в англоязычной картине мира // *Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В. А. Масловой / соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА – Наука, 2013. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3. – С. 55–61. (співавтор С. В. Стороженко).*

Фразеологические единицы с национально-культурным компонентом значения в британском и американском вариантах английского языка: семантика и структура // *Філологічні трактати, 2014. – Т. 6. – № 1. – С. 67–73. (співавтор А. Гайдаш).*

Процедури концептуального аналізу в зіставних дослідженнях // *Мовний простір граматики: актуальні студії: зб. наук. праць на честь 60-річчя член-кореспондента НАН України Анатолія Загнітка. – Донецьк: ДонНУ, 2014. – С. 402–414.*

Еволюція засобів вербалізації концептів негативних емоцій в англomовному художньому дискурсі XVIII–XXI ст. // *Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету / гл. ред. И. В. Ступак. – Одесса: Издательский дом «Гельветика», 2014. – Вип. 10. – С. 109–114.*

Master Class in Translation: Opening up New Vistas: Review of the monograph: Bednářová-Gibová K. «Non-Literary and Literary Text in Translation». Filozofická fakulta Prešovskej univerzity. – Prešov, 2012. – 100 p. ISBN 978-80-555-0612-8 // Лінгвістичні студії: міжнарод. зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2014. – Вип. 29. – С. 224–225.

Conceptualisation of Emotions and their Verbalization in the English Language Evaluative Thesaurus // The Subcarpathian Studies in English Language, Literature and Culture. – Rzeszow, 2014. – Vol. I. – P. 15–21. ISBN 978-83-7996-062-0.

Means of Expressing the Concept “SOUL” in the English Language // Cross-Cultural Challenges in British and American Studies. Slovak Studies in English IV. – Bratislava: Stimul, 2014. – P. 173–180. ISBN 978-80-8127-117-5. EAN 97888081271175.

Language Education in Slovak Universities: Interdisciplinary Approach // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции: 24–25 апреля 2015 г. / отв. ред. Д. А. Крячков. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – Т. 2. – С. 68–75. ISBN 978-5-9228-1398-3 (Т. 2). ISBN 978-5-9228-1399-0. (соавтор Е. Smetanová).

Сопоставительный аспект лингвокогнитивных исследований // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. / науч. ред. В. З. Демьянков. – М.: ТЕЗАУРУС, 2015. – С. 577–581. ISBN 978-5-98421-316-5.

Сопоставительные лингвокогнитивные исследования в Донецком национальном университете // Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации: сб. науч. ст.: к 50-летию кафедры английской филологии ДонНУ / под ред. д. филол. н., проф. О. Л. Бессоновой. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 20–32. ISBN 978-5-9275-1901-9.

Структура и семантика оценочных субстантивных композитов как средств вербализации концепта APPEARANCE в английском языке // Актуальные проблемы изучения языка и культуры: Всероссийская науч. конф.: 19–21 мая 2016 года: сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – С. 332–341. (соавтор Е. В. Трофимова).

Оценочные композиты-субстантивы как средство выражения категории «предметный мир» в английском языке // Учитель, ученик, учебник: материалы VIII международной научно-практической конференции: сб. ст. / отв. ред. И. Л. Лебедева. – М.: КДУ, Университетская книга, 2016. – Т. 1. – С. 166–173. (соавтор Е. В. Трофимова).

Структура и семантика фразеологических единиц с терминами родства в английском и немецком языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: науч. журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2016. – Т. 12. – Вып. 2 (34). – P. 47–61. (соавтор Д. Гришкова).

Interdisciplinary Approach to Foreign Languages Training in Slovakia: a Case Study of University of Ss. Cyril and Methodius // Humanities Across the Borders: Further Interdisciplinary Issues // Editors E. Hornáčková-Klapicová, E. Smetanová MADRID: EDICIONES XORKI, 2016. – P. 11-26. (соавтор Э. Сметанова).

Вербализация ядерных концептов оценочного тезауруса английского языка: гендерный аспект // Расширяя границы лингвистики: сб. науч. тр. к юбилею проф. В. Д. Калиущенко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – С. 285–294.

Методические указания по чтению газеты для старших курсов РГГУ. – Москва: РГГУ, 1992. – 41 с. (соавтор Л. А. Федорова).

Методичні вказівки до організації СРС з курсу домашнього читання для студентів 2 курсу. – Маріуполь: МГІ, 1996. – 30 с. (співавтор С. В. Сотнікова).

Навчальний посібник по практиці англійської мови на тему “Охорона здоров’я”. – Маріуполь: МГІ, 1997. – 63 с.

Методичні вказівки з навчання читанню газети для студентів старших курсів спеціальності “Англійська мова і література, новогрецька мова”. – Маріуполь: МГІ, 1997. – 68с. (співавтор Л. В. Підько).

Учебное пособие по вводно-коррективному курсу английского языка. – Мариуполь: МГИ, 1998. – 134 с. (соавторы Э. В. Васильева, С. Г. Романюк, И. В. Соколова, С. В. Сотникова).

Абітурієнту МГІ. Методичні вказівки до вступного екзамену з англійської мови. – Маріуполь: МГІ, 2000. – 47 с. (співавтор Н. Б. Васильєва).

Методичні вказівки з організації самостійної роботи студентів з теоретичного курсу “Історія англійської мови” (спеціальність 6.030500 / 7.030502 “Мова та література (англійська)”). – Донецьк: ДонНУ, 2004. – 39 с.

Навчальний посібник для самостійної роботи студентів з теоретичного курсу “Лексикологія англійської мови” (розділ “Словотвір”) для студентів спеціальності 6.030500/7.030502 “Мова та література (англійська)”. – Донецьк: ДонНУ, 2004. – 40 с. (співавтор С. Т. Богатирьова).

Хрестоматія з лексикології англійської мови (розділ «Словотвір») для самостійної роботи студентів спеціальності 6.030500 «Мова та література (англійська)». – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2011. – 81 с. (співавтор С. Т. Богатирьова).

IMAGES OF TODAY’S WORLD: підручник з англійської мови: у 2 ч. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2012. – Ч. 1. – 200 с. (співавтори О. М. Сидоров, Ю. К. Островська, Є. С. Курдіна, О. С. Сарбаш, В. В. Белоусов). (Гриф МОН лист № 1/11-5146 від 23.06.2011).

IMAGES OF TODAY’S WORLD: підручник з англійської мови: у 2 ч. – 2-ге вид. переробл. і доповн. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2013. – Ч. II. – 200 с. (співавтори О. М. Сидоров, Ю. К. Островська, Є. С. Курдіна, О. С. Сарбаш, В. В. Белоусов). (Гриф МОН лист № 1/11-5146 від 23.06.2011).

Life in Speech: навчальний посібник з англійської мови: у 2 ч. – 2-ге вид. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – Ч. I.– 252 с. (співавтори О. В. Клименко, О. М. Сидоров, О. В. Трофімова, Є. В. Коцаренко, О. О. Залужна). (Гриф МОН лист № 1/11-4338 від 26.02.2013).

**КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ,
ЗАЩИЩЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ О. Л. БЕССОНОВОЙ**

Ф.И.О диссертанта	Тема диссертации	Год защиты
Олейник Сергей Валериевич	Оцінні фразеологічні одиниці в англійській та українській мовах: лінгвокогнітивний аспект	2008
Сарбаш Елена Сергеевна	Семантика позитивної емотивної лексики: лінгвокогнітивний та лексикографічний аспекти (на матеріалі англійської, української та новогрецької мов)	2008
Стоянова Инна Дмитриевна	Дискурс антиутопії (на матеріалі англійської, української та російської мов)	2009
Зозуля Мария Александровна	Метафора-персоніфікація в романах У. Голдінга: лінгвокогнітивний аспект	2011
Островская Юлия Константиновна	Оцінні неологізми в англійській та українській мовах кінця XX – початку XXI століття	2011
Пефтиева Елена Федоровна	Образність як семантичний компонент лексичного значення слова: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі іменників-найменувань особи в англійській та українській мовах)	2011
Трофимова Елена Владимировна	Фразеологічна репрезентація негативних емоцій в англійській та українській національних картинах світу	2011
Сысоева Евгения Сергеевна	Семантика, структура і функціонування оцінної антропонімічної лексики в англійській мові	2012
Тараненко Ольга Владимировна	Оцінні реалії в сучасній англійській мові: лінгвокультурологічний аспект	2012
Аначенко Елена Сергеевна	Лінгвокультурний концепт РЕЛІГІЯ в англійській та українській мовах	2013
Бойко Яна Викторовна	Естетична оцінка у поетичному тексті: лінгвокогнітивний аналіз (на матеріалі лірики англійського романтизму)	2013
Хохлова Виктория Александровна	Фразеологические единицы с топонимическим компонентом в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект	2017

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words: .....

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ....
2. ....
3. ....

REFERENCES

1. ....
2. ....
3. ....

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общеязыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общеязыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@mail.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Домашний адрес автора (с указанием почтового индекса)		
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Адрес личной страницы в Интернете или сайта (если имеются)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 13 Выпуск 3 (37) 2017

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринёва

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).